

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ ЗАОЧНОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

«АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ФИЛОЛОГИИ И
КУЛЬТУРОЛОГИИ»

Новосибирск, 2011 г.

УДК 008+81

ББК 71+84

А 43

Рецензент

кандидат филологических наук Бердникова Анна Геннадьевна
(г. Новосибирск).

А 43 «Актуальные вопросы филологии и культурологии»:
материалы международной заочной научно-практической
конференции. (03 мая 2011 г.) – Новосибирск: Изд. «ЭНСКЕ»,
2011. – 214 с.
ISBN 978-5-91711-037-0

Сборник трудов международной заочной научно-практической конференции «Актуальные вопросы филологии и культурологии» отражает результаты научных исследований, проведенных представителями различных школ и направлений современной филологии и культурологии.

Данное издание будет полезно аспирантам, студентам, исследователям и всем интересующимся актуальным состоянием и тенденциями развития филологии и культурологии.

ББК 71+84

ISBN 978-5-91711-037-0

Оглавление

Секция 1: Культурология	7
РЕЦЕПЦИЯ СИМВОЛА СВЯТОГО ГРААЛЯ: ОТ ЭПОХИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ ДО НАШИХ ДНЕЙ Мельникова Екатерина Григорьевна	7
Секция 2: Лингвистика	14
СПОСОБЫ ЛОКАЛИЗАЦИИ ПРОСТРАНСТВА В ЯЗЫКЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПРОЗЫ (НА ПРИМЕРЕ ТЕКСТОВ М.К. АГАШИНОЙ)	14
Баскакова Валентина Петровна КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ МЕЖДОМЕТИЙ В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ	22
Болтнева Наталия Алексеевна К ВОПРОСУ ОБ ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ (НА МАТЕРИАЛЕ ФЕ С КОМПОНЕНТАМИ-НАИМЕНОВАНИЯМИ СТИХИЙ В РУССКОМ И ПОЛЬСКОМ ЯЗЫКАХ)	26
Ибрагимова Венера Латыповна Борисова Анна Владиславовна ОБ ОСОБЕННОСТЯХ LSP ГОМЕОПАТИИ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКОВ)	30
Буженинов Александр Эдуардович СПЕЦИФИКА ТВОРЧЕСТВА ДАНИИЛА ХАРМСА: ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	37
Вершкова Светлана Алимпиевна АВТОРСКАЯ РЕФЛЕКСИЯ КАК ЭЛЕМЕНТ РЕКЛАМЫ	41
Врублевская Оксана Валентиновна МЕЖЪЯЗЫКОВАЯ СИММЕТРИЯ И АСИММЕТРИЯ В ПЕРЕВОДЕ (РУССКИЙ И ПОЛЬСКИЙ ЯЗЫКИ)	46
Гасек Богумил Генрикович АББРЕВИАЦИЯ И ДЕЗАББРЕВИАЦИЯ СОБСТВЕННЫХ ИМЕН КАК АКТИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ЖАРГОННОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ	55
Гладченкова Екатерина Алексеевна ОСОБЕННОСТИ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА СТУДЕНТАМ МЕДИЦИНСКОГО КОЛЛЕДЖА, ОБУЧАЮЩИМСЯ НА КАЗАХСКОМ ЯЗЫКЕ Джусупов Умирбек Сейдалиевич	61

КОМПОЗИЦИОННАЯ ЗНАЧИМОСТЬ ИНТЕРВАЛОВ СТРУКТУРЫ В ВОСПРИЯТИИ И ПОНИМАНИИ ТЕКСТА Дорофеева Валерия Александровна	67
КОММУНИКАТИВНАЯ ОШИБКА КАК НАРУШЕНИЕ ФОРМУЛЬНОЙ МОДЕЛИ ПОВЕДЕНИЯ Епихина Елизавета Михайловна	74
ПОСЛОВИЧНАЯ КАРТИНА МИРА В ДИАЛОГЕ КУЛЬТУР (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И ЧЕШСКОГО ЯЗЫКОВ) Кириллова Ирина Викторовна	79
К ВОПРОСУ ОБ ИССЛЕДОВАНИИ КОНЦЕПТОСФЕРЫ ПРОСТРАНСТВА Ковалева Елена Анатольевна	84
НОМИНАЦИИ ЖИЛИЩА В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ РЕАЛЬНОСТИ НЕМЕЦКОЙ ПРОЗЫ. АРХЕТИПЫ ЖИЛИЩА У Э.М. РЕМАРКА Ковалева Елена Анатольевна	89
МНОГОНАЦИОНАЛЬНАЯ КАНАДА: ОПЫТ МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА Кожемякина Валентина Алексеевна	93
ПОЛУСУФФИКСАЦИЯ В АНГЛИЙСКОМ ЛЕКСИЧЕСКОМ СУБСТАНДАРТЕ: ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ Коноплева Ирина Николаевна	101
МЕТАФОРИЧЕСКИЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ КОНЦЕПТА "HAUS" В МАТЕРИАЛАХ НЕМЕЦКИХ СМИ Кулдошина Наталия Николаевна	106
ОБРАЩЕНИЕ В РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ: СОХРАНЕНИЕ ТРАДИЦИЙ ИЛИ НОВОВВЕДЕНИЯ Лунева Валентина Владимировна	114
РАЗЛИЧНЫЕ ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЯ «ТЕРМИН» И «ТЕРМИНОЛОГИЯ» В ЮРИСЛИНГВИСТИКЕ Малюкова Елена Вячеславовна	119
ЯЗЫКОВЫЕ ДЕВИАЦИИ В ЭЛЕКТРОННОМ РЕЧЕВОМ ЖАНРЕ Марченко Наталья Геннадьевна	125
Марченко Лариса Валентиновна КОНЦЕПТ «ПОРЯДОК» В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ: К ПРОБЛЕМЕ ЕГО «ВНУТРЕННЕЙ ФОРМЫ» Нечаева Наталья Викторовна	130

ПРОБЛЕМА КОММУНИКАТИВНЫХ СТРАТЕГИЙ И ТАКТИК В КИНОДИСКУРСЕ	136
Самкова Мария Андреевна	
КОМПЕТЕНТНО-ДЕЯТЕЛЬНОСТНЫЙ ПОДХОД В ОБУЧЕНИИ БУДУЩЕГО СПЕЦИАЛИСТА ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В НЕЯЗЫКОВОМ ВУЗЕ	142
Сбитнев Константин Валерьевич	
К ВОПРОСУ ОПРЕДЕЛЕНИЯ КАТЕГОРИИ ИНТЕНСИВНОСТИ	146
Сидорова Татьяна Николаевна	
РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА 'БЫТ' В ПРОЦЕССЕ ИЗУЧЕНИЯ ТЕКСТОВ РУССКИХ ПОСЛОВИЦ И ПОГОВОРОК	152
Смирнова Лариса Александровна	
ЯЗЫК ЖИВОПИСИ ХУДОЖНИКОВ ХАКАСИИ: ПРИНЦИПЫ ПОСТРОЕНИЯ	158
Талапова Татьяна Андреевна	
КОНЦЕПТ «МУЖЧИНА» В РУССКОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ	162
Таловикова Оксана Владимировна	
ТРУДНОСТИ ПЕРЕВОДА ПСЕВДОЭКВИВАЛЕНТОВ РУССКОГО И ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКОВ	168
Томилова Александра Игоревна	
СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЛЕКСИКИ ИРАНСКИХ ЯЗЫКОВ ЮЖНОГО КАВКАЗА	173
Умняшкин Александр Александрович	
ВЕРБАЛИЗАЦИЯ ЭМОЦИЙ В ПИСЬМЕННОЙ БИЗНЕС- КОММУНИКАЦИИ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ	179
Цой Алла Игнатьевна	
К ВОПРОСУ О ВЛИЯНИИ ОБРАЗНОСТИ ПОЛЬСКОГО ФОЛЬКЛОРА НА РУССКИЕ ЗАГАДКИ	183
Шадрина Татьяна Семёновна	
Секция 3: Литературоведение	188
РУССКАЯ ВЕРСИЯ ДЕКАДАНСА КАК ПОИСКИ НОВОЙ ДУХОВНОСТИ	188
Виноградова Виктория Викторовна	
«ИТАЛЬЯНСКИЙ ТЕКСТ» В РИМСКИХ СТИХАХ АЛЕКСАНДРЫ ПЕТРОВОЙ	192
Кондрашева Анастасия Валерьевна	

ВЕНЕЦИЯ КАК «ВРОЖДЁННАЯ ИДЕЯ» В РУССКОЙ ПОЭЗИИ XX ВЕКА: ОТ В. КОМАРОВСКОГО ДО А. МАШЕВСКОГО	196
Кунусова Алина Нагиевна ОСОБЕННОСТИ ПОЭТИКИ ПАРОДИРОВАНИЯ В ТЕТРАЛОГИИ М. АЛДАНОВА «МЫСЛИТЕЛЬ»	201
Макрушина Ирина Владимировна ВЛИЯНИЕ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ ПЕРСИИ НА РУССКУЮ ЛИТЕРАТУРУ И ПОЭЗИЮ	209
Халилзадех Аминиян Захра	

СЕКЦИЯ 1: КУЛЬТУРОЛОГИЯ

РЕЦЕПЦИЯ СИМВОЛА СВЯТОГО ГРААЛЯ: ОТ ЭПОХИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ ДО НАШИХ ДНЕЙ

Мельникова Екатерина Григорьевна

*аспирантка кафедры теории и истории культуры,
Факультет «Философии человека» РГПУ им. А. И. Герцена
г. Санкт-Петербург
E-mail: ca_mel@mail.ru*

Устройство человеческой психики таково, что при изменениях социокультурных условий – кризисом нравственных ценностей, культурной идентичности, как личности, так и социума в целом, характерно обращение к культурному наследию прошлого, где, в частности, одно из значимых мест принадлежит средневековым символам. В связи с ремифологизацией сознания современного человека обращение и увеличение интереса к символам эпохи Средневековья является естественным процессом, происходящим в массовой постмодернистской культуре. Прежде всего, символы репрезентируются в художественных текстах, где их традиционная средневековая семантика трансформируется в формы, адекватные ментальностям современного социума. Одним из древнейших и важнейших символов эпохи Средневековья является Грааль. Этот таинственный образ, выходящий за границы реальности, преследует европейского человека и на протяжении, как минимум, восьми веков служит универсальным идеалом западной культуры. Рецепция этого символа, произошедшая в эпоху постмодернизма, привнесла новые коннотативные значения в трактовку семантики этого символа в текстах современной культуры. Данная работа посвящена анализу трансформации семантики образа Грааля в художественных произведениях от эпохи Средневековья до наших дней. Для упрощения понимания современных смысловых трансформаций обратимся к истории изучаемого образа.

Происхождение слова Грааль (старофранц. Graal, Grâl, лат. Gradalis) [1, с. 317] вызывает споры у лингвистов-этимологов.

По одной из версий оно образовано от латинского слова gradale, зафиксированного в IX в. и обозначавшего «блюдо» или «чашу». Латинское слово могло происходить от греческого cratalem (греч. кратής – krater [1, с. 317]), обозначавшего плоскую чашу с двумя ручками, хотя, у римлян существовал другой похожий предмет

сервировки, называвшийся *garalis* – сосуд для хранения рыбного соуса, изготавливавшегося из анчоусов, одного из основных ингредиентов, необходимых в кухне римлян. Гаралисы делали из стекла, у этих сосудов были ножки и ручки [7, с. 245].

Существует также французское слово *gradale* – сборник церковных гимнов и псалмов или *graduale* – церковное песнопение, то есть, словом *graal* могли называть книгу, использующуюся в церковной службе [1, с. 317].

Другая традиция возводит происхождение слова *grail* из слова *cratis* (ср. ирл. *cruol* «корзина изобилия» [1, с. 317]), обозначавшего плетеную корзину, которая с течением времени стала обозначать блюдо. В любом случае, слово вошло в европейские языки из Каталонии, язык которой близок к наречию юга Франции, к району Труа, из которого происходил автор первого романа о Граале, Кретьен де Труа.

Таким образом, одно слово, по мнению этимологов, может происходить от слов, обозначавших пищу телесную и духовную. Рыбные мотивы в связи с этим предметом сервировки тоже кажутся неслучайными – рыба была символом Христа и христианства, ибо апостолы были рыбаками как фактически, так и метафорически – улавливали души, как рыбаки рыбу.

В различных версиях средневековых легенд о Граале существуют два основных сюжета, дошедших до нас из евангелий, в том числе и апокрифичных (Евангелие от Никодима, Евангелие от Петра), и средневековых романов о короле Артуре и рыцарях Круглого стола.

В Евангелии от Никодима говорится о том, что Грааль – это чаша, первоначально служившая Христу и апостолам во время Тайной вечери, то есть он был потиром первой литургии. После распятия Христа в эту чашу Иосиф Аримафейский собрал его кровь как последний священный дар Учителя [5, с. 138]. Всё это ставит Грааль в ряд евхаристических символов, поэтому легенды о нём часто переплетаются с рассказами о чудесных видениях, удостоверявших «реальность» пресуществления хлеба и вина в тело и кровь Христа.

Образ Грааля как золотого сосуда, украшенного «разными камнями, самыми богатыми и драгоценными, какие только можно было найти под водой и на земле» [6, с. 10] встречается в цикле легенд о короле Артуре и рыцарях Круглого стола во французском стихотворном романе конца XII в. Кретьена де Труа «Персеваль, или Повесть о Граале» (1181-1191 гг.).

У Роберта де Борона в его произведении «Роман о Граале» (1190-1191 гг.) – это волшебный сосуд, в котором для жаждущих и алчущих не иссякает ни питье, ни яства, служивший при Тайной вечери. Этот святой сосуд был утаен и сохранен учеником Иисуса Иосифом Аримафейским, а в страшный день распятия в эту чашу Грааля Иосиф собрал кровь спасителя. Таким образом, морфология образа Грааля в романе Робера де Борона в целом совпадает с трактовкой предыдущих авторов, но у него появляется и коннотативное значение – Грааль наделяется способностью насыщать своих хранителей различными напитками и яствами. Эта черта, играющая важную роль в легендах, сближает Грааль с мифологическими символами изобилия (рог козы Амалфеи в греческой мифологии, котёл в мифах и ритуалах кельтов и др.), но также с христианской мистикой причащения как «хлеба ангелов» и манны небесной.

Другой сюжет наиболее полно передал в своем романе «Парцифаль» (1200-1210 гг.) немецкий поэт и миннезингер Вольфрам фон Эшенбах. В его произведении Грааль – это уже не чаша евхаристии, а драгоценный камень (изумруд), выбитый архангелом Михаилом из короны Люцифера, когда он был низвергнут в безну. Из этого камня и была сделана чаша, из которой пил Христос на Тайной Вечере [13, с. 194]:

«И перед залом потрясенным
Возник на бархате зеленом
Светлейших радостей исток,
Он же и корень, он и росток,
Райский дар, преизбыток земного блаженства,
Воплощение совершенства,
Вожделеннейший камень Грааль...».

Таким образом, Грааль становится духовным символом, приносящим насыщение не только физическое, но и моральное.

Следовательно, в сохранившихся до наших дней произведениях средневековой литературы образ Грааля имеет две морфологические трактовки: чаши и камня, каждая из которых несет определенное символическое значение в текстах культуры эпохи Средневековья.

Прежде всего, морфологически Грааль выражается в форме чаши, воплощая в себе идею собирания. Это символ устремления к духовной и физической пище, психического здоровья и бессмертия. В христианстве чаша стала символом жертвенного сердца Христова, дарующего Божье милосердие, искупающее грехи. В средневековых легендах о поисках Грааля чаша символизирует совершенную

природу, открывающуюся лишь чистым духом и искренним сердцем, дарующую духовное просветление и знание [12, с. 299].

Если смотреть сверху, чаша представляет собой круг с точкой в центре – открытое око Бога, символ Вселенной, проекция образа мира в планет. Точка в центре подобна вершине, которая поддерживает и собирает все, именно с вершины можно увидеть единство жизни во всех ее проявлениях. Это так же астрологический символ Солнца и алхимический символ золота [12, с. 103].

К.Г. Юнг рассматривает чашу как символ стремления человека найти собственный центр и, по существу, как женский символ, который принимает и отдает [12, с. 299].

Не менее интересна и разнообразна символика камня. Он является естественным символом определенности, устойчивости, незыблемости, неизменности, крепости [12, с. 682]. Культ камня был распространен у всех семитских народов: Моисей получает каменные скрижали, образ жертвенника как камня символически связывает Ветхий Завет с Новым [12, с. 685]. Также во многих местах Библии под камнем подразумевается Христос. В этих случаях указывается, что речь идет о духовной скале, твердости и несокрушимости духа [9, с. 191]. Эзотерический смысл символа камня раскрывается Христом в притче о доме, построенном на камне, не боящемся ненастья. Кроме того, надежность и неразрушимость каменного основания раскрывается в библейском образе Святого Петра как основателя Церкви [12, с. 685, 688].

Символика образа Грааля у Вольфрама фон Эшенбаха коррелирует с жемчужиной, которая крепится на лбу индуистского бога Шивы и трактуется как «орган вечности» [2, с. 134]. Более того, изумруд, которым является этот камень, выбитый из короны Люцифера, символизирует бессмертие, надежду, юность, верность. Считается, что камень помогает только человеку с чистой совестью, а злему и лживому приносит несчастье [12, с. 702].

Таким образом, традиционная трактовка образа Грааля в средневековых художественных произведениях морфологически и семантически сводится к образам чаши или камня. Семантика обоих символов, выражающая святость, жертвенность и в то же время твердость и неизменность в движении к цели, достижение которой дарует бессмертие, является сакральной для христианства. В культуре Средневековья поиск Грааля есть поиск собственного «Я», Центра опоры, обретение которого знаменует возвращение в первоначальное состояние, к изначальной вечности [2, с. 134-135].

Образ Грааля в современной литературе трансформируется под влиянием различных квазиисторических теорий и массовой культуры.

Одна из самых популярных теорий, касающаяся интерпретации образа Грааля, была изложена в книге английских исследователей М. Бейджента, Р. Ли и Г. Линкольна «Святая Кровь и Святой Грааль», которая вдохновила американского писателя Д. Брауна на создание своего конспирологического шедевра массовой литературы «Код да Винчи».

В книге выдвигается гипотеза о том, что Грааль – это женщина, которая была супругой Иисуса Христа и матерью его отпрыска Мария Магдалина. Утверждается, что эта женщина стала родоначальницей королевской династии (фр. *San Greal* – «Святой Грааль» по другой разбивке *Sang Real* – «королевская кровь» [4, с. 303]) Меровингов, которые впоследствии вынуждены были скрывать свое благородное происхождение и вести жизнь под защитой тайного общества, известного под названием Приорат Сиона. Следовательно, символическое изображение Грааля как сосуда или чаши – это лишь метафора, использующаяся для сокрытия истинного значения: «Символ этот призван подчеркивать женское начало, женственность, плодородие. <...> Грааль есть не что иное, как древний символ женственности, он символизирует священное женское начало и богиню» [4, с. 288].

Таким образом, современная неканоническая семантика образа Грааля, воплотившаяся в произведении Д. Брауна «Код да Винчи», сохранила морфологическое воплощение в образе чаши или цветка розы, но утратила традиционное значение сосуда, в который была собрана кровь распятого Христа. Грааль в постмодернистской трактовке приобрел антропоцентричную направленность, утратил символическое значение святости в открытом, общепризнанном плане, стал предметом таинственным и загадочным. Цветок розы также является древним символом женственности, красоты, совершенства, плодородия, молчания и тайны, тем самым дублируя современные коннотационные значения чаши. Грааль-женщина-роза сохранила сакральность только для ограниченного количества людей, и те, кто был приобщен к тайне истинной природы чаши, также могли совершить паломничество, чтобы «помолиться отверженной, утраченному священному женскому началу» [4, с. 311]. Такое путешествие становится символическим поиском истины, которая, как и в традиционной трактовке, открывается «только достойным» [4, с. 510].

Еще более неоднозначную трактовку образа Грааля предложил в своем романе «Баудолино» итальянский медиевист и семиотик У. Эко. Морфологически образ Грааля является традиционным: «Это самая наиценная реликвия крещеного мира, чаша, в которой Иисус освятил вино Тайной Вечери и куда Иосиф Аримафейский сцедил кровь из ребра Христа распятого» [11, с. 151-152]. По рассказам, которые слышал один из героев романа, Братина «наделена исключительными качествами»: «владея ею, рыцарь приобщается к семени избранничества» [11, с. 152]. Такими качествами наделяется лишь мифический Грааль в фантазиях героев романа, в реальности чаша утрачивает сакральное значение, не является тайной, открытой только для избранных, а становится простой деревянной плошкой, которую один из героев выдает за истинную чашу. Фальсифицированная реликвия лишена каких-либо сверхъестественных способностей, но по-прежнему наделяет ее обладателя властью и престижем в глазах людей незнающих о том, что она не настоящая.

В данном произведении Грааль символизирует недостижимую вечную мечту человечества о священном предмете, обладание которым даровало бы покой, уверенность, власть и бессмертие. Такого предмета не существует, он создается человеческими руками или умом, а в него начинают верить как в божественный дар. Кроме того, именно в погоне за мечтой о Граале многие люди теряли покой, искали его «днями и ночами, год за годом и век за веком» [11, с. 563].

Таким образом, в художественной литературе существует множество трактовок образов Грааля, их смыслы переплетаются в попытке передать великое и глубокое понятие, которое невозможно определить одним словом. Трансформации морфологии и семантики образа Грааля в мировой художественной литературе свидетельствуют о широте и масштабности этого образа, созданного человеческим воображением. Чаша и камень, женщина и роза – образы и символы Грааля не принадлежат одной культуре, времени и месту. Грааль всегда означает самое главное, без чего жизнь человека теряет смысл – это указание пути духовного поиска самого себя, центра, без которого не ясна цель движения, не с чем оценивать пройденное. Поиски современным человеком своей идентичности, индивидуальности повлекли за собой обращение к прошлому и возрождению интереса к Граалю, образ которого трансформируется в соответствии с современными социокультурными условиями. Сегодня человечеству необходимо найти путь своего дальнейшего развития. Каждый из нас

ищет свою мечту и добивается ее, не догадываясь, что это и есть его личный Грааль, который ждет своих искателей и верных хранителей.

Список литературы:

1. Аверинцев С. С. Грааль // Мифы народов мира: В 2 т. Т. 1. / Гл. ред. С. А. Токарев. – М.: Советская энциклопедия, 1987. – 671 с.
2. Андреева В., Ровнер А. Грааль, святой // Энциклопедия символов, знаков, эмблем / Авт.-сост. В. Андреева и др. – М.: ООО «Издательство Астрель»; ООО «Издательство АСТ», 2004. – 556 с.
3. М. Бейджент, Р. Ли, Г. Линкольн Святая Кровь и Святой Грааль. – М.: Эксмо, 2007. – 446 с.
4. Браун Д. Код да Винчи. – М.: АСТ, 2006. – 542 с.
5. Кокс С. Взламывая код да Винчи: путеводитель по лабиринтам тайн Дэна Брауна. – М.: АСТ, 2005. – 248 с.
6. Кривошеина А. Тайна Грааля // Человек без границ. – 2006. №8. – 12-16 с.
7. Культурология. Большой толковый словарь. / сост. Б. И. Кононенко. – М.: АСТ, 2003 – 512 с.
8. Майер Р. В пространстве – время здесь... История Грааля. – М.: Энигма, 1997. – 352 с.
9. Похлебкин В. В. Словарь международной символики и эмблематики. – М.: Международные отношения, 2001. – 560 с.
10. Романчук Л. Феномен средневековья и Святой Грааль // Порог – №6 – 2004. – 22-27 с.
11. Эко У. Баудолино. – СПб.: «Симпозиум», 2007. – 576 с.
12. Энциклопедия символов / сост. В. М. Рошаль. – М.: АСТ; СПб.: Сова, 2007. – 1007 с.
13. Эшенбах В. фон Парцифаль. // Хрестоматия по литературе Средневековья: В 2 т. Т. 2. – СПб.: Азбука-классика, 2003. – 186-204 с.

СЕКЦИЯ 2: ЛИНГВИСТИКА

СПОСОБЫ ЛОКАЛИЗАЦИИ ПРОСТРАНСТВА В ЯЗЫКЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПРОЗЫ (НА ПРИМЕРЕ ТЕКСТОВ М.К. АГАШИНОЙ)

Баскакова Валентина Петровна

*заместитель директора МОУ гимназии №11 г. Волгограда,
аспирант кафедры русского языка ВолГУ, г. Волгоград*

E-mail: Baskakovavalentina@jandex.ru

Языковые механизмы создания стиля региональной прозы - актуальная область исследований в лингвистике. Она является малоизученной и представляет теоретический и практический интерес для филологов. Прозаические произведения М.К. Агашиной являются богатным материалом для исследования языка региональной литературы.

Материалом для данной работы послужили прозаические тексты М.К. Агашиной сталинградского / волгоградского периода ее творчества. Основной задачей стало выявление «региональных» черт языка и стиля поэтессы.

Вопрос о специфике регионального языка был впервые поставлен исследователями в лингвистической географии. Термин «региолект» ввёл А.С. Герд, под которым понимается «особый тип языкового состояния, который является сегодня основной формой устно-речевого общения больших групп русских как на селе, так и в городах и посёлках городского типа» [3, с. 48]. Появление термина «региональный язык», или «региолект», связано с процессом нивелировки и утраты диалектных различий [9, с. 76], деградации и исчезновении диалектов [2, с. 30, 36]. Отечественных и зарубежных исследователей интересовало соотношение регионального языка и диалекта [см.: Л.И. Баранникова, М.А. Бородина, Л. Вольф, А.И. Домашнев, О.А. Лосева, И.А. Новикова, А. Соммерфельт]. М.А. Бородина считает, что региональный язык обладает большей динамичностью по сравнению с диалектным языком, поскольку это особое звено в «цепочке» языковых состояний, а также проявление языковых ситуаций; характеризуется большей открытостью системы, большей степенью соприкосновения с литературным языком, даже зависимостью от него [2, с. 32-33]. Названные особенности регионального языка могут быть отнесены к понятию «разговорная речь», включающему представление об устной неподготовленной

речи. Это понятно, т.к. под регионом М.А. Бородина понимает «систему взаимосвязанных и взаимозависимых компонентов географической и экономической среды» [2, с. 36]. Г.В. Степанов пишет: «Элемент языкового состояния получает свою конкретность только в ситуации, т.е. когда он вступает в определённые отношения к другим элементам целостного образования» [13, с. 31]. По словам В.Н. Шапошникова, одним из типов регионального функционирования языка является речевая практика малого города: «Языковое пространство современной России в значительной степени определяется жизнью и спецификой малых городов» [14, с. 53]. Таким образом, термин «региональный язык», или «региолект», предусматривает определённую функционирующую лингвистическую структуру. Вслед за Т.А. Голиковой под региональным языком мы понимаем систему всех языковых механизмов, обеспечивающих порождение и понимание речи в данном регионе [4, с. 120].

На основе анализа языка прозаических произведений М.К. Агашиной нами было установлено, что одной из ярких черт, имеющих отношение к выявлению региональной специфики её творчества, является локализация содержания текста, а именно, процесс семантического «сужения» его единиц, актуализирующих значимые в тексте смыслы. Под семантическим сужением в общем смысле понимают процесс «уменьшения семантического объёма понятия в процессе исторического развития или в контексте речевого употребления» [10, с. 202]. В то же время в тексте слово способно передать такие «нюансы» содержания, «которые семантикой языка не предусмотрены заранее» [6, с. 2]. Контекст выступает ключом к прочтению слова: он сужает его значение, выдвигая, динамизируя одни его признаки за счёт других, и одновременно расширяет слово, наращивая на него пласты ассоциаций [7, с. 10]. В связи с этим семантическое сужение как прием, используемый в поэтических текстах М.К. Агашиной, мы рассматриваем в функциональном аспекте как явление более широкое, чем понятийное переосмысление, как особый способ категоризации действительности и формирования региональной проекции мира в тексте.

Категоризация явлений мира осуществляется автором текста часто неосознанно и автоматически [11, с. 35], составляя особенности его языкового сознания. Задача исследователя в этом случае состоит в выявлении повторяющихся, типичных способов отражения действительности в тексте.

Специфика художественного произведения заключается в особых отношениях составляющих текста, определяющих функции

каждого компонента и эстетическую значимость всего текста [6, с. 1]. Значение слова в художественном тексте современная теория лексической семантики рассматривает как особый функциональный тип словесного значения (см.: В.В. Виноградов, Г.О. Винокур, Б.А. Ларин, В.П. Григорьев, Д.Н. Шмелёв и др.). Для процесса трансформации слов характерны две противоположные тенденции: одни слова стремятся расширить своё значение, другие – сузить его. Некоторые лингвисты считают, что сужение значения представляет собой более обычный процесс, нежели расширение, на том основании, что «повседневный язык обращен в своем развитии скорее к конкретному и частному, чем к абстрактному» [15, с. 280].

Сужение значения – это языковая семантическая параллель одной из основных мыслительных тенденций от неопределённости к определённости содержания (дедукция): «практически любое слово с обобщённой семантикой, благодаря действию механизма сужения, может стать производным для появления семантического деривата видового значения» [8, с. 46]. Существует несколько суждений о механизме сужения. Более соответствующим положению вещей является, на наш взгляд, мнение В.Н. Прохоровой: «Перенос названия одного понятия на другое совершается на основании общности всех признаков общеупотребительного понятия при наличии у суженного понятия дополнительных признаков» [12, с. 79].

Пространство как одна из важнейших категорий бытия и универсалий человеческого опыта служит основой для построения структуры изложения событий, являющихся предметом описания в прозаических текстах известного писателя, при этом пространство облекается в словесную форму, систематизирующую представления автора об окружающем мире и отражающую особенности её восприятия действительности.

Как показано в работе С.В. Ионовой, на уровне «укрупненных» текстовых единиц подобные явления связаны с двояким изображением ситуаций: а) в соответствии с осмыслением описываемого явления на разных уровнях абстракции (всеобщее > общее > особенное > единичное); б) в соответствии с антропоцентрическим принципом освоения информация по оси «свое» - «чужое» [5, с. 109].

Именно эти приемы локализации пространства характерны для произведений М. Агашиной. По нашим наблюдениям они проявляются в виде двух тенденций: а) в переходе от общего к единичному при отражении объекта, б) в использовании общекультурной универсалии, основанной на оппозиции «свой – чужой» с доминированием элемента

«свой». Реализация этих стратегий автором осуществляется разными способами, на которых остановимся подробнее.

1. Использование региональных наименований – топонимов, известных жителям нашего края. Наиболее частотными являются топонимы, называющие областной центр и их производные: *Сталинград, сталинградский, Волгоград, волгоградский*. Например:

Пионеру корейского города Кэсона Ген Му Ену и дочке моей – сталинградке Алёнке Агашиной.

Сейчас у нас в Сталинграде – поздний вечер.

Велика Сталинградская область. Далеко от Сталинграда до Нехаева.

Наши цветоводы делают великое дело, буквально заливая цветами волгоградские аллеи, бульвары, сады.

Вы идёте и думаете: так и должно быть, ведь это не просто город, это – Волгоград.

И только мы, волгоградцы, да ещё туристы с теплоходов приносим

нашим солдатам бумажные венки.

Часто встречаются и сочетания имён существительных нарицательных с прилагательными, называющими ту область, землю, откуда родом лирический герой. Например:

Хотя встречала его не однажды в доме Окунева, к которому все молодые пишущие сталинградские мальчики всегда приходили...

Теперь на площади у Вечного огня будет стоять почётный караул волгоградских мальчишек.

Активно используются также наименования региональных поселений, значимых для истории нашего края и для судеб его жителей: *Нехаево, Урюпинск, Алексиково, Жирновск и др.*

Далеко от Сталинграда до Нехаева. Можно поездом до Алексикова, потом – на Урюпинск, а там ещё автобусом.

Однажды мы с ним и с П.Г. Бунеевым, которого мы оба очень любили, ездили в Жирновск выступать – от нашего бюро пропаганды, по путёвкам.

В один из таких страдных дней наша редакционная «Волга» застряла в низине где-то между Суровикином и Чернышками.

Подобные топонимы употребляются только в прямом значении и используются для описания историй, значимых для автора и жителей нашего региона.

2. Использование прецедентных наименований – наименований, ставших символами нашего края, а также имен людей,

прославивших его: *Мамаев курган, ГЭС, аллея Героев, площадь Павших борцов, улица Советская, Тракторный завод и др.:*

... вырос новый дом на Советской улице в Сталинграде...

Тогда я взяла у себя дома пятьдесят осколков с Мамаева кургана, которые летом собирали мы там с моими ребятами.

Потом огромный автобус повёз нас на Курган, не как всех – с подножья идти, а по Второй Продольной и – к фонтану, где бюст, т.е. поясной портрет Чуйкова с автоматом.

Но на аллее Героев попалась нам навстречу весёлая машина-поливалка.

На площади Павших борцов выступили из темноты заснеженные деревья.

Есть у нас на Тракторном речка Сухая Мечетка, а возле неё – детский дом.

И погода –непогода, а каждый год, чуть застучат, застрекочут в степи первые комбайны, за Дон и за Волгу, за Медведицу и Хопёр, за паласовскую речку Торгун и за нехаевскую Тишанку...

Привыкали мы к Гидрострою, конечно, каждый по-своему.

Однажды в этот день мы – несколько взрослых женщин – ездили на Солдатское поле.

Перебрала всех – от Лобачёва и Мизина до Володи Мавродиева и до обеих наших Татьян – Брыксиной и Батуриной – нет, ни с кем не ссорилась! Но с Окуневым...

Таким образом, в текстах М.К. Агашиной, возможно, более часто, чем у

других региональных писателей, воспроизводятся наименования различных

уголков нашего города и области, запечатлены и сохраняются имена жителей нашего края.

3. Использование слов «родина», «родной», «дорогой» и их дериватов, реализующих глубинный культурный смысл «свое», «родное» при восприятии общих значений слов:

Да и что было опровергать, если они все вместе весело смеялись и играли в снежки на самой главной, самой дорогой площади своего города!

Уходили в чужие края воины и первопроходцы – горсть родимой земли в платках уносили.

И теперь это место Рыкуновым – как родная могила.

И теперь она считает родными братишками и сестрёнками всех детей, которых война осиротила.

До чего ж велика ты, Родина!

По нашим предварительным подсчетам эти слова и их производные употребляются в 320 контекстах. Волгоградское как родное, противопоставляется всему другому (чужому) пространству, находящемуся за его пределами:

Ведь оттуда, из-за моря, поднимается наше волгоградское солнце.

Он [Михаил Луконин] любил всё волгоградское.

«Ваша родина находится здесь, - и показала на карте Великобританию и Лондон».

Она молодец, маленькая дочь Сталинграда, моя землячка с Тракторного!..

Нет, летние дожди в Корее – это совсем не то, что у нас!

Особым видом реализации подобной функции выступает и ставший символическим в произведении писателя образ русской березки, который конкретизирован в сочетании «волгоградская березка» и закрепился в сознании носителей русского языка как прецедентное высказывание: *«Растет в Волгограде березка»*. Этот образ имеет различные варианты в исследуемых нами текстах, но всегда является синонимом чего-то своего, близкого, родного:

Где она, эта волгоградская берёзка?

Пришлось мне опять, как почти на каждой встрече с читателями, рассказывать, что берёзка из этой песни растёт на Мамаевом кургане...

Каждый год в День Победы всей фамилией приходят Рыкуновы на курган, к своей берёзке – дети погибших братьев, внуки и правнуки. Четыре поколения.

4. Использование дейктических знаков – указателей, конкретизирующих и контекстуально сужающих значение слов и выражений, к которым они относятся. Часто для этих целей используются местоименные дейктические средства – указательные, относительные, притяжательные местоимения. Например:

И с 1951 года живу в Волгограде и благодарю судьбу за все годы, прожитые в этом городе, дорогом и любимом. За все встречи, выпавшие мне за эти годы. За все добрые слова, сказанные моими читателями и земляками.

Пригласили меня к себе девушки нашего медицинского училища – почитать стихи, рассказать о своей работе, о дорогах, о встречах.

Я надевала тот платок на все встречи с читателями, на все писательские съезды.

Он [Михаил Луконин] был, есть и навсегда останется Главным Поэтом нашего города.

... О чём ты думаешь, мальчик, когда ты стоишь в почётном карауле у Вечного огня твоего солдатского города?

При помощи данных средств все события, факты, описываемые объекты «приближаются» к читателю, воспринимаются как часть их собственной жизни, переживаются субъективно-эмоционально.

5. Использование единичных объектов для указания на общие понятия. В текстах М. Агашиной данные конкретные обозначения могут сопровождаться последующими обобщенными понятиями – существительными с абстрактным значением или использоваться без явных обобщений, которые имплицитны и должны быть выведены читателями из текста самостоятельно. Например:

Волгоград – один из немногих городов, которые называешь с благоговением.

«Самое волгоградское» - это, наверное, Мамаев курган.

«Как же её искать, ту берёзку? Ведь там она не одна!»

Пусть не всегда букет – пусть хоть одна роза, одна вечнозелёная ветка

сосны, одна чистая белая ромашка - это и будет во сто крат прекраснее горы цветов из бумаги.

Сейчас такие платки в моде, каждая вторая женщина носит на плечах алые розы по чёрному, синему или бледно-кремовому полю.

О судьбе мальчика, отец которого погиб на войне, как отцы этих ребят.

В качестве разновидности этого способа «сужения» пространства в поэзии

М. Агашиной используются определения с общим значением «малый / маленький», «местный» в противоположность всеобщему, большому, мировому. Например:

Трудно писать о Волгограде. Потому что он сам – великое стихотворение, самое бессмертное на Земле.

Он [Микола Упеник] в годы войны здесь, на Волге, воевал, наш город для

него – святое.

Едут каждый год за своим урожаем, за своим зёрнышком в Большом волгоградском хлебе – за стихами и рассказами, за очерками, портретами, песнями, - страна должна знать героев битвы за хлеб.

Цветы Волгограда.

Розы нашей набережной. Весенние тюльпаны на проспекте Ленина. Белоснежные флоксы на аллее Героев и тёмно-синие

бархатные петунии в газонах страны Пионерии. Умытые дождём кисти махровой сирени в Комсомольском саду, огромные герани на площади Павших борцов.

Таким образом, способы локализации пространства, активно используемые в прозаических произведениях М.К. Агашиной, помогают посредством языковых единиц с конкретной семантикой представить мир во всей сложности его существования сквозь региональное сознание автора, где в оппозиции «свой – чужой» явно доминирует первый компонент. Средства выражения данного явления, представленные достаточно ярко и выразительно, придают языку прозы М.К. Агашиной сталинградского / волгоградского периода региональные черты.

Список литературы:

1. Агашина, М.К. Собрание сочинений. Т.2/ М.К. Агашина. – Волгоград: Издательство Волгоградского института экономики, социологии и права, 2009. – 490с.
2. Бородина, М.А. Диалекты или региональные языки? (К проблеме языковой ситуации в современной Франции) // Вопросы языкознания. – 1982. - № 5. – С. 29-38.
3. Герд, А.С. Несколько замечаний касательно понятия «диалект» // Русский язык сегодня. – Вып. 1. Сб. статей. – М., 2000. – С. 48.
4. Голикова, Т.А. Сущность регионального языка (этнопсихолингвистический аспект) // Наука, культура, образование. – Горно-Алтайск, 2000. - № 4/5. – С. 117-120.
5. ИONOва, С.В. Аппроксимация содержания вторичных текстов. – Волгоград: Изд-во Волгоградского гос. ун-та, 2006. – 380с.
6. Касюк, И.С. Интерпретация слова в художественном тексте: некоторые аспекты //Материалы международной научно-практической конференции «Личность – слово – социум» /Белорусский гос. пед. ун-т имени Максима Танка. – Минск: ЧУП «Паркус плюс», 2007.
7. Касюк, Н.С. Семантические поля «время» и «пространство» в поэтическом контексте Бориса Пастернака / Н.С. Касюк // Сборник научных работ студентов высших учебных заведений Республики Беларусь «НИРС» - 2004»: в 2 ч. – Минск: ВЭВЭР, 2005. – Ч. 2. – С. 128-130.
8. Лапшина, М.Н. Семантическая эволюция английского слова (изучение лексики в когнитивном аспекте). – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского гос. ун-та, 1998.

9. Лукьянова, Н.А. Лексика современных говоров как объект изучения. – Новосибирск, 1983. – 80с.
10. Розенталь, Д.Э., Теленкова, М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. – М., 1990.
11. Розов, А.И. Проблемы категоризации: теория и практика // Вопросы психологии, 1986. - № 3. – С. 56 – 65.
12. Прохорова, В.Н. Русская терминология (лексико-семантическое образование). – М.: Филол. фак. МГУ, 1996.
13. Степанов, Г.В. Типология языковых состояний и ситуаций в странах романской речи. – М., 1976.
14. Шапошников, В.Н. О территориальной и функциональной структуре русского языка к концу XX столетия // Вопросы языкознания. – 1999. - № 2. – С.53.
15. Ульман, С. Семантические универсалии / С. Ульман // Новое в лингвистике. – М, 1970. – Вып. 5.

КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ МЕЖДОМЕТИЙ В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Болтнева Наталия Алексеевна

*к. фил. н., доцент кафедры гуманитарных и естественнонаучных
дисциплин, филиал ОРАГС, г. Тамбов
E-mail: alla-050174@yandex.ru*

Коммуникативно-прагматическое направление в исследовании языковых единиц вызвало пристальный интерес исследователей к фактам конкретного функционирования языковых форм в конкретных речевых ситуациях. Несмотря на то, что в языкознании коммуникативная функция языка всегда признавалась одной из главнейших, базовых функций, глубокое изучение ее начато лишь в середине двадцатого века, хотя еще Ж. Вандриес отмечал, что «...человек говорит не только для того, чтобы выразить мысль. Человек говорит также, чтобы подействовать на других и выразить свои собственные чувства» [1, с. 134].

В последнем случае трудно переоценить ту роль, которую играют междометия в коммуникативном процессе, помогая говорящему как в выражении самых разнообразных чувств (пример 1), так и в воздействии на собеседника (пример 2), ср.:

- 1) Plötzlich aber stößt Marie einen Schrei aus. Triumphierend stürzt sie zum Fenster. “Da geht sie ja! Da geht sie ja, die olle Schneppe! **Gott!** Wie die gemalt ist! Da kann man sich ja schütteln vor Ekel!” (Fallada 101).
- 2) Im Entbindungsheim auf dem Gang, das Licht ist so düster. Im Zimmer der Oberschwester kein Mensch. Er steht entschlußlos da. Eine Schwester kommt. “**Na?**” Er erklärt, er heiße Pinneberg, er möchte gern hören... “Pinneberg?” sagt die Schwester. “Einen Augenblick...” (Fallada 226).

Может быть, одним из наиболее значимых с прагматической точки зрения свойств междометия выступает то, что, являясь нередко элементом, лишь сопровождающим основное высказывание, оно именно благодаря своей эмоциональной насыщенности должно способствовать воздействию на адресата:

- 3) “Und ich erlaube es ganz einfach nicht”, erklärte Schulze kategorisch. “Ich vertrete Mutterstelle an dir. Ich verbiete es dir. **Damit basta!**” (Kästner, Drei Männer, 131).

Другим не менее важным свойством междометий является их способность придавать любому высказыванию дискурсивный характер, ср.:

- 4) Das Wetter ist gut – Das Wetter ist **Gott sei Dank** gut!
Ach, das Wetter ist gut!
Oh, ist das Wetter gut! usw.

Сравнение предложений правого ряда с исходным показывает, что именно междометие выявляет их динамический аспект, актуализируя, с одной стороны, отношение говорящего к пропозиции, а, с другой, ориентацию высказывания относительно собеседника. Это позволяет утверждать, что междометие, может быть, как никакой другой языковой знак, является прагматически отмеченным элементом языка.

Динамический характер междометных форм, их субъективность, определяемая психологическим состоянием говорящего, своего рода “оп - line”- статус, предполагающий соотносённость с конкретной речевой ситуацией, с конкретным собеседником и т.д., все это выделяет междометие в особую дискурсивно отмеченную часть речи. К ним в значительной мере

можно отнести характеристику, данную Е.В. Милосердовой модальным частицам: «Обладая в высшей степени ослабленной семантикой, не имея непосредственной соотнесенности с предметом или явлением объективной действительности, частицы (можно добавить – и междометия – Н.Б.) относятся к разряду тех явлений, существование которых в языке целиком оправдано и определяется их прагматическими свойствами, способностью выражать сложные отношения коммуникативного, модального и эмоционального планов, реализуемых конкретным высказыванием» [2, с. 113]. Как и частицы, междометие, обладая минимальным смысловым потенциалом в изолированном виде, максимально реализует его в речи внутри коммуникативного единства, в организации которого оно играет не последнюю роль, способствуя достижению максимального коммуникативного эффекта.

За исключением незначительного в количественном отношении случаев использование междометия в речи изначально предполагает определенное эмоционально-оценочное отношение говорящего как к содержанию своего сообщения, так и к сложившейся ситуации, включая собеседника.

Pinneberg sieht Herrn Jänecke an – eigentlich müsste er ihn wohl wütend ansehen. Aber er ist so hilflos, so zerschlagen, er fühlt, wie die Tränen in ihm hochsteigen, er flüstert: “Herr Jänecke...**Ach**, Herr Jänecke...” (Fallada 324).

Для человека, находящегося в возбужденном, взволнованном состоянии и пытающегося выразить максимум содержания с минимумом усилий, междометия являются идеальным языковым средством. В.Д. Девкин говорит о существовании “междометного стиля общения”, когда вместо спокойного, делового сообщения дается взволнованное, аффективное описание, передающее непосредственность переживания, “неотстоявшиеся впечатления экспансивной натуры” [3, с. 27].

Междометие как структурный элемент высказывания является, по словам В.Г. Адмони, “специализированной, ситуативно-закрепленной коммуникативной единицей” [4, с. 45], поэтому его значение будет проявляться в определенной коммуникативной ситуации, с учетом отношений между участниками коммуникации, намерений говорящего и ожиданий слушающего. Исходя из этого, можно утверждать, что описание междометий может быть особенно продуктивным именно в русле прагматики, которая «ставит в центр исследований фактор человека как участника коммуникации» [5, с. 4].

Как известно, общение, или коммуникация, - одна из сторон взаимодействия людей в процессе их деятельности. В ходе этой деятельности происходят, по мнению Г.Г. Почепцова «процессы перекодировки вербальной в невербальную и невербальной в вербальную сферы. При этом важным для коммуникации является «переход от говорения Одного к действиям Другого» [6, с. 14]. Функция общения в социальном взаимодействии личностей состоит в организации этого взаимодействия, т.е. в таком взаимном регулировании деятельности участников, которое соответствует их индивидуальным или совместным планам. Е.Ф. Тарасов подчеркивает, что при речевой деятельности условия деятельности – это не только технологические условия, а специальные правила социального взаимодействия личностей. Анализируя различные подходы к коммуникации, М.Л. Макаров пишет: «С позиций конструктивизма коммуникация рассматривается как «одна из частных категорий социальной интеракции», «где в фокусе координации оказываются коммуникативные интенции, так как именно интенции являются отправным пунктом всего процесса общения, выражая внутреннее состояние людей. Отсюда напрашивается вывод о том, что в коммуникации стратегии каждого индивида направляются как его собственным внутренним состоянием, так и представлением о внутренних состояниях других. Коммуникация характеризуется намерением каждого участника выразить «Я», признанием Другими этого намерения, организацией действий (индивидуальных актов) и взаимодействия (социальной интеракции) в соответствии с этими взаимонаправленными интенциями» [7, с. 42].

Список литературы:

1. Вандриес, Ж. Язык. Лингвистическое введение в историю / Ж. Вандриес. – М., 1937. – 410 с.
2. Милосердова, Е.В. Семантика и прагматика модальности (на материале простого предложения современного немецкого языка) / Е.В. Милосердова. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1991. – 196 с.
3. Девкин, В.Д. Диалог: Немецкая разговорная речь в сопоставлении с русской / В.Д. Девкин. – М.: Высшая школа, 1981. – 158 с.
4. Адмони, В.Г. Система форм речевого высказывания / В.Г. Адмони. – РАН, Ин-т лингв. исследований. – СПб: Наука, 1994. – 121 с.

5. Милосердова, Е.В. Некоторые семантико-прагматические аспекты модальности как грамматической категории (на материале немецкого языка) / Е.В. Милосердова. – Москва: Изд-во МГПИ им. В.И. Ленина, 1988. – 82 с.
6. Почепцов, Г.Г. Теория коммуникации / Г.Г. Почепцов. – Москва: «Рефл-бук», 2003. – 656 с.
7. Макаров, М.Л. Интерпретативный анализ дискурса в малой группе / М.Л. Макаров. – Тверь: Изд-во Тверского ун-та, 1998. – 200 с.

К ВОПРОСУ ОБ ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ (НА МАТЕРИАЛЕ ФЕ С КОМПОНЕНТАМИ- НАИМЕНОВАНИЯМИ СТИХИЙ В РУССКОМ И ПОЛЬСКОМ ЯЗЫКАХ)

Ибрагимова Венера Латыповна

д. фил. н., профессор, заведующий кафедрой общего и сравнительно-исторического языкознания Башкирского Государственного университета

E-mail: ivl334@yandex.ru

Борисова Анна Владиславовна

магистрант Башкирского Государственного университета, г.Уфа

E-mail: niebo-i-ziemia@yandex.ru

Одним из аспектов рассмотрения проблемы эквивалентности является использование их в практике и теории переводоведения. Проблемами выделения и разграничения эквивалентов языковых единиц занимались такие видные ученые, как В.Н. Комиссаров, В.С. Виноградов, Л.С. Бархударов, А. Паршин, И.В. Афанасьева и др. У каждого из этих исследователей имелись определенные критерии, на основании которых ими были составлены классификации языковых эквивалентов. Изучив различные подходы к дифференциации языковых эквивалентов, мы сформировали для себя определенную позицию относительно данной проблематики, согласно которой могут быть выделены следующие виды эквивалентов: полные, неполные (частичные) и безэквивалентные фразеологические единицы.

К первой группе эквивалентов (полные эквиваленты) можно отнести следующие ФЕ: *сравнять с землей* – (z) *równać z ziemią*, *небо и земля* – *niebo i ziemia*, *как две капли воды* – *jak dwie krople wody*, *мутить воду* – *mącić wodę*, *бояться как огня* – *bać się jak ognia*, *подливать масла в огонь* – *dolewać oliwy do ognia*, *взлететь на воздух* – *wylecieć w powietrze* и др. Таким образом, в этот ряд включаются те ФЕ, которые совпадают друг с другом и с точки зрения содержания, и с точки зрения его репрезентации. Так, например, выражение *сравнять с землей* ((z) *równać z ziemią*) является выразителем значения ‘уничтожить’, *небо и земля* и в русском, и в польском языках соотносится с обозначением крайних противоположностей; *как две капли воды* – с обозначением чрезвычайно схожих предметов действительности; *мутить воду* – с выражением действий, совершаемых с целью запутывания; *бояться как огня* – с представлением о высшей степени страха перед чем-либо; *подливать масла в огонь* – с обозначением действий, направленных на усиление уже начавшейся ссоры; *взлететь на воздух* – с обозначением взрыва. Характерной чертой вышеназванных и им подобных фразеологических единиц является то, что при дословном переводе русской ФЕ мы получаем аналогичную ФЕ польского языка.

К неполным (частичным) эквивалентам можно отнести следующие ряды фразеологических единиц: *быть далеким как небо и земля* – *podobne jak niebo do ziemi*, *пусть земля ему будет пухом* – *oby ci (tu) ziemia lekka była* (единицы данного фразеологического ряда вступают друг с другом в отношения частичной эквивалентности, что обнаруживается при буквальном переводе польской ФЕ на русский язык), *седьмая (десятая) вода на киселе* – *dziewiąta (dziesiąta) woda po kiselu*, *вилами на воде писано* – *palcem na wodzie pisane*, *стропить воздушные замки* – *budować zamki na powietrzu*, *даć ognia w powiertzu* – *выстрелить в воздух* и т.д.

При анализе вышеперечисленных фразеологических единиц мы приходим к выводу, что наряду со сходствами в плане содержания, имеющими здесь место, наблюдаются определенные различия в плане выражения данного содержания, которое не может не включать в себя культурологическую специфику, связанную с различием в ментальной сфере резных народов, пусть даже принадлежащих к одной языковой ветви – славянской.

Рассмотрим ФЕ русского и польского языка, находящиеся в отношениях частичной эквивалентности, и выявим, в чем специфика различий этих единиц в плане выражения передаваемого ими содержания. Так, анализируя эквивалентный ряд *быть далеким как*

небо и земля – *podobne jak niebo do ziemi*, восходящий к представлениям о Небе и Земле как супружеской паре, мы видим, что они обозначают противоположные предметы, явления действительности. Однако данные ФЕ дифференцированы в плане выражения, поскольку в русском языке дается намеренное подчеркивание различий между небом и землей, а в польском делается акцент на их сходстве (на формальном уровне).

Фразеологизмы *седьмая (десятая) вода на киселе* – *dziewiąta (dziesiąta) woda po kiselu* характеризуются различной числовой репрезентацией. Это касается, прежде всего, чисел семь в русском языке и девять в польском. Изучение числовых кодов культур разных народов представляет особый интерес для лингвиста-культуролога и тесно связано с особенностями мышления этноса, который говорит на изучаемом языке. В связи с различием в номинации чисел в структуре фразеологизмов следует сказать, что для древних славян особой символикой обладали такие числа, как 3, 4, 7, 9, 12, 33, 40 и др. Однако если для русской фразеологии число 7 имело наибольшее значение, то, судя по всему, то для польского языка «магическим» стало число 9, в котором в тройном количестве содержится число 3, имеющее у древних славян сакральное значение. В этом также проявляется различие русской и польской языковых культур.

ФЕ *вилами на воде писано* и *palcem na wodzie pisane* различаются наличием в них разных орудийных составляющих. Так, если в русском языке на воде «пишут» вилами, то в польском языке – пальцем. Однако результат «писания» на воде вилами и пальцем один: следов все равно не останется, следовательно, совершаемые действия являются безрезультатными.

Во фразеологических рядах *строить воздушные замки* – *budować zamki na powietrzu* и *выстрелить в воздух* – *dać ognia w powietrzu* ФЕ дифференцированы не с семантико-культурологической, а с морфолого-трансформационной точки зрения. Так, фразеологизм *budować zamki na powietrzu* можно буквально перевести как «строить замки на воздухе», что в полной мере соотносится с семантической спецификой аналогичной русской ФЕ. Действительно *строить воздушные замки* и *строить замки на воздухе* при их прямом понимании абсолютно эквиваленты с точки зрения компонентного состава значения фразеологизма. Различие заключается лишь в способе передачи «воздушности». Что касается ФЕ *выстрелить в воздух* и *dać ognia w powietrzu*, то можно сказать, что в польском языке в составе ФЕ наличествует компонент *огонь*, который в русском языке подвергается определенной трансформации. Так, в польском языке,

согласно данным соответствующего фразеологического словаря, в отдельную ФЕ выделяется словосочетание *dać ognia*, имеющее значение «выстрелить». Таким образом, получаем, что при компонентном анализе польской ФЕ в ее составе была выявлена еще одна ФЕ, реализующаяся в русском языке одним словом – «выстрелить».

Наибольший интерес для нас представляет последняя группа – безэквивалентные ФЕ, так как именно эти ФЕ свидетельствуют о специфике культурно-исторического опыта этноса, о его языковых традициях, что не могло не наложить определенный отпечаток на фразеологию как на область лингвистических знаний, которая теснее всего связана с культурной жизнью народа. В связи с этим необходимо рассмотреть безэквивалентные ФЕ для каждого языка в отдельности.

Так, например, для русского языка характерны следующие «уникальные» фразеологические единицы: *словно земля горит под ногами*, *землю роет кто-л.*, *видеть в землю на три аршина (на сажень)*, *за тридевять земель*, *с лица не воду пить*, *живая (мертвая) вода*, *благорастворение воздушных* и др. Специфика некоторых из вышеназванных ФЕ обусловлена их происхождением (к сожалению, в соответствующей литературе обнаруживаются источники не всех фразеологических единиц). Так, например, такие ФЕ, как *за тридевять земель*, *живая (мертвая) вода* ведут свое начало из фольклора, то есть из той области, которая отражает все культурно-исторические особенности русского этноса.

Среди польских ФЕ можно выделить следующие безэквивалентные ФЕ: *coś idzie jak woda*, *człowiek w gorącej wodzie kąpany*, *ogień i woda*, *upieć dwie pieczeni przy jednym ogniu*, *coś wstrząsnęło powietrzem* и т.д.

Безэквивалентные ФЕ польского языка выражают явления, которые имеют место и в русском языке (в отличие, скажем, от таких ФЕ, как *за тридевять земель*, *живая (мертвая) вода*). Так, например, фразеологизм *upieć dwie pieczeni przy jednym ogniu* имеет семантический аналог в русском языке – *убить двух зайцев* (то есть «сделать два дела за один раз»), однако эти ФЕ дифференцированы по компонентному составу. Фразеологизм *убить двух зайцев* не является объектом нашего исследования, в связи с чем мы не исследуем указанные фразеологические единицы с точки зрения эквивалентности, а признаем безэквивалентными, учитывая компоненты, лежащие в основе фразеологизма (наименование стихий). Еще одним примером подобной фразеологической интерпретации может служить ФЕ *ogień i woda*, характеризующая различие двух

предметов, явлений действительности, которое получает отражение в таких фразеологизмах, как *небо земля*, *niebo i ziemia*, которые рассматриваются нами с точки зрения других компонентов (*земля* и *ziemia* соответственно).

Итак, при анализе русских и польских ФЕ мы пришли к выводу, что в большинстве случаев они являются эквивалентными, однако наблюдаются определенные различия, в том числе в плане выражения, обусловленные различиями в национально-культурной специфике русского и польского этносов.

Список литературы:

1. Афанасьева И.В. Лекции по теории и практике перевода. [электронный ресурс] – Режим доступа. - URL: http://zhurnal.lib.ru/w/wagapow_a_s/afan-lectures-tr.shtml
2. Бархударов Л. С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). – М., 1975. – 240 с.
3. Бреус Е.В. Основы теории и практики перевода. [электронный ресурс] – Режим доступа. - URL: http://zhurnal.lib.ru/w/wagapow_a_s/breusdoc.shtml
4. Виноградов В.С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). – М.: Изд-во института общего среднего образования РАО, 2001. – 224 с.

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ LSP ГОМЕОПАТИИ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКОВ)

Буженинов Александр Эдуардович

аспирант УрГПУ, г. Екатеринбург

E-mail: alexandrebougenioiv@mail.ru

В 70-е годы XX века в рамках терминоведения и функциональной стилистики зарождается понятие «Язык для специальных целей», или LSP (langage for special purposes), противопоставляемый разговорно-обиходному языку (язык для общих целей (langage for general purposes) [5, с. 11]. Под LSP мы будем понимать совокупность языковых средств, использующуюся в какой-либо области профессионально-научных знаний и/или деятельности, служащую преимущественно для передачи предметной информации и отражающую понятийный аппарат данной науки [Н.Д. Андреев,

А.С. Герд, З.И. Комарова, А.И. Комарова, Кудашев, В.М. Лейчик, А.В. Суперанская]. LSP – совокупность естественных или естественно-искусственных языковых средств, использующаяся в какой-либо области знаний и/или деятельности главным образом для передачи предметной информации и отражающая понятийный аппарат, не являющийся достоянием большинства носителей данного национального языка [4, с. 74].

В условиях современного общества, когда появляется все большее количество различных научно-профессиональных областей знания и видов деятельности, исключительную роль играет терминологическая лексика. Появлению многочисленных терминов и их совокупностей в терминологически развитых языках мы обязаны постоянному прогрессу науки, зарождению и развитию новых областей знания и наук, каждая из которых стремится выработать свою систему основных понятий и терминов, свой особый терминологический аппарат.

С.В. Гринев-Гриневиц говорит о том, что специальная лексика составляет подавляющее большинство слов современных языков [1, с. 3]. Если раньше вопросы терминов касались в первую очередь ученых и специалистов, то вследствие бурно развивающейся компьютеризации всех областей человеческой деятельности все большее количество людей вовлекается в работу с терминами. Не является исключением и такая специальная область знания, как гомеопатия, где существуют специальные компьютерные программы по рубрикации симптомов и лекарственных средств, значительно облегчающих работу врача-специалиста и направляющих его деятельность максимально оптимальным образом.

Признавая тот факт, что LSP и язык для повседневного общения являются подсистемами одного и того же естественного языка, В.М. Лейчик говорит и об их принципиальных различиях [5, с. 11]:

1. Язык для специальных целей вторичен по отношению к языку повседневного общения, LSP формируется на базе своего естественного языка.

2. Язык повседневного общения практически не ограничен в сфере своего использования, тогда как область применения LSP ограничена данной конкретной наукой или областью профессионального знания.

3. Язык повседневного общения складывается стихийно, он естественен, в то время как в языке для специальных целей всегда есть тот или иной элемент искусственности.

Таким образом, ученый делает вывод о характеристике LSP как «естественно-знаковой системе или естественной системе с известной долей искусственности». В этом отношении понятие LSP может быть рассмотрено как синонимичное отечественному понятию «подъязык», так как в их основе всегда находится специальная лексика. Подъязык часто понимается как ограниченный набор лексических и грамматических конструкций для осуществления коммуникации по ограниченному диапазону тем [12, с. 98]. А. В. Суперанская также отмечает среди особенностей LSP определенную грамматическую и синтаксическую бедность: для него характерна частая повторяемость синтаксических конструкций. Исследователь делает вывод о том, что LSP может рассматриваться как целостный фрагмент национального языка и считаться одним из типов подъязыков, приспособленным для специальной коммуникации в области науки и техники [10, с. 63]. Однако вместе с тем подчеркивается и его более богатая лексическая насыщенность за счет специальных слов.

Также нельзя не отметить, что в рамках современного когнитивно-дискурсивного подхода постулируется важнейший методологический принцип: LSP, ядром которого является терминологическая лексика, призван отображать систему понятий данной научно-профессиональной области. Гомеопатический термин, таким образом, становится определенным «квантом» гомеопатического знания, выражающим специальное, научное понятие.

Все нижесказанное позволяет предположить наличие специального подъязыка такой специфической научно-профессиональной области, как гомеопатия, которая заметно набирает силу в современном обществе. Терминология гомеопатии является номинативной подсистемой, не изученной в лингвистическом аспекте. Исследование данного подъязыка представляется актуальным, принимая во внимание, что гомеопатический LSP репрезентирует специальные знания в активно развивающейся медицинской системе.

Гомеопатия является молодой наукой. Несмотря на свою давнюю историю за рубежом, в нашей стране она официально признана на законодательном уровне лишь в 1996 году, что является печальной причиной малой распространенности посвященных ей исследований. Являясь антропоцентрической медициной, в фокусе внимания которой находится человек и холистический подход к его организму и здоровью, гомеопатия получает все большее распространение в современном обществе. Статус молодой науки,

безусловно, обуславливает особенности ее подъязыка, находящегося, по-видимому, еще в стадии становления.

Как известно, LSP вырастают на базе естественных языков, надстраиваются над ними, приобретая некоторые специфические признаки, в особенности в лексике. Так, тот факт, что развитие гомеопатии как науки началось относительно недавно, объясняет довольно солидный объем консубстанциональных терминов в ее LSP. Под консубстанциональными терминами мы понимаем терминологические единицы, образовавшиеся из слов общеупотребительной речи [1, с. 25]. А.И. Комарова говорит о консубстанциональности как о «двойной детерминации» терминов и слов общеупотребительного языка: различие в объеме информации и степени абстрактности понятия, характерные для разных употреблений этих слов, ставят эти единицы на грань омонимии и делают их несопоставимыми в плане содержания [2, с. 50-51].

Так, к примеру, характерным примером в данном случае представляется гомеопатический термин *миазм* (*le miasme*). Миазмы трактуются в словаре С.И. Ожегова как «ядовитые гнилостные испарения» [8, с. 301]. В гомеопатии термин миазм принимает другое значение (мы приводим одно из рабочих определений, поскольку в рамках самой гомеопатии вопрос о природе и сущности миазмов по-прежнему остается дискуссионным): «*Миазмы* – это наиболее общие типичные алгоритмы или способы патологической адаптации человека как единой социально-биологической системы к изменениям внешней и внутренней среды, являющейся базой для развития всех вторичных по отношению к ним хронических заболеваний» [6, с. 28]. Таким же примером может служить термин *плюрализм* (*le pluralisme*): идеалистическая философская система, считающая, что в основе мира и его явлений лежит несколько начал (в противоположность монизму), согласно толковому словарю Д.Н. Ушакова, и направление гомеопатии, в котором лечение проводится несколькими простыми гомеопатическими препаратами [9, с. 22]. Под словом *потенция* в обыденной речи мы понимаем «возможность; то, что существует в скрытом виде и может появиться при известных условиях» [8, с. 494]. В гомеопатии под *потенцией* (*la potence*) понимается степень разведения гомеопатического лекарственного вещества [9, с. 24].

Таким образом, речь идет о терминологизации лексической единицы общеупотребительной речи: слова становятся терминами, если начинают выполнять терминологические функции, достигают определенной степени «выраженности» взаимно однозначных соответствий между ними и соотносящимися с ними специальными

понятиями [5, с. 79]. По мнению Д.С. Лотте, в случае перехода общеупотребительной лексической единицы в разряд терминологических единиц ей придается определенное содержание [7, с. 38]. Ученый говорит о четырех типах взаимоотношений между старым и новым значениями: уточнение значения, сужение значения, изменение значения по аналогии понятий и изменение значения термина по смежности понятий [7, с. 38]. Так, терминологизация лексемы «потенция» представляется осуществленной по аналогии; проявление некоего свойства, скрытой силы при определенных условиях – в общеупотребительном языке, скрытая возможность лекарства оказывать целебное действие при определенных условиях (динамизации препарата) – в гомеопатии.

Характер молодой науки постулируется и в следующей особенности гомеопатического LSP: наличие многокомпонентных терминологических единиц: *антигомотоксическая дренажная терапия, вторичное действие лекарства, степень разведения лекарственного вещества, гомеопатический препарат минеральной группы, возрастная динамика конституциональных типов*. Хотя еще родоначальник терминоведения Д.С. Лотте говорил о краткости как одном из неоспоримых достоинств термина [7, с. 30], многие современные исследователи подчеркивают высокую информативность, точность и узкоспециальный характер, достигаемые за счет использования многословных терминов [Головин, Кобрин, 1987, Манерко, 2000, Голованова, 2008].

Как и всякая наука, являющаяся частью медицины в общем, гомеопатия обладает внушительным арсеналом лекарственных средств, гомеопатических препаратов, названия которых являются номенами и составляют солидный пласт в LSP гомеопатии. О разграничении терминов и номенов писал еще Г.О. Винокур: «Что касается номенклатуры, то, в отличие от терминологии, под ней следует понимать систему совершенно абстрактных и условных символов, единственное назначение которой состоит в том, чтобы дать максимально удобные с практической точки зрения средства для обозначения предметов, вещей, без прямого отношения к потребностям теоретической мысли, оперирующей этими вещами» [11, с. 223]. Основное разграничение номенклатуры, по А.А. Реформатскому, заключается в том, что терминология связана прежде всего с системой понятий отдельной науки, тогда как функция номенклатуры – маркировка отдельных объектов [1, с. 38].

Так, названия гомеопатических препаратов относятся к области номенклатурных обозначений, не выражающих специальные понятия,

но выполняющих функцию выделения отдельных объектов данной профессиональной сферы: *rhus toxicodendron* (гомеопатический препарат, приготовленный по правилам гомеопатической фармации из растения «плющ ядовитый»), *sulfur* (сера элементарная), *sulfur iodatum* (смесь серы и йода) и т.п.

Коль скоро наука создается, в первую очередь, человеком, и личность ученого играет первостепенную роль в становлении и развитии научного знания, LSP гомеопатии содержит и ряд терминов-эпонимов (а именно антропонимов). Примером может служить термин закон *Ганемана-Геринга* (в некоторых источниках, просто «Закон Геринга») (*Loi de Hering*) – в честь ученых Самуила Ганемана и Константина Геринга, разработавших ряд важнейших научных принципов гомеопатии. В честь отечественного ученого С.Н. Корсакова в гомеопатии назван метод дозирования лекарственных веществ – *разведение по Корсакову* (*Dose Korsakovienne*). Аналогично существуют *разведения по Ганеману* – *Dose Hanemanienne*.

Еще одной особенностью LSP гомеопатии является характерное также и для всей современной медицинской науки в целом обращение к латинским или греческим терминам или их элементам. Будучи в свое время интернациональными языками науки в западной Европе, латинский и греческий языки стали источником многих лексических заимствований и определенной моделью формирования современных терминов. Так гомеопатия широко пользуется греческими терминами: *гомеопатия* (*homéopathie*) – *homoios* – «подобный» и *pathos* – «болезнь»; *этиология* (*étiologie*) – *aitia* – «причина» и *logos* – «учение»; и латинскими: *плюрализм* (*pluralisme*) – *pluralis* – «множественный»; *конституциональное лекарство* (*remède constitutionnel*) – *constitution* – «установление».

Таким образом, мы видим, что научно-профессиональная область – гомеопатия – обладает своим собственным специальным подязыком (LSP), призванным помогать специалистам данной сферы осуществлять акт профессиональной коммуникации. В ряд его характерных особенностей входят различные виды терминологических единиц: однословные и многокомпонентные термины, терминологическая лексика с греко-латинскими элементами, консубстанциональные термины, термины – эпонимы. Также в состав данного LSP включаются и номенклатурные обозначения.

Список литературы:

1. Гринев-Гриневич С.В. Терминоведение.[Текст] / С.В. Гинев-Гриневич. - М.: Изд. центр «Академия», 2008 – 304 с.
2. Комарова А.И. Функциональная стилистика: научная речь. Язык для специальных целей (LSP). [Текст] / А.И. Комарова. – М.: Изд-во ЛКИ, 2009 – 194 с.
3. Комарова З.И. Семантическая структура специального слова и ее лексикографическое описание. [Текст] / З.И. Комарова. - Свердловск: изд-во Ур. ун-та, 1991 – 156 с.
4. Кудашев И.С. Проектирование переводческих словарей специальной лексики. [Текст] / И.С. Кудашев. - Хельсинки, 2007. – 445 с.
5. Лейчик В.М. Терминоведение. Предмет, методы, структура. [Текст] / В.М. Лейчик. - М.: Книжный дом «Либроком», 2009 – 256 с.
6. Линде В.А. Теория миазмов Самуила Ганемана. [Текст] / В.А. Линде. – С.-Пб.: Центр гомеопатии, 2001 – 72 с.
7. Лотте Д.С. Основы построения научно-технической терминологии. [Текст] / Д.С. Лотте. - М.: Изд-во акад. Наук СССР, 1961 – 158с.
8. Ожегов С.И. Словарь русского языка. [Текст] / С.И. Ожегов. – М.: Русск. яз., 1987 – 797 с.
9. Песонина С.П., Линде В.А., Васильев Ю.В. и др. Словарь терминов, используемых в гомеопатии. [Текст] / С.П. Песонина, В.А. Линде, Ю.В. Васильев и др. – С.-Пб.: центр гомеопатии, 2004 – 36 с
10. Суперанская А.В., Подольская Н.В., Васильева Н.В. Общая терминология. Вопросы теории [Текст] / А.В. Суперанская, Н.В. Подольская, Н.В. Васильева. – М.: Книжный дом «Либроком», 2009 – 247 с.
11. Татаринов В.А. История отечественного терминоведения. Классики терминоведения: Очерк и хрестоматия. [Текст] / В.А. Татаринов. – М.: Моск. Лицей, 1994. – 408 с.
12. Хомутова Т.Н. Язык для специальных целей (LSP): лингвистический аспект. // Известия Росс. Гос. ун-та им. Герцена. № 11, С.-Пб.: 2008. – с. 96-106

СПЕЦИФИКА ТВОРЧЕСТВА ДАНИИЛА ХАРМСА: ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Вершкова Светлана Алимпиевна

аспирант ННГУ им. Н.И.Лобачевского, г. Нижний Новгород

E-mail: versh86@list.ru

Прагматический подход к анализу художественных текстов в последнее время занимает лидирующие позиции в гуманитарных науках. Спецификой прагматического подхода является рассмотрение текста как особой разновидности речевого акта, особого типа речевой ситуации, которая определяется спецификой базового для прагматики отношения «говорящий – слушающий».

Прагматическое понимание художественного текста основывается на специфическом разрешении двух основных антиномий, лежащих в основе настоящего исследования: художественный текст – обыденная речь; художественный текст – внехудожественная реальность.

В качестве материала для нашего исследования были выбраны прозаические произведения русского абсурдиста 20-30 гг. 20 века Даниила Хармса. В произведениях Хармса изображаются алогичные, anomalous, абсурдные действия, преподносимые читателю как норма и обыденность. Это даже не события, это антисобытия (ср., к примеру, отрывок «О Пушкине», в котором каждое последующее предложение отрицает предыдущее), которые с позиции традиционной литературы не имеют смысла. Подобное изображение действительности, когда исключительные (в данном случае абсурдные) события в тексте подаются как норма, можно назвать «полным острашением» [1, с. 71]. Д.Хармс, как и остальные обэриуты, стремился создавать свою реальность, преодолев ограниченность обыденного мышления и языка: «Любые выходы из нормативности смысла законны, если каждое слово находит свое единственное место» [1, с. 354].

Итак, рассмотрим творчество Хармса сквозь призму вышеуказанных антиномий.

I. Специфика текстов Хармса сквозь призму антиномии «художественный текст – язык»

Основными чертами творчества Хармса в данной категории можно назвать следующие.

1. Упрощенный синтаксис, создаваемый за счет отсутствия средств художественной выразительности, тропов, типичных для традиционной литературы, например: «Ольга Форш подошла к

Алексею Толстому и что-то сделала. Алексей Толстой тоже что-то сделал. Тут Константин Федин и Валентин Стенич выскочили на двор и принялись разыскивать подходящий камень. Камня они не нашли, но нашли лопату. Этой лопатой Константин Федин съездил Ольге Форш по морде. Тогда Алексей Толстой разделся голым и, выйдя на Фонтанку, стал ржать по-лошадиному. Все говорили: "Вот ржет крупный современный писатель". И никто Алексея Толстого не тронул». [«Ольга Форш подошла к Алексею Толстому»].

Этот текст характеризуется:

- прямым порядком слов,
- значительным преобладанием в частотности существительных и глаголов над прилагательными и наречиями;
- использование повествовательных штампов, свойственных разговорным жанрам;
- намеренное обнажение композиции произведения.
- сравнительно малое число модальных операторов, обычно выражающих отношение говорящего к высказыванию. Любопытно, что даже немногие модальные и оценочные слова, встречающиеся в тексте, прагматически аномальны: «Мы спорили бы очень долго, но, по счастью, тут со скамейки свалился какой-то ребенок и сломал себе обе челюсти» [«Сонет»]. Вводное слово «по счастью» является первичным эгоцентриком, эксплицитно выражающим оценку факта как положительного, хотя сам факт – падение ребенка со скамейки – по этическим соображениям не может оцениваться как положительный. Однако в данном контексте дело обстоит несколько иначе (как и во всей литературе абсурда): положительная оценка относится не к факту падения ребенка, а к факту прерывания надоевшего спора, а это, безусловно, момент положительный. Поэтому выбор вводного слова в данном контексте (с учетом неканоничности произведения в целом) оказывается прагматически оправданным.

2. Нарушения на всех уровнях языка. Здесь возможны следующие случаи:

а) словообразовательный уровень. Сюда относятся слова-окказионализмы, образованные при помощи словообразовательных средств русского языка. Это, например, такие слова, как упадение («Упадение») или спиртуоз («О явлениях и существованиях №2»).

б) лексико-семантический уровень – семантические преобразования слов, например: «Все люди любят деньги» («Все люди любят деньги»). В данном контексте деньги осмысливаются как живые существа, требующие определенной заботы и ухода. Глагол *любить* в этом предложении употреблен в значении «испытывать любовь к кому-

либо`, исходя из которого и строится весь дальнейший текст («Все люди любят деньги: и гладят их, и целуют, и к сердцу прижимают, и заворачивают их в красные тряпочки, и нянчат их, как куклу <...> Я же не отдаю деньгам особого внимания и просто ношу их в кошельке или в бумажнике и по мере надобности трачу их»). В норме же сущестительное деньги требует значения `иметь пристрастие к чему-либо`.

в) стилистический уровень – немотивированное включение в текст элементов иного стиля, чаще всего имеющих яркую стилистическую окраску, например: Вот ржет крупный современный писатель («Ольга Форш подошла к Алексею Толстому»). Глагол *ржет* с ярко выраженной стилистической окраской не сочетается со словосочетанием крупный современный писатель, не характерным для разговорного дискурса. Намеренное смешение компонентов, относящихся к разным функциональным стилям, влечет за собой смешение самой низкой реальности и фантастики, обыденность жестокости и банальность смерти.

г) синтаксический уровень – сюда относятся аномалии словосочетания и предложения: «Наташа удивлялась, но ничего не сказала и пошла к себе в комнату расти» [«Отец и дочь»]. Здесь нарушаются законы сочетаемости: формально глагол *расти* реализует в данном контексте валентность цели глагола *идти*. Однако в данной позиции глагол должен обозначать контролируемое действие; действие расти является независимым по отношению к субъекту.

II. Специфика текстов Хармса сквозь призму антинормы «художественный текст – реальность».

В основе построения большинства прозаических текстов Хармса – принцип «регистрации событий», который проявляется в специфической роли повествователя. Автор обозначает свое присутствие в тексте в качестве беспристрастного стороннего наблюдателя («Когда вывалилась шестая старуха, мне надоело смотреть на них, и я пошел на Мальцевский рынок, где, говорят, одному слепому подарили вязаную шаль» [«Вываливающиеся старухи»]) или в качестве регистратора событий («Однако на этом автор заканчивает повествование, так как не может отыскать своей чернильницы» [«Рыцари»]). Автор зачастую стремится завершить созданный им текст внесобытийными элементами, не имеющими отношения к предыдущему изложению. Таким образом рассказываются обычно случаи из жизни, анекдоты и т.п. В текстах отсутствует любое выражение авторской точки зрения на излагаемые события, автор не проявляет себя как субъект оценок или лирических

отступлений, в отличие от традиционного нарратива, где т.н. образ автора как носитель определенного отношения так или иначе присутствует в тексте. Поэтому персонажи Хармса бескачественны, предельно депсихологизированы, это скорее маски, куклы, нежели живые люди: «Вот однажды один человек пошел на службу, да по дороге встретил другого человека, который, купив польский батон, направлялся к себе восвояси. Вот, собственно, и все» [«Встреча»]. Зачастую единственное, что о них известно читателю – это имя.

Намеренное отсутствие выражения авторской позиции в тексте сопровождается у Хармса «оголением» структуры повествования; достигается этот эффект благодаря отсутствию описаний, характеристик героев, различных выразительных средств, тропов. Т.е. в тексте остается только композиционная форма, четко организованная структура, которая, в свою очередь, позволяет «начинать» эту форму абсурдным содержанием.

Один из излюбленных приемов Хармса – многократное механизированное повторение одного и того же действия или события с незначительным варьированием. Примерами использования такого приема могут служить миниатюры «Пушкин и Гоголь», «Математик и Андрей Семенович». В миниатюре «Математик и Андрей Семенович» избыточность информации создается за счет многократного повторения каждого высказывания в пределах одной реплики. Интересно, что это в основном пустые, неинформативные высказывания, не имеющие значения с точки зрения здравого смысла (например, четырехкратное повторение высказываний: «*Я вынул из головы шар*»; «*Положь его обратно*»; «*Нет, не положУ*» и т.п.).

Аномальные диалоги, неудачные коммуникативные акты в результате не приводят ни к какому результату, так что становится непонятным, о чем и зачем разговаривали собеседники: дрова остаются нерасколотыми, обещания невыполненными, споры нерешенными. Механические повторения приводят к тому, что начинает сливаться в некий набор имен и повторяющихся фраз, действительность становится слитной, неделимой, однообразной, нет разнокачественности, поэтому невозможно существование индивидуальности. События, несмотря на кажущуюся случайность, перестают быть событиями и становятся воплощением чистого автоматизма. Хармс концентрирует внимание не на событии, а на акте воспоминания: «Хотите я расскажу вам рассказ про эту крюкицу? То есть не крюкицу, а кирюкицу. Или нет, не кирюкицу, а курыкицу <...> Забыл я, как эта птица называется. А уж если б не забыл, то рассказал бы вам рассказ про эту кирикуркукукрекицу» [«Хотите, я

расскажу вам про эту крюкицу»]. Блокировка наррации связана также и с перестановками букв, которые каждый раз приобретают новый порядок.

Все это является подтверждением гипотезы, что автор относится к описываемым событиям как к тексту, а не как к некоей вымышленной действительности. Акцент переносится с того, что рассказывается, на то, как рассказывается, т.е., по выражению М. Ямпольского, «мир Хармса не населен вещами, а их означающими» [Ямпольский 1998, 182]. Ср. высказывание М. Рязановой: «В творчестве Д.Хармса грань между словом и действием, словом и предметом стирается и слово, как первоэлемент жизни, выходит на передний план» [Рязанова 1998: 355]. Цель подобных приемов в исследуемых текстах – привлечь внимание читателя к языку и нарушаемым правилам, поэтому можно говорить о том, что интенционально оправданная бессмысленность является одним из принципов построения текстов Хармса.

Список литературы:

1. Радбиль, Т.Б. Языковые аномалии в художественном тексте: Андрей Платонов и другие. - М., 2006.
2. Руднев, В.П. Словарь культуры XX века. Ключевые понятия и тексты. – М., 1997.
3. Рязанова, М.М. Контрастность как способ выражения лингвоносеологических интенций Д.И.Хармса // Семантика языковых единиц. Доклады VI научной конференции. Т.2. – М., 1998.
4. Хармс, Д.И. Всестороннее исследование. Собрание произведений. – М., 2007.

АВТОРСКАЯ РЕФЛЕКСИЯ КАК ЭЛЕМЕНТ РЕКЛАМЫ

Врублевская Оксана Валентиновна

доцент, к. фил. н, ВГПУ, г. Волгоград

E-mail: Gesse-wolf2009@yandex.ru

Коммерциализация культуры способствует появлению новых категорий имен собственных, в том числе и в сфере музыки. Это новые имена и псевдонимы популярных исполнителей, названия концертных

туров, музыкальных альбомов и под. Данные названия являются ключевыми компонентами рекламных текстов.

По данным И.Я. Рожкова существует более двух тысяч определений рекламы, однако существует ещё множество спорных дискуссионных вопросов по этому поводу (см. работы И.А. Гольман, Х. Кафтанджиева и др.) [6].

Однако во всех определениях рекламы можно выделить общее: продвижение на рынок товара или услуги посредством привлечения внимания адресата, убеждения в преимуществе рекламируемого объекта.

В последнее время в сфере шоу-бизнеса (и не только) часто можно столкнуться с таким явлением как рефлексия на происходящие события, на свою собственную деятельность.

Проанализировав интервью с участниками различных групп, а так же записи в блогах относительно историй создания названий музыкальных альбомов, мы остановились на анализе языковой рефлексии создателей данных названий.

Под языковой рефлексией понимается оценочно-аналитическое отношение к своей и чужой речи, имплицитно и эксплицитно выраженное в тексте [7, с. 275].

Лингворефлексия на имена собственные возникает чаще, чем на имена нарицательные. Здесь особая роль принадлежит рекламным именам собственным, к которым, на наш взгляд, относятся и названия музыкальных альбомов, так как всё, что может удовлетворить нужду или потребность и предлагается рынку с целью привлечения внимания, приобретения, использования и потребления является товаром [3, с. 284], и названия данного товара - рекламным именем.

Появление нового названия рассматривается как событие, контролируемое и оцениваемое современным обществом. Постоянно выдвигаются гипотезы относительно происхождения рекламных названий, мотивов именования, анализируются возможные ассоциации, устанавливается связь между именами и контекстами, в которых они употребляются [4, с. 164].

Рефлексивы различаются по субъекту речи, эмоциональной оценке, объему и структуре. Мы в данной статье остановимся на рефлексивах по субъекту речи, которые подразделяются на авторские и адресатные. Задача авторских рефлексивов (являющихся объектом нашего рассмотрения) – эксплицировать процесс изобретения названия, дать ответ, почему объект получил именно это имя [4]. Например: *Вы хотели назвать альбом “No Inhibitions”?* - *Вообще да, потому что, когда я решила выбрать название “No*

Inhibitions”, оно отражало мои чувства. Я до сих пор считаю, что это отличное название, но многие сочли, что это слишком громко сказано. Я открыто выслушиваю творческую критику, так как я очень самостоятельная, мои уши ко всему прислушиваются, я всегда готова обдумать предложения, и я люблю получать отклики. Я всегда в поисках ответной реакции. У нас был список, состоящий из 30 названий. Мы просто не знали, как назвать альбом! Песня “Come On Over” делает меня такой счастливой, когда я ее слушаю. Она улучшает настроение. Это название, конечно, было в списке, и на него люди хорошо реагировали, оно им нравилось. Оно как бы зазывает вас «Заходите на огонек». Это касается той темы про диалог со слушателями, которую мы обсуждали раньше, и эта песня хорошо отображает альбом. И это правильно. Это название больше всего подходило, и мы оставили его. Это, конечно, не самое оригинальное название в мире, но оно лучше всех подошло. (<http://shania.net.ru/press-comeonover.php>)

Создание подобных текстов, как пишет Крюкова И.В., часто является частью рекламной стратегии.

Именуемый музыкальный альбом субъект оказывается в сложной ситуации. С одной стороны, строгая правовая защита большинства искусственно созданных имен собственных накладывает ограничения на его языковое поведение, сдерживает творческие возможности. С другой стороны, конкуренция субъектов экономики, политики и шоу-бизнеса стимулирует создание оригинальных названий, еще не встречавшихся в этой сфере [2, с. 318]. Например: Рэппер Cassidy планирует выпуск нового альбома, который будет носить название “C.A.S.H.”, что означает “Cass Always Stays Hard”:

— Некоторые люди считают, что больше подходит “Cass Always a Straight Hustla”, — поделился еще одним вариантом расшифровки названия своего четвертого альбома Cassidy, — Я назвал свой альбом “C.A.S.H.”, потому что все испытывают нужду в деньгах. Хочется, чтобы все, кто любит хип-хоп и современную музыку, поняли, что таким артистам, как я, нужна их поддержка (<http://rapz.ru/main/4653-cassidy-gotovit-k-vypusku-albom-cash.html>).

Отличительной особенностью сферы шоу-бизнеса является то, что именуемый объект здесь либо отдельная личность, наделенная правом присвоения названия объекту (как правило, сам исполнитель), либо коллектив, объединенный общим делом (как правило, участники одной группы), встречаются так же названия, именующим субъектом которых являются близкие люди (друзья, родственники), в то время

представители других сфер прибегают (особенно в последние годы) к услугам нейминговых агентств, либо устраивают конкурсы на лучшее название [2, 5]. Это связано с тем, что в эпоху рыночных отношений название должно выполнять рекламную функцию (помимо своей основной функции индивидуализации и идентификации).

Помимо традиционных рекламных стратегий, творческие личности пользуются любым моментом, для привлечения внимания к своей продукции, разъясняя (в интервью, блогах) название музыкального альбома, которое часто носит символический характер (порождая тем самым разные версии со стороны потребителя). Так, например, комментируют название альбома «Триллер» (гр.Агата Кристи):

А) Триллер часть адын. Триллер - разновидность распространенных в массовой культуре детективно-приключенческих жанров; роман, фильм или пьеса об убийцах, гангстерах, сыщиках. В триллере акценты смещены с описания преступлений на их подготовку, при этом создается гнетущая атмосфера ожидания чего-то страшного. Англ. Thrill - трепет. Думаю, что не подходит это название альбому. Больше подходит для этого альбома название Любовь идет на дело (это если из песен с альбома брать).

Б) Триллер не совсем подходящее и понятное название...

В) а я считаю, что авторы в название вкладывают скрытый подтекст, смысл, понятный им, но непонятный слушателю. Именно поэтому оспаривать названия альбомов я не буду... (www.agata.ru)

А участники гр. Агата Кристи следующим образом отвечают на вопрос Почему альбом называется "Триллер"?:

Почему Триллер... Потому что жизнь - кино, если сравнивать нашу жизнь с жанром художественного фильма, то наша жизнь - триллер! Вот поэтому так и назвали альбом... это название подходит не только к образу жизни, оно и применимо практически ко всем записанным трекам! Посмотрите, как мы живем, послушайте наш продукт - и сразу станет ясно, почему альбом носит такое название. (http://southrap.ru/page.php?al=interview_skvo_narayan_fam_triller)

Авторские рефлексивы помогают усилить суггестивную функцию названия.

Когда название получает известность, по реакции потребителя можно судить является ли оно удачным, выполняет ли предписанную ему функцию. Таким образом, адресатные рефлексивы выявляют признаки, предъявляемые к идеальному рекламному имени, и сдерживают необдуманное словотворчество создателей названий. Исследование авторских рефлексивов (которые могут послужить не

только рекламе, но и антирекламе названия) является перспективой нашей исследовательской работы.

Список литературы:

- 1 Врублевская О.В. Названия музыкальных альбомов в прагмалингвистическом аспекте // Проблемы общей и региональной ономастики: материалы VII Международной конференции [Текст] / О.В. Врублевская. – Майкоп: изд-во АГУ, 2010. – с. 301-304
- 2 Врублевская О.В. Субъект номинации музыкальных альбомов// Ономастика Поволжья: сборник материалов XII Международной научной конференции [Текст] / О.В. Врублевская. – Казань: Отечество, 2010. – С.317-320
- 3 Котлер Ф. Основы маркетинга: пер. с англ./ под ред. Е.М. Пеньковой. – М.: Прогресс, 1992. – 736 с.
- 4 Крюкова И.В. Рекламное имя: от изобретения до прецедентности: монография [Текст] / И.В. Крюкова. – Волгоград: Перемена, 2004.-288с.
- 5 Крюкова И.В. Речевой портрет субъекта искусственной ономастической номинации// Коллективная монография: Человек в коммуникации: мотивы, стратегии и тактики [Текст] / И.В. Крюкова. – Волгоград: Изд-во «Перемена», 2010.
- 6 Рожков И. Я. Реклама: Планка для «профи»: Реклама в условиях рынка 90-х. [Текст]/ И. Я. Рожков. – М.: Юрайт, 1997. – 208 с.
- 7 Санджи-Гаряева З.С. Языковая рефлексия Ю. Трифонова// Вопросы стилистики: межвуз. сб. науч. тр. [Текст] / З.С. Санджи-Гаряева. – Саратов: изд-во Сарат. Ун-та, 1999. – Вып. 28. – С. 275 – 281.

МЕЖЪЯЗЫКОВАЯ СИММЕТРИЯ И АСИММЕТРИЯ В ПЕРЕВОДЕ (РУССКИЙ И ПОЛЬСКИЙ ЯЗЫКИ)

Гасек Богумил Генрикович

к. фил. н., адъюнкт кафедры русского языка
Института славянской филологии
Вроцлавского университета, г. Вроцлав (Польша)
E-mail: bogdan156@rambler.ru

Рассматривая проблему эквивалентности лексических единиц близкородственных языков, исследователь неуклонным образом сталкивается с вопросом сходства внешних оболочек (написания / звучания) слов в двух языках. Аналогия формы может сопровождаться сходством значения – ср.: *польск.* и *русск.* **brat** – **брат**, **ojciec** – **отец**, **matka** – **мама**, **syn** – **сын**, **dom** – **дом**, **ulica** – **улица**, **autobus** – **автобус** и т.д.

Парадоксально: некоторые сходные в плане выражения и содержания лексемы двух языков могут стать причиной трудностей и недоразумений в процессе перевода. Нам представляется, что такая ситуация возможна в следующем случае: у исходной единицы наряду с внешне непохожим эквивалентом имеется сходный с ним в плане выражения синоним, который также может служить эквивалентом, но он игнорируется переводчиком вследствие причин, о которых речь пойдет дальше (например, *польск.* **pozytywny** – это как **положительный**, так и **позитивный**, **tron** – это как **престол**, так и **трон**, а **samoobrona** – **самозащита** и **самооборона**). Для данного явления нами был предложен термин *потенциальные положительные интерферененты* [6, с. 145], образованный на базе термина, введенного В.В. Алимовым – *положительные интерферененты*, который, однако, охватывает более широкую группу лексем – по словам названного ученого, «под “интерферентами” следует понимать любые значимые единицы (морфемы, слова, выражения, синтагмы, предложения), которые по звучанию/написанию и функциям в одном языке напоминают соответствующие единицы или функции в другом языке, причем отрицательные интерферененты различаются, а положительные совпадают в плане содержания» [1, с. 81]. Ближе к рассматриваемой нами проблематике термин А.В. Садикова – *ложные враги переводчика*, понимаемый как «слова, которых переводчик неправомерно избегает, даже ценой ошибок в переводе, на том же основании созвучия» [16, с. 87–88]. Однако, подчеркивая излишнюю метафоричность этого термина, мы вынуждены констатировать, что он

касается отличного явления – причина игнорирования созвучной лексемы кроется в сходстве ее внешней оболочки с внешней оболочкой слова исходного языка, носящего отрицательный оттенок значения. Природа *потенциальных положительных интерферентов* иная – переводчик избегает данной лексемы из-за ее созвучия с лексемой исходного языка и одновременного наличия в ПЯ эквивалента, не совпадающего в плане выражения с единицей ИЯ.

По нашему мнению, учитывая тот факт, что типичный переводчик данной языковой пары – это *искусственный билингв* [19], чаще всего выпускник языкового вуза, для которого один язык является родным, второй – приобретенным, проблеме *потенциальных положительных интерферентов* следует увязать с методикой преподавания иностранного языка. В процессе обучения иностранному языку на филологических факультетах преобладает контрастивный метод. Сопоставление различий между близкородственными языками позволяет достаточно быстро искоренить самые серьезные ошибки и избавиться от ярких проявлений интерференции родного языка. Однако применение данного метода имеет также минусы – постоянное исправление полонизмов в речи русистов приводит к выработке психологического механизма боязни перед схожими формами. Сами преподаватели часто избегают сходных с лексемами родного языка слов, а появление полонизмов в русской речи принято относить в среде русистов к самым серьезным ошибкам. Недостаточное изучение рассматриваемого явления приводит, по нашему мнению, к нескольким последствиям. Во-первых, в процессе подготовки к выполнению перевода переводчик, знакомясь с текстами определенной тематической области на иностранном языке, неоднократно сталкивается с новыми словами, которые, как правило, «берет на вооружение», расширяя, таким образом, свой лексический запас. Обнаружение в тексте незнакомых, но сходных со словами родного языка единиц, приводит к замешательству, вызывает сомнения относительно правильности составленного текста, заставляя дополнительно тратить время на словарную справку, консультацию с носителями языка и т.д. Во-вторых, в процессе перевода, особенно устного, названные лексемы часто сбивают переводчика с толку, вызывая сомнения и трудности в их правильном определении, дополнительно отнимают у него время – один из важнейших факторов в устном переводе. В-третьих, при переводе на русский язык переводчики часто отдают предпочтение лексемам, несходным с польскими единицами, что далеко не всегда оказывается лучшей

стратегий. В синонимическом ряду более подходящей может, как раз, оказаться лексема, схожая с исходной польской.

На другом полюсе находится вопрос о парах слов в двух языках, которые при сходстве внешних оболочек различаются значением и, в более широком понимании, «особенностями функционирования в речи» [5, с. 322]. В литературе предмета такие *диалексемы* – «сходные по внешней форме лексемы двух языков» [приводится по: 5, с. 327] – принято называть *ложными друзьями переводчика*, хотя встречаются и другие термины: *межъязыковые омонимы/паронимы*, *мнимые эквиваленты*, *тавтономы*, *псевдоэквиваленты*, *коварные слова*, *апроксиматы* [приводится по: 15, с. 11], *межъязычные аналогизмы* [8, с. 7], *псевдоинтернациональные слова* [10, с. 14], *межъязычные омонимы* [20, с. 49–53], *псевдоинтернационализмы* [9, с. 36], *асимметричные диалексемы* [5, с. 329], *ложные эквиваленты* [18, с. 158], *мнимые друзья переводчика* [14, с. 6] и другие. Данное явление мы вправе считать одной из существенных проблем теории и практики перевода; оно упоминается чуть ли не в каждом учебнике перевода; издаются отдельные словари *ложных друзей*, в том числе, на материале русского и польского языков [21; 23].

Среди попыток разработать типологию межъязыковой асимметрии особый интерес для теории перевода, по нашему мнению, представляет типология, предложенная Н.К. Гарбовским [5, с. 338–348]. Российский переводовед выделяет следующие типы межъязыковой асимметрии, которые проиллюстрируем польско-русскими примерами: *внеположенность* (это такой тип отношений между понятиями, при котором «их объемы полностью исключают друг друга, т.е. объемы внеположенных понятий не содержат ни одного общего объекта» [5, с. 338], напр., *польск. **tir** и русск. **тип***), *равнообъемность* (или *равнозначность*) – тип отношений, при котором слова в двух языках при сходстве в плане выражения и содержания различаются нюансами значений, стилистическими оттенками, оценочными значениями, напр., *нейт. **szybki** и разг. **шибкий***, *подчинение* – большая широта значения одного из сопоставляемых слов, напр., ***dekada** и декада*, *перекрещивание* – в объем понятий на двух языках входят как общие для обоих понятий объекты, так и различные, напр., ***kamera** и камера*.

Внимание следует заострить на отношении *равнообъемности* как на обильном источнике ошибок и неточностей в процессе перевода. Именно пары слов, которые при сходстве звуковой /

графической формы и денотативного значения, различаются прагматическим значением, подразумевающим такие параметры, как: принадлежность к определенному стилевому регистру, эмоциональную окраску, частотность и типичные контексты употребления, неоднократно ошибочно отождествляются переводчиком. Данное положение мы можем пояснить на примере часто встречаемого в переводных статьях в качестве эквивалента русск. **сторонник** слова **stronnik**. Выражения **сторонники Путина**, **сторонники Лукашенко** переводятся как **stronnicy Putina**, **stronnicy Łukaszenki**, что не совсем точно. И польская, и русская лексемы обозначают ‘последователя каких-н. взглядов, чьего-н. приверженца’, но в польском языке намного чаще употребляется слово **zwolennik**, и его как нейтральное определение следует считать полноценным эквивалентом. Слово **stronnik**, несмотря на отсутствие пометы в словарной статье [22], все-таки более характерно для высокого стиля. Выбор этого слова не является смысловой ошибкой, он не приводит к нарушению нормы польского языка, и, вероятно, не бросается в глаза рядовому читателю. Однако специалист, располагающий исходным текстом, вправе констатировать изменение стилевых регистров слова в ТП. Большое количество этого рода ошибок лишает текст перевода естественности звучания и препятствует его органичному восприятию носителем языка.

Вторым типом межъязыковых отношений, который заслуживает пристального внимания, является *перекрещивание*. Как известно «подавляющее большинство слов любого современного живого языка, имеющего длительную литературную традицию, являются словами многозначными» [4, с. 117]. Следовательно, сопоставляя слова в двух языках, мы можем увидеть их совпадение в одних значениях и расхождение в других. В случае *диалексем* легко убедиться в том, что некоторые из них в одном значении являются *ложными друзьями переводчика*, в других – вступают в отношения эквивалентности. В качестве иллюстрации приведем пример *диалексемы* **drużyna** и **дружина**. Основное значение польской лексемы – это ‘организованная группа людей’ [ср.: 22, с. 158]. В типичном контексте употребления это слово обозначает спортивную команду, а его эквивалентом служит именно лексема **команда**, например, **drużyna piłkarska** – **футбольная команда**. Это дает основание считать пару **drużyna** и **дружина** в указанном значении *ложными друзьями*. Однако у обеих лексем есть еще другие значения – в том числе, устаревшее «приближенные князя». Поэтому в тексте, касающемся исторических реалий, названные слова могут быть

использованы в качестве эквивалентов, напр., **drużyna księcia Mieszka** – **дружина князя Мешко**. Добавим, что русская лексема употребляется также для обозначения хоккейной сборной России – в российских СМИ встречаются такие определения, как **наша дружина**, **российская дружина**, хотя данное значение не фиксируется толковыми словарями русского языка. При употреблении слова в таком значении одним из возможных переводческих решений является выбор слова **drużyna**, например **российская дружина** – **drużyna rosyjska**, **drużyna Rosji**, хотя возможен и прием конкретизации путем выбора лексемы **representacja** (**rosyjska representacja**, **representacja Rosji**). В переводе с польского в указанном узком контексте также можно проследить эквивалентность слов **drużyna** и **дружина**, напр., **rosyjska drużyna hokejowa** – **российская дружина**.

На основании приведенного нами примера можно прийти к двум важным заключениям. Первое сводится к тому, что *диалексемы* зачастую образуют весьма сложную картину мнимой и действительной эквивалентности. Можно наблюдать образование «сеток или своеобразных систем взаимных отношений аналогичных лексико-семантических группировок в разных языках» [2, с. 211].

Второй вывод касается лексикографических источников, которые оставаясь основным подспорьем переводчика, не позволяют получить полную картину значений и употреблений слов данного языка. Таким образом, поиск эквивалентов нельзя свести лишь к словарной справке.

Вышесказанное позволяет понять, что выбор эквивалента в процессе перевода связан также с проблемой синонимии. Статьи двуязычных словарей часто построены таким образом, что в качестве эквивалента для отдельного значения слова приводятся через запятую два или даже несколько синонимов, напр., по Большому польско-русскому словарю **hulaka** – это «гуляка, кутила, повеса» [7, с. 266]. О том, какой из перечисленных синонимов является более предпочтительным, приходится решать переводчику. Естественно, он обращается за помощью к толковому словарю, однако, система помет и иллюстративный материал далеко не всегда достаточны для принятия правильного переводческого решения – например, трудно установить различия между словами **страх** и **боязнь**, руководствуясь только показаниями толкового словаря. По словарю Кузнецова **страх** это «состояние сильной тревоги, беспокойства, душевного смутения перед какой-л. опасностью, бедой, и т.п.; боязнь» [11, с. 1277], а **боязнь** – «1. чувство опасения, страха» 2. «беспокойство, тревога» [11, с. 93].

Стоит при этом отметить, что в толковании слова **страх** появляется лексема **боязнь**, а в статье **боязнь** – слово **страх**.

Кроме того, задачу переводчика осложняет также различная трактовка одних и тех же лексических единиц авторами разных толковых словарей, например, в словаре Кузнецова слово **презент** снабжено пометой *устар.* [11, с. 963], а в словаре Ожегова пометами *устар.* и *разг., шутл.* [с. 13, 580].

Добрую службу переводчику могут сыграть большие словари синонимов [3; 17], среди которых выделяется «Новый объяснительный словарь синонимов русского языка» под редакцией Апресяна [12]. В нем досконально разработана система описания сходств и различий между отдельными словами с четким толкованием, приведением богатого иллюстративного материала, а также запретительных норм – попытки указать пределы сочетаемости определенной единицы. Совершенно понятно, что при такой подробной разработке корпус словаря относительно небольшой – он содержит 354 синонимических ряда, но принципы, заложенные в основу словаря, могут быть также полезны при определении критериев эквивалентности и статуса конкретных *диалексем*.

Итак, сопоставление двух сходных в плане выражения единиц подразумевает не только учет денотативного значения, но также таких параметров, как: отнесенность к стилевому регистру, наличие эмоционально-экспрессивной оценки, частотность и типичный контекст употребления, сочетаемость, возможное наличие коннотативного значения. Рассмотрение всех указанных параметров (при необходимости с использованием двуязычных, толковых словарей, словарей синонимов, сочетаемости, самостоятельного анализа текстов, написанных на языке перевода, а также – использование метода параллельных текстов) – это отправная точка для определения подлинных отношений между конкретной парой значений слова в исходном тексте и тексте перевода.

Подчеркнем, что указанные параметры дают возможность определить отношения между конкретными словами, но в переводе единицей эквивалентности слово является далеко не всегда – неоднократно перевод осуществляется на уровне единиц высшего порядка – словосочетаний, фразеологизмов, предложений. Следовательно, необходимо по-другому относиться к слову как компоненту устойчивого словосочетания или фразеологизма, например, лексемы **око** и **око**, совпадая в плане денотативного значения, отличаются в плане значения прагматического – польская лексема нейтральная, русская – устаревшая (отношение

равнообъемности), но одновременно можно отметить эквивалентность на уровне фразеологизмов с указанным компонентом: **w мгnieniu oka** и **в мгновение ока**, **strzec jak źrenicy oka** – **беречь (хранить) как зеницу ока**.

Необходимо отдавать себе отчет также в том, что в процессе перевода условия контекста, принятая переводчиком стратегия, прагматическая адаптация, призванная обеспечить адекватность при одновременной естественности восприятия ТП носителями языка, могут привести к тому, что пары слов, отнесенных к категории *ложных друзей переводчика*, в конкретном тексте перевода окажутся эквивалентами.

Поясним сказанное на примере перевода, выполненного студентами переводческой специализации:

Правда, шишка какая-то на **лбу** (о собаке). – *Co prawda, na lbie ma jakiegoś guza.*

Слова **лоб** (‘верхняя надглазная часть лица человека или морды животного’) и **leb** (‘голова у животного’) это *ложные друзья*, так как при сходстве внешней формы их значения различаются. Однако условия контекста и стилистики польского языка заставляют переводчика прибегнуть к трансформации – вместо словарного эквивалента русск. **лоб** – **czolo**, переводчик выбирает слово **leb**, понимая, что констатация о наличии шишки на **czole** (**лбу**) собаки нетипична для коммуникации в польскоговорящей среде – для описания аналогичной ситуации носитель польского языка скорее всего выберет слово **leb** (**голова**). Таким образом, в результате генерализации мы получаем пару **лоб** – **leb**, которая появилась в результате сознательного действия переводчика.

Резюмируя итоги наших рассуждений, хочется подчеркнуть, что правильный выбор эквивалента и способность отличать межъязыковую омонимию и синонимию, обусловлены умением эффективно пользоваться целой гаммой словарей (двуязычных, толковых, синонимов, сочетаемости, коннотаций и т.д.), учитывать лексическую сочетаемость слов, их отнесенность к стилистическому регистру, частотность и типичные контексты употребления.

Список литературы:

1. Алимов В.В. Интерференция в переводе (на материале профессионально ориентированной межкультурной коммуникации и перевода в сфере профессиональной коммуникации): Учебное пособие. М.: КомКнига, 2005. – 229 с.

2. Бархударов Л. С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). М.: «Международные отношения», 1975. – 240 с.
3. Большой словарь синонимов русской речи. Идеографическое описание. 2000 синонимических рядов. 10 500 синонимов / Под ред. Л.Г. Бабенко. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2008. – 784 с.
4. Будагов Р.А. Закон многозначности слова // Человек и его язык. М.: Издательство Московского университета, 1974. – 262 с.
5. Гарбовский Н.К. Теория перевода: Учебник. – 2-е изд. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2007. – 544 с.
6. Гасек Б.Г. Лексико-семантическая интерференция в процессе устного перевода: значение потенциальных положительных интерферентов (на материале польского и русского языков) // «Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода», №1 2008. С. 144–150.
7. Гессен Д., Стыпула Р. Большой польско-русский словарь в двух томах. Издание третье, исправленное и дополненное. Москва: «Русский язык»; Варшава: «Ведза Повсхехна», 1988. Т.1: А – Ў. – 656 с.
8. Готлиб К.Г.М. Междуязычные аналогизмы французского происхождения в немецком и русском языках. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Новосибирск, 1966. – 21 с.
9. Ермолович Д.И. «Ложный друг» оказался вдруг и не друг, и не враг, а так ... // Мосты. Журнал переводчиков. 4(16) / 2007. С. 33–40.
10. Комиссаров В.Н. «Ложные друзья переводчика» в структуре английского высказывания (К постановке проблемы) // Мосты. Журнал переводчиков, №2 (6) / 2005. С. 14–17.
11. Новейший большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. Санкт-Петербург, М., 2008. – 1536 с.
12. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под общим руководством Ю.Д. Апресяна. Москва – Вена: Языки славянской культуры: Венский славистический альманах, 2004. – 1488 с.
13. Ожегов С.И. Словарь русского языка; 70 00 слов / Под ред. Н.Ю. Шведовой. – 21-е изд. перераб. и доп. – М.: Рус. яз., 1989. – 924 с.
14. Пахотин А.И. Англо-русский, русско-английский словарь мнимых друзей переводчика. М.: Издатель Караева А.К., 2003. – 128 с.

15. Предисловие // *Kusal K. Rosyjsko-polski słownik homonimów międzyjęzykowych* / Русско-польский словарь межъязыковых омонимов. Wrocław, 2002. С. 10–12.
16. Садиков А.В. Проблема перевода советских реалий в ее прагматическом аспекте // *Тетради переводчика*. Выпуск 21. М.: Изд-во «Международные отношения», 1984. С. 87–88.
17. Словарь синонимов русского языка / Под ред. А. П. Евгеньевой. Ленинград: Издательство «Наука», 1970. Т. 1 (А – Н) – 680 с.; Т. 2 (О – Я) – 856 с.
18. Федоров А.В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы): Для институтов и факультетов иностр. языков. Учеб. пособие. — 5-е изд. — СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: ООО «Издательский Дом «ФИЛОЛОГИЯ ТРИ», 2002. — 416 с.
19. Черничкина Е.К. К вопросу искусственного билингвизма // *Мир лингвистики и коммуникации*, № 4 (5) 2006 г. [электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: http://www.tverlingua.ru/archive/005/5_3_2.htm
20. Grosbart Z. О межъязычных омонимах // *Język rosyjski* 1958, nr 6. С. 49–53.
21. *Kusal K. Rosyjsko-polski słownik homonimów międzyjęzykowych* / Русско-польский словарь межъязыковых омонимов. Wrocław, 2002. — 190 с.
22. *Mały słownik języka polskiego* / red. E. Sobol. Warszawa: PWN, 1995. — 1181 с.
23. Szalek M. *Słownik homonimów rosyjsko-polskich*. Poznań, 2004. "Supported by the Erasmus Mundus Action 2 Programme of the European Union "

АББРЕВИАЦИЯ И ДЕЗАББРЕВИАЦИЯ СОБСТВЕННЫХ ИМЕН КАК АКТИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ЖАРГОННОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

Гладченкова Екатерина Алексеевна

*аспирант, ассистент кафедры русского языка и теории языка
Педагогического института Южного федерального университета,
г. Ростов-на-Дону*

E-mail: gladchenkova@mail.ru

Одной из особенностей современного общества является изменение условий взаимодействия людей, в том числе, и на языковом уровне. Динамика межкультурных контактов, развитие мобильной связи, Интернет и других телекоммуникационных систем оказывают огромное влияние на устную и письменную речь. Стремление к экономии языковых средств, таким образом, считается одной из важнейших тенденций процесса коммуникации. Аббревиация как «компрессионный механизм» считается одним из самых продуктивных способов создания языковых единиц. Актуальность исследования сокращенных наименований определяется важностью изучения средств номинации, которые способны в краткой фонетической и графической форме содержать емкую информацию. В центре внимания данной статьи стоит исследование особенностей процессов аббревиации (создания сокращенных наименований) и дезаббревиации (расшифровки аббревиатур).

В лингвистике существует множество определений термина «аббревиация». Согласно определению данному Ракитиной Н.Н., аббревиация - это «процесс создания единиц вторичной номинации со статусом слова, который состоит в усечении любых линейных частей источника мотивации и который приводит в результате к появлению такого слова, которое по своей форме отражает какую-либо часть или части компонентов исходной мотивирующей единицы. Результативная единица такого процесса называется аббревиатурой, или аббревиатурной единицей» [4, с. 8].

В свете функционально-семантической концепции Е.Н. Ожогин подчеркивает, что «в основе аббревиации лежит универсальная операция сокращения фонетической и графической оболочек исходного наименования» [3, с. 4]. Функция аббревиатур в процессе коммуникации состоит в экономном выражении мысли и устранении избыточности информации. По мнению Е.А. Земской, аббревиация в языке выполняет компрессионную функцию, т.е. «служит для создания

более краткой, чем соотносительное словосочетание, номинации» [2, с. 120].

Главной особенностью аббревиатур является их тесная связь с исходным «полным» наименованием (словом или словосочетанием). Аббревиация «заключается в сокращении (материальной или графической) оболочки некоторого языкового сообщения, т.е. в рационализации использования материальной оболочки, прежде всего в коммуникативных целях» [1, с. 47-48].

Аббревиация выступает одним из способов словотворчества, который в полной мере отвечает прагматическим установкам жаргонной фразеологии. Явление аббревиации в жаргонной фразеологии невозможно исследовать без учета особенностей языковой личности носителя жаргона, поскольку антропоцентрический подход в современной лингвистике позволяет включать в область исследования изучение языка как свойства самого человека.

Процессы аббревиации в современном жаргоне необходимо рассматривать в связи с комплексом проблем жаргонной фразеологии: проблемой значения собственных имен, их парадигматических, синтагматических и деривационных отношений, дискурсивной обусловленности. При аббревиации информация передаётся меньшим числом знаков при сохранении содержания, что оптимизирует речевое сообщение. Аббревиация представляется как рационализация использования в коммуникативных целях материальных элементов языка, то есть его звуковой и графической оболочки.

Аббревиатурные наименования выполняют компрессивную функцию, помогая избежать многословных названий, так нелюбимых носителями жаргона. Поэтому аббревиатурное наименование в жаргонной фразеологии часто выступает как вариант уже существующего словосочетания. В процессе активного употребления аббревиатура приобретает самостоятельную номинативно-экспрессивную функцию и может стать более частотным по использованию в речи, нежели исходное полное наименование.

Аббревиация в жаргоне выступает как универсальный процесс, определяемый преимущественно тенденциями развития общества, т.е. создание сокращенных наименований становится ответом на различные социальные запросы и явления. Непреcedентные аббревиатуры не имеют аналогичных сочетания слов в литературном языке; они являются выражением идеи, понятной только носителю жаргона. Например, аббревиатура *МПС* – «мой правый сосед»

употребляется в речи студентов, когда надо, чтобы присутствующий не понял, что речь идет о нем.

Каламбурная расшифровка собственно жаргонных аббревиатур может характеризовать несуществующие предметы действительности: *ГЗМ* – «губозакаточная машинка» или *РГЗМ* – «ручной губозакаточный механизм». Интересно, что жаргонная ФЕ *губозакаточная машинка* появилась от выражения *раскатать губу* «сильно желать что-то». Затем выражение *губозакаточная машинка* трансформировалось в аббревиатуру, что придало ему большую экспрессивность. Подобное создание фразеологических единиц диктуется законом экономии речевых средств, когда в потоке речи говорящий старается максимально насытить свое высказывание информацией и выразить свое отношение к ней. Подобные собственные имена являются результатом языковой игры. Для жаргона характерен юмор и шутливое отношение к действительности, поэтому каламбурная расшифровка аббревиатур является продуктивным семантическим процессом.

Целесообразность создания непрецедентных аббревиатур заключается в создании экономных во внешней форме и предельно семантически ёмких во внутренней форме номинативных единиц. Сокращенные наименования выполняют, помимо назывной, характеризующую функцию. В солдатском жаргоне часто встречаются собственно жаргонные аббревиатуры, призванные выразить определенное отношение (чаще – негативное, презрительное) к предмету названия (например, *СЛОН* – «солдат, любящий особые нагрузки», *СКД* – «симулянт кипучей деятельности» (из речи курсантов)). Подобное лингвистическое явление объясняется особыми социальными условиями, в которых молодые люди проходят службу: в военных учреждениях существует строгая дисциплина, свод определенных правил, распорядков и жесткое их выполнение. Поэтому во избежание наказания за вольное поведение, в том числе речевое, в солдатском жаргоне создаются подобные фразеологические единицы, чтобы, с одной стороны, обыграть актуальные для молодых людей предмет или явление действительности, а с другой стороны, засекретить смысл высказывания.

Каламбурная расшифровка прецедентных аббревиатур является одним из самых продуктивных семантических процессов в жаргоне. Проблема происхождения «расшифровки» сокращений имеет важное значение для понимания сущности процесса аббревиации, его функционирования в языке. Появление дешифровки сокращений обусловлено причинами прагматического характера: «непонятностью»

некоторых сокращений и негативным отношением к огромному количеству аббревиатур, созданным в советский период. Так, А.В. Дмитриев и А.А. Сычев приводят следующие примеры дезаббревиации в своей работе монографии «Смех: лингвофилософский анализ»: жилой район около аэродрома «Пулково» называли *СИШ* (Слышу Шум Аэродрома), район вблизи площади Мужества - *ФРГ* (Фешенебельный Район Гражданки), отдельный район за станцией «Ручьи» - *ДРВ* (Дальше Ручья Влево) и пр.

Семантический сдвиг между расшифровкой аббревиатур в жаргоне и исходными узуальными наименованиями объясняется различными целями описания явления. Развёрнутое жаргонное наименование даёт полное представление о деталях и характеристиках обозначаемого с позиции носителя жаргона. Студенты с удовольствием переделывают аббревиатуры учебных заведений, предметов, «переводя» их на свой, выразительный язык. Так, *Академия ФСБ* трактуется как «Академия физкультуры, спорта и бизнеса» (ср. Академия Федеральной службы безопасности), а *МИИТ* – «мы интенсивно ищем третьего» (ср. Московский институт инженеров транспорта). Тенденция заменять краткие наименования развернутыми высказываниями проявляется в жаргоне очень ярко, создавая уникальный экспрессивный образ.

При дезаббревиации на первый план выступает коммуникативная функция языка. Использование аббревиатур в жаргоне и их «особый перевод» рассматриваются как один из способов акцентирования информации в целях повышения эффективности воздействия на собеседника. Тенденция к повышению информативной ценности речевого сообщения является одним из важных факторов процесса коммуникации. Так, общеизвестная аббревиатура *МГУ* (ср. Московский государственный университет) «переводится» в жаргоне фразой «где мама устроит». При шутливой расшифровке последней аббревиатуры вместо общепринятого наименования престижного учебного заведения высмеивается стремление устроиться в вуз или на работу по протекции.

Значения аббревиатур в жаргоне претерпевает значительные сдвиги по сравнению со значением узуальных полных форм, иногда превращаясь в абсурдное нанизывание слов с яркой экспрессией. Потребность в создании выразительных средств у школьников реализуется в каламбурной расшифровке дисциплины *ОБЖ* (основы безопасности жизнедеятельности), которую они переименовали в *отдай божью жвачку, общество безногих жуков, общество*

беременных женщин, очень беременная женщина, охрана беременных женщин, общая безнадежность жизни, охрана брюквы и жасмина, очень боюсь женщин, о бомже.

Для молодежного жаргона характерна самоирония, например, студенты негативно оценивают свои умственные способности: *ДГТУ* – «дай Господи, тупому уму» (из речи студентов) (ср. Донской государственный технический университет) или *МПЛ* – «местная психиатрическая лечебница» (ср. Милицейско-правовой лицей). Названия учебных дисциплин также подвергается каламбурному переосмыслению: например, *КГБ* – «кафедра геоботаники» (ср. Комитет государственной безопасности), *ТТМ* – «тут моя могила» (теория машин и механизмов), *ДДМ* – «другая моя могила» (детали машин и механизмов). Причиной употребления таких наименований является стремление жаргонной фразеологии к необычности внешней и внутренней формы. Деабревиация происходит как сознательное нарушение нормы, когда узальное по форме слово приобретает новое экспрессивное содержание.

Для повышения коммуникативных возможностей жаргонных фразеологических единиц оказывается возможным опустить некоторые элементы без редукции информационной ценности высказывания, то есть заменить развернутое наименование кратким. Аббревиатуры, таким образом, как нельзя лучше подходят как средство табуирования наименований названия частей «телесного низа», физиологических процессов и пр., выполняя *эвфемистическую функцию*. Эвфемизация (от греч. *euphémia* — воздержание от неподобающих слов, смягчённое выражение) представляется как смягчение смысла грубых слов и выражений и является следствием табу (запрета). Например, *КПД* – «комната полезного действия – туалет» (ср. коэффициент полезного действия), *КПЗ* – «комната приятных запахов – туалет» (ср. камера предварительного заключения).

Деабревиация обеспечивает передачу максимального количества информации (смыслового содержания), актуального для носителя жаргона, при минимальном использовании материальной оболочки сокращенного наименования. При этом жаргонные аббревиатуры выполняют конспиративно-экспрессивную функцию. При наименовании реалий политической сферы, культуры и идеологии деабревиация реализуется в сокрытии прямой, резкой, иногда уничижительной оценки говорящим описываемого явления действительности. Объектом для создания фразеологических единиц в жаргоне являются наименования современных городских реалий,

связанных, например, со стражами порядка (например, *ГИБДД* – «гони инспектору бабки и двигай дальше» (из речи студентов)). Аббревиатуры политической сферы также «расшифровываются» с особым смыслом: *ЛДПР* – «люблю дурачить простых ребят» (либерально-демократическая партия России)

Иногда каламбурная расшифровка прецедентных аббревиатур представляется абсурдной, т.к. она характеризует предмет или явление действительности с прямо противоположной точки зрения: *БОМЖ* – «богато обеспеченный московский житель» (ср. общепринятое наименование «без определенного места жительства»).

Создание жаргонных фразеологизмов с компонентами-собственными именами отражает стремление говорящего завуалировать смысл высказывания, при этом придать ему высокую выразительную силу. Так, в жаргонном фразеологизме *ЦРУ* со значением «ценные руководящие указания» обыгрывается официальное наименование военной организации (Центральное разведывательное управление в США). Мысль, обыгрываемая в каламбурной форме, обычно яркая, интересная. При подобной дешифровке происходит неожиданный смысловой сдвиг, имеющий абсурдный характер: например, *ЦСКА* – «Центральный Сарай Конной Армии» (Центральный спортивный клуб армии), *ЦК* – «центральная котельная» (Центральный Комитет (КПСС)).

При создании аббревиатур, а также дешифровке сокращенных наименований происходит неожиданный смысловой сдвиг, часто имеющий абсурдный характер. Аббревиация как активный процесс в жаргонной фразеологии позволяет не только назвать и охарактеризовать предмет, но выразить фоновые семы. Деаббревиация помогает насытить высказывание максимальным количеством информации при минимальной внешней форме сокращенных имен. Расшифровка аббревиатур в жаргоне характеризует двойственность картины мира носителя жаргона: с одной стороны, его стремление завуалировать смысл высказывания, а с другой - подчеркнуть значение переименованных слов, придать высказыванию экспрессию. Поэтому процессы аббревиации и деаббревиации требуют дальнейшего изучения для понимания механизмов семантического изменения собственных имен, функционирующих в жаргонной фразеологии.

Список литературы:

1. Борисов В.В. Аббревиация и акронимия. - М., 1972.

2. Земская Е.А. Активные процессы современного словопроизводства // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). – М., 1996.
3. Ожогин Е.Н. Аббревиатуры в военном подъязыке. Дисс. . канд. фил. наук. - М., 1999.
4. Ракитина Н.Н. Лингвокультурологические аспекты функционирования аббревиатур в политическом дискурсе. Автореф. дисс. на соискание уч. степ. канд. филол. наук. - Челябинск, 2007.

ОСОБЕННОСТИ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА СТУДЕНТАМ МЕДИЦИНСКОГО КОЛЛЕДЖА, ОБУЧАЮЩИМСЯ НА КАЗАХСКОМ ЯЗЫКЕ

Джусупов Умирбек Сейдалиевич

ст. преп. медицинского колледжа, г.Кентау, Казахстан

E-mail: akissayeva@mail.ru

Коренные изменения в жизни нашего общества затронули все сферы его деятельности, в том числе и народное образование. Особенно значительными оказались перемены, происшедшие в национальных школах различных регионов, где претерпел существенные изменения процесс преподавания всех учебных предметов, в первую очередь - русского языка и литературы. Языковая ситуация, сложившаяся в большинстве республик бывшего СССР, усиление внимания к преподаванию родного языка привели к значительному уменьшению количества часов, отводимых на изучение русского языка и литературы. В связи с этим актуальными стали вопросы разработки новых программ по русскому языку и литературе, основанных на принципах взаимосвязанного изучения этих дисциплин.

К особенностям преподавания русского языка студентам медицинского колледжа, обучающимся на казахском языке, можно отнести такие моменты, как необходимость интеграций основных медицинских терминов, элементов этнопедагогики, инновационных методов обучения. Наиболее эффективно проходят занятия, проводимые в виде конференций, бесед, круглых столов, дебатов, проблемных ситуаций, где особое внимание уделяется

самостоятельному изучению студентами дополнительной информации. В качестве примера можно рассмотреть опыт проведения одного из занятий на 1 курсе медицинского колледжа для студентов, обучающихся на базе 9 класса.

Темы: 1. Путешествие.. 2. Обособленные определения

Тип занятия: комбинированный интегрированный урок, урок–путешествие, урок–соревнование.

Цели урока: *учебная:* научить студентов–медиков грамотно произносить медицинские термины, выражать свою мысль последовательно; *воспитательная:* воспитать чувство уважения к русскому языку и гордости за владение им, чувство ответственности, терпимости, чувство преданности Родине; *развивающая:* способствовать развитию у студентов памяти, логического мышления, навыков точного и четкого ответа на вопросы.

Оснащение занятия: Таблицы, картинки, планшеты, дидактические материалы, административная карта Казахстана, портреты президента Республики Казахстан Н.А. Назарбаева, поэта и художника Т.С. Шевченко, его картины, открытки с видами Москвы и т.д.

Опрос по домашнему заданию. Вводные слова. Раздаются тесты: Что выражают вводные слова? Какие значения имеют вводные слова? Назовите представителей любительского бокса. Обладателей медалей сиднейской олимпиады. Боксеров-профессионалов.

Ответ: Казахстан воспитал чемпионов олимпиады: Бекзата Саттарханова, Ермахана Ибраимова, Василия Жирова и других.

Письменное задание: Синтаксический разбор предложения (Студенты пишут мини-текст под диктовку преподавателя). *Медицина - это и наука, и искусство. Она требует, чтобы человек имел доброе сердце, ясный ум, высокую культуру и крепкие нервы.*

1 тема: Путешествия. Поездка в областной центр – Шымкент (200 км)

Постановка проблемной ситуации. Ребята, вы знаете, что по казахской пословице, чтобы сократить дальнюю дорогу, нужен хороший попутчик или собеседник. Представьте, что мы едем в Шымкент. За окном унылая картина выжженной степи, поездка кажется бесконечной. Давайте, ребята, сократим дорогу рассказами о тех местах, которые мы будем проезжать.

Ответы: Первая студентка рассказывает притчу о *каменной невесте*. Давным-давно у подножья гор Каратау жил один очень богатый Алтынбай. У этого бая была единственная дочь Айсулу, которую он сильно любил и исполнял все ее прихоти, так как

воспитывал ее один. Когда девочке исполнилось 15 лет, многие состоятельные люди приезжали свататься к дочери Алтынбая, но он всем отказывал, так как решил, что ради счастья дочери выдаст ее только с ее согласия. Через некоторое время Айсулу сама приходит к отцу и сообщает о своем возлюбленном, просит благословения. Обрадованный отец устраивает свадьбу, которая продолжается 40 дней. По окончании свадебного пиршества на 40 верблюдах Алтынбай отправляет дочь с приданым в путь. Устроив привал на вершине горы, Айсулу решила проверить и пересчитать то, что находится в сундуках с приданым. Оказалось, что все вещи были из золота, только посуда для любимой собачки была деревянной. Обидевшись на отца, недовольная дочь послала к нему гонца, чтобы и для собачки ее посуда была золотой. Рассерженный отец, узнав о жадности и неблагодарности дочери, проклял ее, воскликнув: «О недостойная и неблагодарная дочь, пусть превратится она в камень!» Так Айсулу и все ее вещи превратились в камень.

Назидание: нужно почитать и уважать стариков–родителей и быть им благодарными.

Рассказ второй студентки о реке *Сыр-Дарья*. «Сыр» по-русски «тайна», «Дарья» - «добродушие, щедрость души». В давние времена на берегу реки жили кочевники. Выпасали бесчисленные стада овец, делали яркий войлок, растили детей. У воинственного хана той земли была красавица жена. Ходили слухи, что правитель не принимал никаких решений, не посоветовавшись с ней. Однажды, отразив набег завоевателей, пленил хан группу воинов. Связанные пленники были оставлены на ночь на берегу реки, чтобы утром услышать свой приговор. Поздним вечером ханская жена со своими служанками вышла на берег реки вдохнуть ночную прохладу, услышать пение ночных птиц, поделиться дневными новостями. Разговорам не было конца. Разоткровенничалась ханская жена и рассказала подругам, что давно и горячо любит молодого джигита из соседнего кочевья, с которым повстречалась во время большого тоя, и что она неверна хану. Услышали эти слова ханские пленники, а наутро и говорят ей: «Ты хорошая, умная, добрая женщина, но ты допустила неосторожность и выдала свою тайну. Отпусти нас, или мы расскажем хану и всему народу о неверности ханской жены». Умная женщина подумала: «Разве будет народ уважать такого хана, который жену свою просмотрел?» - и отпустила пленников. С тех пор народ зовет реку Сыр-Дарьей, то есть «тайна добродушной женщины».

Рассказ третьей студентки о *Шаульdere*. В междуречье Арыси и Бугуни некогда жило оседлое племя казахов. Население этих мест,

особенно те, кто занимался земледелием в долине маловодной Бугуни, всегда страдало от недостатка воды для полива бахчевых, садовых и виноградных посадок. Однажды глашатай хана междуречья разносит по аулам весть о том, что правитель степей решил отдать свою единственную дочь красавицу Дур в жены тому, кто наполнит Бугунь водой Арыси и избавит казахов от недостатка влаги. За строительство арыка от Арыси до Бугуни берется молодой джигит Шамиль, полюбивший Дур за девичью красоту, ясный ум, чистое сердце. На любовь юноши Дур отвечала взаимностью, но переубедить отца, который решил судьбу дочери, она не могла. Шамиль вырыл канал за 40 дней, обеспечил людей водой, стал просить руки красавицы Дур. Отец дал согласие. Счастье было бесконечным. Они прожили долгую и счастливую жизнь. Благодарные люди именовали это место Шамиль-Дур, отсюда и название местечка, положившего начало современному поселку Шаульдер. Шаульдер - это нынешний районный центр Отрарского района, родина великого ученого Аль-Фараби.

Остановка. Аэропорт города Шымкент.

Вопрос: Что означает слово «Шымкент»?

Ответ. Слово Шымкент делится на два компонента. Шым – дерн (слой почвы с травой), кент - город.

Объяснение нового материала. Как продолжение темы о путешествиях я расскажу о следующей остановке - аэропорт Актау. Студентов ожидает воздушный лайнер Боинг-757. Командир корабля – единственная женщина-пилот в Казахстане - Тоты Амирова. Актау – областной центр Мангистауской области. Там находится военно-морская база страны. Актау – научно-культурный, промышленный центр, столица нефти и газа. Там установлен и действует единственный в мире атомный реактор, который опресняет морскую воду. Мангистауская область экспортирует свои промышленные товары в Германию, Китай, Россию, Турцию. Раньше Актау носил имя Тараса Григорьевича Шевченко, великого украинского поэта и художника. Царское правительство за вольнолюбивые стихотворения отправило поэта на десять лет в ссылку в далекий Казахстан. Многие картины и наброски, написанные в Новопетровске, были посвящены местной теме: «Байгуши под окном», «Казашка Катя», «Государственный кулак» и т.д. – они пробуждали сочувственное отношение к казахскому народу и возмущение национальной политикой царизма. Там установлен памятник великому поэту. В Казахстане проживают около полумиллиона украинцев, которые своим самоотверженным трудом приумножают экономическую мощь Республики Казахстан. Первый президент страны Н.А. Назарбаев

учился на Украине. Тренер Назарбаева Лев Рудольфович Ежевский пишет: «В 18 лет Назарбаев в Днепродзержинском училище стал мастером спорта по волейболу и по греко-римской борьбе».

Обособленные определения. Причастие – это особая форма глагола, которая имеет признаки глагола: вид (совершенный, несовершенный), и время (настоящее и прошедшее), имеет признаки прилагательного и отвечает на вопросы: какой? какая? какое? какие? В предложении причастие, как и прилагательное, выступает в роли согласованного определения. Причастие с зависимыми словами называется причастным оборотом. Если причастный оборот стоит после определяемого слова, то он с обеих сторон обособляется запятыми.

Например. Пистолетный выстрел, убивший Пушкина, разбудил душу Лермонтова. В этом предложении обособленным является определение, выраженное причастным оборотом (какой?) убивший Пушкина, выраженное действительным причастием прошедшего времени с помощью суффикса –вш- и поясняющим словом «Пушкина».

Наша следующая остановка: Москва. Аэропорт Внуково.

Вопросы:

1. Откуда пошло название «Россия»?
2. Что означает слов «Москва»?

Ответы: А) первоначально «Русией» называли дружину киевского князя, и лишь потом, где-то в конце XIV века, понятие «русские» распространилось на всех восточных славян. Слово «Россия» появилось как производное от слова «Русь», а в XVI веке стало официальным названием государства. Б) «Москва» на финно-угорской основе делится на два компонента: в языке коми «Моск» - значит «телка», «корова», «ва» - вода, река или мокрый. Москва – «топкая», «болотная», «мокрая». Иными словами, «коровья река», «река-кормилица». По другой версии: Москва-река – это «медвежья река».

Обобщающее слово преподавателя. Мне повезло. Я стал делегатом VI Всемирного фестиваля молодежи и студентов (1957 г., август) и Всесоюзного съезда работников народного образования (1988 г, декабрь). У Казахстана с Россией общая история. У нас была общая Родина – СССР, столицей этого государства был город – Москва. Общим девизом молодежи мира был: «Мир и дружба на Земле». В декабре 1988 года работники народного образования Казахстана делегировали меня в Москву на всесоюзный съезд учителей. Для меня эти дни считаются самыми незабываемыми. Были

организованы встречи с коллективами школ № 353 им. А.С. Пушкина и № 89 имени Героя Советского Союза Алии Молдагуловой, в которой действует музей Алии. Музей оформлен по четырнадцати темам. Один стенд посвящен воспитанникам кентауской школы-интерната № 2 Абдена Туражнова. Тогда мне поручили выступить от нашей делегации, и я исполнил песню Абая Кунанбаева «Ты зрачок глаз моих», сопровождая себя на домбре. Музею 891-й школы Перовского района Москвы были подарены домбра и национальные казахские костюмы для девушки и юноши. Такие имена, как Алия Молдагулова, Казбек Нуржанов - Герои Советского Союза, Хиуаз Доспанова - первая военная летчица, Роза Багланова - «великая оперная певица» РК, Бауыржан Момышулы – легендарный командир, главный герой романа Александра Бека «Волоколамское шоссе», Герой Советского Союза, - объединяют людей ради жизни и мира на земле и являются вечным примером для новых поколений.

Последняя остановка: Возвращение в город Кентау.

Вопрос: Сколько Героев Социалистического Труда воспитал город Кентау?

Ответ: 5. Нурмахан Камалов, Мырзахан Тажимбетов, Илья Жерносеков, Таттигуль Досжанова, Утебай Исабеков.

Вопрос: Кто из Героев Социалистического Труда прожил сто лет?

Ответ: Таттигуль Досжанова

Вопрос: Как называется лечение с помощью животных?

Ответ: анималотерапия

Вопрос: Какое отношение имеет лошадь к медицине?

Ответ: При лечении с помощью верховой езды улучшается кровоток, происходит очищение организма, усиливается мозговое кровообращение.

Подведение итогов работы студентов.

Таким образом, использование совокупности инновационных методов обучения позволяет в игровой форме не только освоить новые термины и понятия, но и для большинства студентов - преодолеть языковой барьер. Роль преподавателя при этом заключается в правильной организации занятия и психо-эмоционального настроения студентов.

КОМПОЗИЦИОННАЯ ЗНАЧИМОСТЬ ИНТЕРВАЛОВ СТРУКТУРЫ В ВОСПРИЯТИИ И ПОНИМАНИИ ТЕКСТА

Дорофеева Валерия Александровна

*к. фил. н, заведующая кафедрой естественных и гуманитарных
дисциплин Алтайского филиала АОУ ВПО «Ленинградский
государственный университет имени А.С. Пушкина» г. Барнаул
E-mail: dvaleria@mail.ru*

Понимание текста – это процесс осмысления того содержания, которое представлено в тексте посредством конкретных языковых знаков. Понимание – процесс многоуровневый. Так, выделяют четыре уровня понимания текста, на которых происходит последовательное проникновение в замысел сообщения: от поверхностного понимания текста, когда устанавливаются основные смысловые связи между элементами текста до осознания композиционной структуры целого и уяснения всех не только поверхностных, но и глубинных связей между словами и предложениями, то есть уровня целостной структуры.

Восприятие тесно связано с процессами текстопорождения и во многом опирается на аналогичные механизмы. Основной характеристикой восприятия является осмысленность, то есть в результате взаимодействия реципиента и речевого сообщения последнее либо понимается, либо предстает перед читателем как неосмысленное, непонятое. Понимание при этом является результатом восприятия текста. Психологическая модель восприятия текста, таким образом, представляет собой поэтапный синтез смыслового содержания текста на базе перцептивного анализа текста. В результате этого анализа происходит удержание в памяти образов отдельных лексических единиц, а затем выделение семантически значимых слов и синтез всех компонентов в единое целое. Одной из отличительных особенностей восприятия текста является расположение значимой информации в различных местах текста. Проведенные психологами опыты по восприятию и удержанию в памяти различных групп слов и целых текстов показывают, что лучше всего реципиенты удерживают в памяти начало и конец текста, начало и конец списков слов. Это позволило обозначить этот феномен человеческого восприятия как «эффект края», или закон первого и последнего места. Понимание, таким образом, можно определить как сложный речемыслительный механизм, в котором актуализируются два компонента: во-первых, структура и информация воспринимаемого текста, следствием чего является формулировка темы.

Мысль о том, что восприятие текста зависит от его структуры, не раз высказывалась в литературе (А.А. Леонтьев, Ю.А. Сорокин, В.П. Белянин, Г.Г. Москальчук и др.). Важно отметить, что в процессе понимания текста значимым является слово как базовая единица, роль которой определяется «совокупностью его проецирующей, анализирующей, синтезирующей, прогностической, двойственной медитативной, двойственной контролирующей и других функций слова» [2, с. 157]. Для нас принципиально важной является специфика области понимания информации в тексте, то есть изучение и выявление в объекте таких особенностей, которые способствуют либо, наоборот, затрудняют его восприятие. Гипотеза исследования опирается на полученные ранее результаты, а именно, мы полагаем, что интервал, который мы квалифицируем как область высокой концентрации единиц значимой информации, выполняет управляющую функцию при понимании. То есть существенными в этом процессе являются не только качественные признаки текста (собственно единицы темы), но и их количественная распределенность по всему тексту. Текст был обработан согласно методике позиционных срезов, разработанной Г.Г. Москальчук [4; 5].

В основу позиционного членения текста легли идеи «золотого сечения» как пропорции оптимальности, существующей в природе. Позиционная структура текста отражает процесс становления его целостности. Позиция при этом служит средством измерения внутритекстового времени и фиксации поступления отдельных событий для читателя. *Позиция* – это теоретически установленная точка, определяемая числовой пропорцией. Описание целого через систему позиций, обладающих функциональной спецификой, исследование функционирования текста в конкретных местах (позициях) дает возможность получить максимум информации о характере процесса формирования текста в конкретный момент времени. На основании распределения повторов как элементов симметрии в тексте был найден гармонический центр (обозначен в тексте жирным подчеркиванием), соответствующий пропорции «золотого сечения» и определяемый коэффициентом 0,618 от размера целого. Под *повтором* понимается неоднократное воспроизведение в тексте смысла, выраженного разными единицами системы языка.

Таким же образом были уточнены границы традиционных композиционных частей текста: начало – 0,382 от объема целого, зачин и конец – 0,146, был найден гармонический центр начала текста (в тексте обозначен подчеркиванием) – пропорция 0,236. Абсолютно слабые позиции (далее – АСП 1и АСП 2) располагаются на равном

расстоянии от ГЦ (в тексте обозначен двойным подчеркиванием) и определяются той же числовой пропорцией, что и ГЦн. Абсолютно слабые позиции (в тексте обозначены $\vee$ и $\wedge$) были выделены в структуре текста, исходя из падения частотности повторов в указанных точках, что позволило считать основной функцией данных позиций - делимитативную. Синхронное падение количества повторов на одинаковом расстоянии от ГЦ, таким образом, четко обозначило границы зоны середины текста.

Полученные позиции членят текст на пропорциональные отрезки - интервалы. Так, выделяются позиционные интервалы, обладающие объемом, производным от размера целого текста [5]:

Зачин	пред-ГЦн	пост-ГЦн	пред-ГЦ	пост-ГЦ	конец
0,146	0,09	0,146	0,236	0,236	0,146

С целью проверки гипотезы был проведен психолингвистический эксперимент, в котором приняли участие 105 испытуемых, получено 1506 реакций, включая заголовки, темы и значимые слова. Реципиентам предлагался целый текст без каких-либо искажений, заглавие и имя автора не указывалось. Приводилась следующая инструкция: «Определите, о чем предложенный текст, подберите заглавие». Установка предьявлялась в устной форме. С целью определить, какие слова помогают сформулировать тему текста и заглавие, в качестве задания следовало подчеркнуть наиболее значимые с этой точки зрения слова. Материалом для всей серии экспериментов послужило стихотворение А. Софронова «Колокольчик». Достоинства экспериментального материала состоят в том, что, во-первых, размер текста в пределах среднего объема текстов в выборке и является наиболее частотным размером исследуемых текстов. Во-вторых, для чистоты эксперимента важен также был тот факт, что текст не знаком читательской аудитории. Повторы выделены жирным шрифтом.

***В этом городе чинном Стокгольме,
В этом шумном чужом далеке, -
«Однозвучно гремит / колокольчик...»,
Да и на русском еще языке.***

*Будто видятся дали степные,
Льется песни душевной напев... $\vee$
И сидим **мы**, навеки **родные**,
Словно дети, сидим, присмирив.
...«Однозвучно гремит колокольчик...»-*

А как будто в стени тишина...

Ах ты, родина наша, Россия,

Сердцу милая ты сторона!

Ты греми, колокольчик печальный,

В путь-дорогу большую зови; ^

Где бы ни были в плаванье дальнем,

Мы твои, колокольчик, твои!

В тексте – 67 словоформ, предлоги не учитывались. Количество повторов в интервалах: зачин – 8, пред-ГЦн – 2, пост-ГЦн – 4, в пред-ГЦ – 6, пост-ГЦ – 9, конец – 5. Максимум повторов локализуется в пост-ГЦ, вторым по значимости выступает интервал зачина текста, в котором сосредоточены практически все элементы, которые затем рассеяны по тексту и повторяются в других интервалах структуры. В распределении повторов характерна тенденция равномерного роста, начиная от пред-ГЦн и включая пост-ГЦ. Плотность повторов в позиционных интервалах (то есть с учетом объема позиционного интервала): зачин – 0,8, пред-ГЦн – 0,4, пост-ГЦн – 0,5, пред-ГЦ – 0,313, пост-ГЦ – 0,5, конец – 0,4. Наиболее концентрированным является интервал зачина текста. Количество повторяющихся единиц в нем меньше, чем в пост-ГЦ, однако объем этого участка равен 0,146.

То есть размер области локализации повторов меньше, следовательно, концентрация их выше. Кроме того, зона ГЦн также является областью повышенной концентрации повторов, именно здесь добавляются элементы, которые затем воспроизводятся тождественно или варьируемо по тексту. После интервала пост-ГЦн новых antecedentов не вводится, в тексте повторяются элементы зачина и зоны ГЦн. Тенденции плотности элементов симметрии и асимметрии отражают четкую структуру текста. Характерна трехчастность построения стихотворения: зона начала (от зачина до пост-ГЦн), середина и конец. Именно специфика распределения повторяющихся и неповторяющихся единиц позиционно точно делит текст на композиционные зоны. Тема родины неявно возникает в первой строфе за счет противопоставления чужое далека – русский язык. Далее во второй части эта тема получает свою конкретизацию – это уже не просто тема родины, но и чувство тоски, ностальгии. В третьей строфе можно выделить тему любви к родине, вербализуемую в строках: Ах ты, родина наша, Россия / Сердцу милая ты сторона! В четвертой строфе образ родины не дан напрямую, он уже тесно связан с образом колокольчика. Здесь возникает тема преданности родине.

Согласно результатам эксперимента в каждой стихотворной строке были обозначены те или иные слова-стимулы для реакций. Рассмотрим опорные слова по строфам. В первой строфе ключевыми словами, с точки зрения информантов, являются Стокгольм, чужое, далека, однозвучно, гремит, колокольчик, на русском, языке. Указанные лексические единицы являются повторами, выделенными нами на этапе предварительного анализа, кроме словоформы языке, которую мы рассматриваем вместе со словом русском. Всего выделено восемь опорных слов. Во второй строфе испытуемые в качестве слов-стимулов отметили следующие: видятся, дали, степные, льется, песни, душевной, напев, родные, навеки, дети. Соотношение повторов и опорных слов 1:1, то есть пять тематических повторов, которые мы обозначили в результате анализа текста, и пять слов, выбранных информантами в качестве ключевых. Таким образом, во второй строфе десять ключевых слов.

Что касается третьей строфы экспериментального текста, то были получены следующие значимые слова: однозвучно, гремит, колокольчик, в степи, тишина, родина, наша, Россия, сердцу, милая, ты, сторона. Большую часть из всех указанных слов составляют повторы, всего выделено двенадцать слов, из них десять лексических единиц являются тематическими повторами. В четвертой строфе соотношение повторов и опорных слов таково: семь тематических повторов и четыре индивидуальных слова стимула, всего в последней строфе выделено одиннадцать опорных слов: ты, греми, колокольчик, печальный, в путь-дорогу, зови, в плаванье, дальнем, мы, твои.

Таким образом, получены следующие показатели распределения всех опорных слов по строфам текста: 8 – 10 – 13 – 12. В каждой строфе в среднем локализуется 10,75 слов-стимулов при среднем размере строфы 16,75 словоформы (количество слов в строфе соответственно (16 – 17 – 17 – 17)). Можно заметить, что симметрия проявляется и в композиционном строении текста (равнообъемность строф), и в определении слов в качестве ключевых в той или иной строфе (количественное равенство слов-стимулов). Кроме того, соотношение повторов из общего набора опорных слов-стимулов таково: 8 – 6 – 11 – 8. Меньше всего повторов во второй строфе, где, как мы отмечали на этапе предварительного анализа текста, переданы чувства и эмоции лирического героя, связанные с воспоминанием о родине, эта строфа является как бы промежуточной ступенью в классической трехчастной композиции текста: начало – середина – конец. Равное количество тематических повторов в первой и в последней строфах текста позволяют рассматривать это как

проявление объемной симметрии текста, которая является мощным композиционным приемом, маркирующим зоны начала и конца и выделяющим середину текста, его кульминацию. При этом наиболее частотное в реакциях информантов слово колокольчик находится в первой, третьей и четвертой строфах.

Для определения места в тексте, на которое было получено максимальное количество реакций, суммируем показатели частотности каждого слова-стимула. Первая строфа – 204 реакции, вторая строфа – 168, третья строфа – 479 реакций, четвертая строфа – 180 реакций. Таким образом, очевидно, что наиболее значимой в понимании экспериментального текста выступает третья строфа. Однако позиционная структура текста вскрывает более тонкие распределения опорных слов текста. Проследим далее распределение опорных слов-стимулов по позиционным интервалам структуры текста. Для этого также суммируем количество реакций на слово в пределах границ интервала. Итак, зачин – 108 реакций, пред-ГЦн – 72 реакции, пост-ГЦн – 98 реакций, пред-ГЦ – 148 реакций, пост-ГЦ – 473 реакции, конец – 130 реакций.

Наибольшее количество значимых для понимания текста слов локализуется в интервале пост-ГЦ. Довольно равномерное распределение в трех начальных интервалах текста, тенденция выравнивания количества слов-стимулов наблюдается в пред-ГЦ и интервале конца текста. Рассмотрим, какие лексические единицы расположены в каждом позиционном интервале. В зачине экспериментального текста размещается пять опорных слов, в пред-ГЦн – два слова-стимула: колокольчик – одна из главных ключевых единиц экспериментального текста и словоформа руском. В интервале пост-ГЦн локализуется семь опорных слов, из которых четыре повтора (дали, степные, песни, напев) и три опорных слова, выделенных реципиентами: видятся, льется, душевной. В пред-ГЦ семь слов выделены в качестве опорных при понимании текста, среди них пять повторов (родные, однозвучно, гремит, колокольчик, в степи), а также два слова-стимула, которые испытуемые выделили в качестве опорных (навечи, дети). В пост-ГЦ расположено четырнадцать слов, признанных реципиентами ключевыми, среди них наиболее частотные лексические единицы: родина, Россия, сторона, колокольчик. В интервале конца текста шесть слов-стимулов, пять из которых повторы. Очевидно, что именно в интервале пост-ГЦ локализуются максимум лексических единиц, которые способствуют восприятию текста, обеспечивая его понимание. Указанный интервал занимает часть третьей и четвертой строф.

Сопоставление результатов теоретического прогноза и результатов, полученных при анализе эксперимента, показывает, что тот позиционный интервал, который выступает областью максимальной концентрации элементов симметрии, инициирует процесс восприятия и понимания текста. Именно в этом интервале концентрируются те лексические единицы, которые способствуют осмыслению текста, причем из четырнадцати слов-стимулов для испытуемых восемь слов являются тематическими повторами. При определении темы текста идет ориентация на наиболее частотные, а, следовательно, на более значимые лексические единицы: родина, Россия, сторона, колокольчик. Синхронное соотнесение заглавия, темы и слов-стимулов показывает, что информанты опираются на наиболее частотные слова, слова-стимулы реализуются в самих формулировках тем и заглавий. Если в качестве темы текста указывается, что этот текст о родине, любви к родине, ностальгии и т.п., то заглавием служат такие номинации, как Родина, Россия, Колокольчик, Однозвучно гремит колокольчик, Милая Страна.

Таким образом, в результате проведенного эксперимента установлено, что, во-первых, при определении темы текста и заглавия реципиенты ориентируются в большей степени на те единицы текста, которые мы считаем повторами. Во-вторых, управляющим параметром восприятия является различная концентрация этих единиц в тексте. В-третьих, позиционная структура текста выступает синхронизатором количественного распределения повторяющихся единиц и восприятия их неслучайной последовательности и локализации. Итак, теоретический прогноз о том, что максимальное количество повторов, т.е. область высокой концентрации элементов темы, является наиболее значимой при восприятии и понимании текста, в результате проведенного эксперимента подтвердился.

Список литературы:

1. Белянин В.П. Психолингвистические аспекты художественного текста. - М.: МГУ, 1988. - 120 с.
2. Залевская А.А. Текст и его понимание. Монография. - Тверь, Изд-во Твер. гос. ун-т, 2001. - 177 с.
3. Леонтьев А.А. Восприятие текста как психологический процесс // Психолингвистическая и лингвистическая природа текста и особенности его восприятия. - Киев: Вища школа, 1979. - С. 18 – 29.

4. Москальчук Г.Г. Фразовый повтор в диалектной речи: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - М.: Изд-во Иркут. политех. ин-та, 1990. - 16 с.
5. Москальчук Г.Г. Структурная организация и самоорганизация текста. - Барнаул, 1998. - 240 с.
6. Сорокин Ю.А. Психолингвистические аспекты изучения текста. - М.: Наука, 1985. - 168 с.

КОММУНИКАТИВНАЯ ОШИБКА КАК НАРУШЕНИЕ ФОРМУЛЬНОЙ МОДЕЛИ ПОВЕДЕНИЯ

Епихина Елизавета Михайловна

ассистент ВГПУ, г. Волгоград

E-mail: elisaveta_e@inbox.ru

Рассматривая коммуникативную ошибку как нарушение, возникающее у участников коммуникации и ухудшающее восприятие и понимание речи или отдельных высказываний друг друга, а также как неблагоприятный фактор, созданный одним из коммуникантов и ведущий к коммуникативной неудаче, лингвисты наиболее часто приводят в качестве примеров языковые ошибки. Тем не менее, как показывает практика, не всегда отсутствие понимания между отправителем и получателем речи обусловлено исключительно наличием системных, нормативных или ситуативных языковых ошибок. Зачастую негативным фактором в процессе коммуникации выступают ошибки поведенческие. В данной статье мы предлагаем рассмотреть коммуникативную ошибку в качестве нарушения формульных моделей поведения, в том числе свода правил, регулирующего наш образ действия в соответствии с социальными требованиями – этикета – на примере поведенческой культуры Великобритании.

Формульные модели поведения как составная часть жизни внешней и внутренней культуры общества, а также как фактор, формирующий коммуникативно-деятельностные ценности, знания, установки и поведенческие реакции [2, с. 166], находят отражение в работах по лингвокультурологии и когнитивной лингвистике таких исследователей, как В.И. Карасик, Г.Г. Слышкин, С.Г. Воркачев, В.З. Демьянков.

Известно, что этикет как основной свод моделей образа действия представляет собой исторически сложившуюся систему правил социального поведения, принятых в традиционных для данного этноса ситуациях общения. Учитывая настоящий факт, можно сделать вывод, что лишь соблюдая определённый порядок действий, а также придерживаясь существующего способа организации допустимого и недопустимого, индивид принимает сложившуюся систему ценностей, и соответственно, может признать себя членом данного общества.

На протяжении тысячелетий в мире формировались, обогащались и трансформировались различные параллельно существующие культуры, диалог и успешное взаимодействие которых и веками ранее, и на данный момент имеет глубокие практические корни. Носители различных культур постоянно включаются в социальные и экономические связи, что превращает межкультурную коммуникацию в ежедневное и естественное явление. Данный вопрос изучался в классических трудах В. Фон Гумбольдта, А.А. Потебни, А.Н. Веселовского, К. Леви-Стросса, Ю.М. Лотмана, основной акцент в которых делался на выявлении элементов культуры, участвующих во взаимодействии, определении формы и методов межкультурного диалога. Однако в современных исследованиях помимо самого процесса межкультурной коммуникации все более детально рассматриваются различные виды вербальных и невербальных помех и предлагаются пути их преодоления. Такие исследователи, как Л.С. Выготский, В.С. Библер, М.С. Каган, Л.Г. Ионин, Л.Н. Гумилева, О.А. Леонтович обращаются непосредственно к сложностям межкультурного взаимодействия.

Действительно, порой даже весьма образованный зрелый представитель той или иной культуры не в полной мере владеет всеми тонкостями ожиданий социального поведения, коими являются этикетные нормы его родного общества. В такой ситуации хотя и нежелательным, но, тем не менее, абсолютно естественным и закономерным является нарушение установленной системы правил поведенческой культуры другой страны.

Этикет является наиважнейшей частью культуры любой страны, но говоря о Западной Европе, первой ассоциацией при упоминании этикета возникает Великобритания, поскольку именно эта страна известна своим стремлением к безупречности во всех сферах существования и функционирования человека в обществе. Известно, что влияние этикета на частную жизнь англоязычного индивида весьма велико, поскольку именно в Великобритании культивируется сложная, разветвленная система этикетных норм и установок,

касающихся самых мелких деталей как личной, так и социальной жизни человека.

Как отмечает О.Н. Короткова, этикет как условный ритуал представляет собой общепринятую систему определённых правил учтивости, которые регламентируют особенности взаимоотношений между представителями различных слоёв населения и социальных групп в соответствии с их общественным статусом [3, с. 251]. Во многочисленных работах, посвященных истории возникновения и становления английского этикета, отмечается, что несмотря на то, что правила поведения третьего сословия всегда отличались от правил аристократии, именно в XIX веке средний класс становится определяющим в обществе и, несмотря на отказ от аристократических церемоний, создает собственные, во многом не менее жесткие, представления о хороших манерах. Несмотря на то, что некоторые аспекты этикета той эпохи во многом потеряли актуальность, в частности акцентуация религиозного благочестия, доведенного до показного пиетизма (ежедневные семейные молитвы перед принятием пищи и перед сном, табуирование упоминания многих частей человеческого тела, упоминание о беременности, рождении ребенка, некоторых предметах туалета), самому основному стремлению XIX века – стремлению к респектабельности – англичане остаются верны по сей день.

Как и более двухсот лет назад, богатство и знатность происхождения для англичанина хоть и остаются важными, но не являются определяющими положение в обществе факторами. Для того, что бы его добиться, необходимо соответствовать некоему поведенческому стереотипу: респектабельность в данном случае достигается за счет собственного трудолюбия и добропорядочного поведения, а также его наглядной иллюстрации.

Говоря об этикете как таковом, в работах различных исследователей данной проблемы встречается отражение норм поведения в качестве системы негативных и позитивных стратегий вежливости. Негативная вежливость состоит в том, чтобы свобода партнера ни в чем не была ограничена, позитивная же вежливость представляет собой выражение единства и солидарности с партнером. Данный взгляд на проблему раскрывается в работах П. Браун и С. Левинсона [5, с. 129], рассматривающих вежливость как сохранение «лица», то есть социального имиджа индивида. Традиционно англоязычное общение рассматривается как основанное на стратегии негативной вежливости. Весьма яркой иллюстрацией данного явления можно считать тот факт, что для истинного джентльмена

непозволительным считается заплатить за даму, с которой он недостаточно долго знаком, поскольку это может поставить ее в положение обязанной своему спутнику. Соответственно, не имея представления о данном правиле, русский мужчина, стремясь произвести впечатление на представительницу данной культуры своей щедростью и вниманием, имеет все шансы поставить как себя, так и ее в неловкое положение. Подобную тенденцию применительно к английскому коммуникативному этностилю также отмечает Т.В. Ларина, прибегая к термину «коммуникативная неимпозитивность», который обозначает соблюдение дистанции и коммуникативной неприкосновенности, недопустимости прямого воздействия на адресата либо сведения его до минимума [1, с. 252].

Одной из самых распространенных коммуникативных ошибок, особенно в условиях диалога с культурой Великобритании, является любое нарушение дистанции между коммуникантами в условиях, где эта дистанция необходима или же желательна как минимум для одного из участников. В целом, можно отметить, что вопрос дистанцирования как физического, так и поведенческого, представляет особый интерес применительно к британскому этикету в целом.

Физическая дистанция между коммуникантами, согласно классификации Э. Холла, подразделяется на четыре уровня близости: интимная (до 0,5 м) – данная зона используется при общении между близкими людьми, она часто эмоционально заряжена – коммуниканты могут выражать любовь, сексуальную заинтересованность, утешение или защиту; персональная дистанция (от 0,5 до 1,2 м) возможна между друзьями или приятелями, участвующими в неформальном общении; социальная дистанция (от 1,2 до 3,5 м) характерна как для знакомых, так и для незнакомых людей, участвующих в деловой беседе; публичная дистанция (от 3,5 м и далее) обусловлена односторонним общением говорящего с аудиторией (к примеру, лектора на занятии). Отклонение от ситуативно- и социально обусловленных норм, установленных в обществе относительно расстояния между собеседниками может привести к взаимному недопониманию. К примеру, нарушая интимную или персональную дистанцию и разговаривая с другом на слишком значительном расстоянии, говорящий рискует создать впечатление отчужденности или неприязни к собеседнику, в то время как напротив, сокращая социальную дистанцию, коммуникант может сформировать о себе впечатление как о вульгарном, невоспитанном человеке и даже получить обвинение в сексуальном харрасменте, особенно если нарушившим дистанцию был начальник, общавшийся с подчиненным

противоположного пола. Учитывая национальную культуру русского народа, необходимо уделять этой проблеме особое внимание, поскольку русские располагаются к собеседнику ближе, чем англичане. Распространенной коммуникативной ошибкой со стороны говорящего в условиях публичной дистанции является отсутствие учета обстоятельств протекания одностороннего общения – находясь на значительном отдалении, согласно английскому этикету, отправитель речи обязан побеспокоиться о том, чтобы повысить голос, не переходя при этом на крик, а также обратить особое внимание на четкость своего произношения и стилизацию жестов.

К вопросу дистанции напрямую относится проблема хептики или поведения по части физического контакта, как определяет ее В.К. Харченко [4, с. 156]. Известен опыт, проведенный несколько лет назад и заключающийся в наблюдении за поведением собеседников, общавшихся за одним столиком в ресторане. По результатам опыта, в течение вечера пуэрториканцы в среднем касались друг друга 180 раз в час, французы – 110, англичане – ни разу.

Поскольку этикет фактически состоит из формульных моделей поведения (приветствия, прощания, просьбы, комплимента и т.д.), то нарушая правила этикета, мы ломаем ту или иную модель. В данном случае возникает вопрос интерпретации того или иного сбоя в формуле общения. Чаще всего в такой ситуации мы имеем дело с двумя вариантами – либо с попыткой изменения социальных взаимоотношений (но в данном случае сбой требует особого рассмотрения в связи с возможной намеренностью действия, а следовательно, отсутствием ошибки как таковой), либо с принадлежностью отправителя речи к другой поведенческой культуре. Второй вариант, разумеется, представляется наиболее частотным, поскольку продиктован самой реальностью и ее условиями. Миллионы людей до сих пор совершают классическую ошибку, реагируя на стандартную универсальную форму приветствия «How do you do?» как на вопрос о положении дел, или же не акцентируют свое внимание на правиле так называемых «долгих прощаний», подразумевающим многократное выражение благодарности гостем принимающей стороне, выражение нежелания покидать гостеприимный дом, а также множество других специфических нюансов. Также распространенным нарушением является подобная ситуация:

- This is Mary, my wife.
- Hello. It's rather cool here, I'll close the window.

Как видно из данного диалога, собеседник не представился, а отвлекся на посторонний вопрос, что является недопустимым в поведенческой культуре Великобритании.

Подводя итоги, отметим, что коммуникативная ошибка может рассматриваться не только в качестве ошибки языковой, но и в качестве нарушения формульных моделей поведения, что чаще всего служит признаком принадлежности говорящего к иной поведенческой культуре, а также может как приводить к коммуникативной неудаче, так и не являться достаточной причиной для её возникновения.

Список литературы:

- 1 Ларина Т.В. Английский стиль фатической коммуникации // Жанры речи. Саратов, Колледж, 2005. Вып. 4. – С. 251-262.
- 2 Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс: монография / В.И.Карасик; ВГПУ. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
- 3 Короткова О.Н. Современный этикет общения [Электронный ресурс] – Режим доступа: // <http://www.philol.msu.ru/~rki/Etiquette/4toetiket.html>
- 4 Харченко В.К. О языке, достойном человека: Учеб. пособие – М.: Флинта: Наука, 2010. – 160 с.
- 5 Brown P., Levinson S. Politeness: Some universals in language usage – Cambridge University Press, 1987. – 345 с.

ПОСЛОВИЧНАЯ КАРТИНА МИРА В ДИАЛОГЕ КУЛЬТУР (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И ЧЕШСКОГО ЯЗЫКОВ)

Кириллова Ирина Викторовна

аспирант кафедры русского языка НГПУ, г. Нижний Новгород

E-mail: irin-kurov@yandex.ru

Проблема взаимосвязи языка и культуры в современной отечественной лингвистике давно вышла на первый план. В фокус внимания исследователей, работающих в лингвокультурологическом направлении, попадают различные концепты, под которыми понимаются базовые ментальные единицы, обязательно этнически значимые для данного языкового коллектива.

Исследование концептов в последнее время проводится на самом разнообразном материале. Весьма результативным является

применение концептуального анализа для реконструкции пословичной картины мира разных языков. Пословичная картина мира, отражая менталитет народа, представляет собой особую когнитивную структуру, результат познания мира определенным социумом. Вслед за Е.В. Ивановой, под пословичным концептом мы будем понимать «всё знание об объекте, которое можно получить на основе анализа содержательного плана пословиц» [3, с. 109].

Выбранные для анализа русские и чешские концепты «ум» / «rozum» и «глупость» / «hloupost», входя в концептуальную оппозицию и характеризую интеллектуальные возможности человека в обоих языках, принадлежат к универсальным категориям, определяющим человеческое мышление.

В ходе сопоставительного концептуального анализа более 600 русских пословиц и поговорок, взятых из сборника В.И. Даля [2], нами было установлено, что в них базовыми лексемами-репрезентантами концептов «ум» / «глупость» являются лексемы *ум, умный / глупость, глупый, дурак*; концептов «rozum» / «hloupost» – лексемы *rozum, moudrý / hloupost, hloupý, hlupec, hlupák, blbec*, эксплицированных из сборников «Českých přísloví sbírka» Й. Добровского [7] и «Mudrosloví národu slovanského ve příslovích» Ф. Челаковского [6] (более 150 языковых репрезентаций концепта «rozum» и 80 репрезентаций концепта «hloupost»). Как показывают количественные характеристики, в чешских пословицах и поговорках маркированными являются лексемы, репрезентирующие концепт «rozum», в русских паремиях, напротив, преобладают лексемы, репрезентирующие концепт «глупость», что свидетельствует именно об их особой значимости для каждого менталитета.

Субъектом глупости в русских и чешских пословицах и поговорках выступает человек, «наделенный» ею от своего рождения: *Кому бог ума не дал, тому кузнец не прикует. Дураков ни орут, ни сеют, а сами родятся. Hloupost nechodí po horách, ale po lidech. Kому Pán Bůh rozumu nedal, kovár neukuje. Děravého mechu nenadmeš a hlupce nepoučíš. Darmo blázna učití a mrtvého léčití. Kdo od přirození hloupý, v apatice rozumu nekoupí.* Но, в отличие от ума, глупость в русских и чешских пословицах продолжает оставаться постоянным качеством человека, до конца его дней: *Летами ушел, а умом не дошел. С осину вырос, а ума не вынес. Под носом взошло, а в голове и не посеяно. Нос с локоть, а ума с ноготь. Brada nečiní mudrce.* Очевидно, поэтому четко подчеркивается бесполезность учения дурака: *Дурака учить – что мертвого лечить. Неразумного учить – в бездонную кадку воду лить. Дурака учить – решетом воду носить. Учить дураков – не*

жалеть кулаков. С дураком говорить – стену молотить. Kdo v třicátém roce bez rozumu, a v čtyřicátém nebohat, tomu nelze čeho se dočekat. Kdo od přirození hloupý, v Paříži rozumu nekoupí. Однако в чешских пословицах опыт может изменить интеллектуальные возможности человека с течением времени: *Co rozum nedává, čas přináší. Rozum z lety roste. Čas a příhoda rozumu škola.*

Если ум, как в русских, так и в чешских паремиях имеет свою материальную локализацию в голове (речь идет об области лба и висков: *Голова без ума что фонарь без свечи. Ум не в бороде, а в голове. Co hlava, to rozum. Kolik hlav, tolik rozumu. Paměť bydlí v těle, rozum v hlavě, a žádost v srdci. Vlastní rozum král v hlavě.*), то глупость – это, скорее всего, свойство человека, выражаемое в паремиях, как правило, через описание большой по размеру головы или ее сравнения с деревянными предметами: *Голова, что чан, а ума ни на капустный кочан. Голова с пивной котел, а ума ни ложки. Голова с лукошко, а мозгу ни крошки. Hlava bez rozumu pivní kotel. Hloupý jako pařez* ('пень').

Если глупость в русской и чешской паремиологии оценивается в большинстве случаев крайне негативно (*Лучше с умным в аду, чем с глупым в раю. Nejhorší je srážka s blbcem*), причем подчеркивается заразительность глупостью (*Дурак, кто с дураком свяжется. Kdo se spolčil s bláznem, rozpolčil se s rozumem.*), то, напротив, аксиологическое значение ума в паремиях несомненно: *С умным браниться — ума набраться, с дураком мириться — свой растерять. Где ум, там и толк. Drž se rozumu, a projdeš celý svět. Oko hledí daleko, a mysl ještě dále. Na moudrých lídech svět stojí, a na bláznech tma.*

Следует отметить, что в русских пословицах подчеркивается, что ум должен быть своевременен (*Пускай ум наперед: отстанет, не догонит. Задним умом дела не поправишь*), а в чешских противопоставляется счастью: *Máš více štěstí než rozumu*; хитрости: *Vtipi třeba časem, ale rozumu vždycky*; догадке: *Důmysl lepší než rozum*, красоте: *Rozum Bůh s krásou nespolečil. Škoda krásy, kde rozumu není*, силе: *Raděj rozumem než sochorem*. Кроме того, в чешских пословицах данный Богом ум противопоставляется приобретенному в процессе обучения: *Lepší s náprstek rozumu přirozeného, nežli džber přiučeného.*

Концепт «глупость» выражается в русских и чешских поговорках и через средства образности: *из голубятни голуби улетели, башка из табачного горшка, чердак без верху* и т.д. Чаще всего – через сравнения: *глуп, как пун, хлуп, печка, пробка, дубина, пень, надолба, сибирский туес (бурак), пест пестом, попова курица, осел, индейский петух, осетровая башка, олух; hloupý jako bedna (kytu)* ('ящик'), *dřevo*

(‘дерево’), *dub* (‘дуб’), *pařez* (‘пень’), *nesku* (‘корыто’), *poleno* (‘полено’), *putna* (‘кадушка’), *prázdná nádoba* (‘пустая посуда’), *škopek* (‘лохань’), *špalek* (‘чурка’), *kláda* (‘бревно’), *trám* (‘брус’), *patník* (‘тумба’); *hloupý jako bulík* (‘сивый мерин’), *boží hovado* (‘божья скотина’), *osel* (‘осел’), *starý osel* (‘старый осел’), *ovce* (‘овца’), *tele* (‘теленок’), *beran* (‘баран’), *husa* (‘гусь’), *house* (‘гусенок’), *měsíční kotě* (‘месячный котенок’), *kráva* (‘корова’), *mladá vrána* (‘молодая ворона’). Четко прослеживаются параллели образа глупости с предметами, сделанными из дерева, или животными, которые представляются русскому и чешскому человеку глупыми. Отличительные от русского сравнения в чешском: 1) предметы: *hloupý jako bota/boty* (‘ботинок’), *bačkora* (‘шляпа’), *koruto* (‘копыто’), *dělo* (‘пушка’), *otep slámy* (‘вязанка соломы’); 2) еда: *hloupý jako jelito* (‘колбаса’), *bluma* (‘желтая слива’), *slíva* (‘слива’); 3) инструменты: *hloupý jako trakař* (‘тачка’), *motyka* (‘мотыга’), *smeták* (‘веник’) и др.

Отсутствие ума в русской языковой картине мира связывается, как правило, с отсутствием материальных благ: *Умная голова сто голов кормит, а худая и себя не прокормит. Был бы ум, будет и рубль, не будет ума, не будет и рубля. Без ума суму таскать, а с умом деньги считать.* В чешской паремииологии такое соответствие не такое частотное: *Bez rozumu kupčení z peněz se loupení. Podlé rozumu i tvá mošna bude. Dobrá hlava sto hlav krmí.*

В русской пословичной картине мира, как и в языковой картине мира в целом, представляется уместным в рамках концепта «глупость» выделение отдельно концепта «дурак». Многие исследователи, занимающиеся раскрытием феномена русского дурака [1; 4], подчеркивают, что дурак как будто живет в другом измерении, к нему не применимы общечеловеческие шаблоны. В паремиях также находим тому подтверждение: *Дурак времени не знает. Дурак божьих дней не разбирает. Над дураками нет старосты. С дурака взятки гладки. Дураку закон не писан. На дураке и бог не ищет.* Таким образом, дурак не тот, у кого недостает ума, а тот, кто воплощает собой отклонение от привычных норм поведения. Дуракам, как известно, и сам Бог помогает: *Дураку везде счастье. Умный сам по себе, а дураку бог на помощь. На дурака у бога милости много. Дурак — божий человек. Много ума — много греха, а на дурне не взыщут.* Может быть, поэтому дурак иногда оказывается умнее умного: *Дурак завяжет — и умный не развяжет. Один дурак, а умных пятерых ссорит. Дурак в воду камень закинет, десятеро умных не вытащат. И глупый умного одурачит. Не будь дураков на свете, не стало б и разума.* В чешских паремиях тоже находим подобные паремии: *Со*

mudrc mudroval, hloupý hrad opanoval. Není dobře vejce bláznů svěřiti. Co jeden hlupák zkazí, tisíc moudrých nenapraví. Co hloupý zaváže, moudrý nebrzo rozváže. Однако глупый человек представлен в подобных чешских пословицах чаще всего как сумасшедший (это показывает и самая лексема *blbec* ‘сумасшедший’, обычно заменяющая лексему *hloupý* ‘глупый’ в подобных поговорках): *Blbec má vždycky štěstí.*

На основе всего проанализированного пословично-поговорочного материала русского и чешского языков можно сделать следующие выводы. Во-первых, содержа в весьма лаконичной форме житейскую логику, моральные правила и нормы, поговорки обобщают народный опыт и представляют возможным лингвистам выявить отношение каждого этноса к миру в целом. Следовательно, паремиологическая картина мира как составная часть языковой картины мира является одним из значимых источников интерпретации концепта в плане реализации его национально-культурной специфики. Во-вторых, концепт «глупость» обнаруживает высокую степень лингвистической репрезентации в составе пословиц и поговорок русского народа, напротив, концепт «rozum» – чешского народа. В-третьих, являясь универсальным явлением в человеческой жизни, концепты «ум» / «глупость», однако, по-разному концептуализированы в русском и чешском языках. Так, концепт «глупость», реализуя в русской паремиологии семы ‘врожденное отклонение в развитии интеллекта’, ‘нежелание жить так, как все’, ‘нежелание преследовать материальную выгоду’ и др., четко противопоставлен концепту «ум», ядро которого конкретизируется в следующих семах: ‘интеллектуальная ценность, данная свыше при рождении’, ‘разумный образ жизни с точки зрения данного коллектива’, ‘залог достижения материальных благ’ и др. Чешский концепт «rozum» реализует в поговорках семы ‘регулятор, который, находясь в голове человека, управляет его действиями’, ‘фактор, определяющий судьбу человека’, ‘средство внутреннего совершенствования’, ‘данная свыше интеллектуальная способность’, ‘возможность реализовать себя как личность’ и др., в то время как концепт «hloupost» представлен через семы ‘отклонение в развитии интеллекта’, ‘сумасшедший’, ‘не знающий правил человеческого общежития, по-другому мыслящий’, ‘индикатор материального благосостояния человека’ и др.

Список литературы:

1. Березович Е.Л. Языковой образ дурака: этнолингвистический аспект // Язык культуры: семантика и грамматика: К 80-летию со дня рождения акад. Н.И. Толстого (1923-1996) / Е.Л. Березович. – М., 2004. – С 368-383.
2. Даль В.И. Пословицы и поговорки русского народа: В 2 тт. – М., 1984.
3. Иванова Е.В. Мир в английских и русских пословицах. Учебное пособие / Е.В. Иванова. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та; Филол. ф-т СПбГУ, 2006. – 280 с.
4. Никитина Л.Б. Образ дурака в русской культурной традиции (лингвокультурологический аспект) // Филолог. ежегодник. – Омск, 2005. – Вып. 5/6. – С 104-107.
5. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – М.: АСТ: Восток – Запад, 2007. – 314 с.
6. Čelakovský F.L. Mudrosloví národu slovanského ve příslovích. – Praha, 1949.
7. Dobrovský J. Českých přísloví sbírka. – Praha, 1963.

К ВОПРОСУ ОБ ИССЛЕДОВАНИИ КОНЦЕПТОСФЕРЫ ПРОСТРАНСТВА

Ковалева Елена Анатольевна

соискатель ВолГУ, г. Волгоград

E-mail: jelya13@yandex.ru

Концептосфера пространства активно началась разрабатываться в советском литературоведении и языкознании с 60-х годов (Б.А. Серебренников, М.М. Бахтин, Ю.М. Лотман). Именно накопленный этими учеными исследовательский материал и уникальный анализ послужил в дальнейшем для развития науки культурологии, более обобщенного по сравнению с предыдущими методами культурологического анализа, когда выявляются типические черты типа культуры в ряду других типов.

В 80-х годах Юрий Михайлович Лотман активно исследует понятия семиотического пространства и семиосферы. Семиосфера отождествляется с культурным пространством, только в ней возможно функционирование языка.

«Таким образом, любой отдельный язык, -замечает корифей тартуской лингвистической школы, - оказывается погруженным в некоторое семиотическое пространство, и только в силу взаимодействия с этим пространством он способен функционировать. Неразложимым работающим механизмом — единицей семиозиса — следует считать не отдельный язык, а все присущее данной культуре семиотическое пространство. Это пространство мы и определяем как *семиосферу*. Подобное наименование оправдано, поскольку, подобно биосфере, являющейся, с одной стороны, совокупностью и органическим единством живого вещества, по определению введшего это понятие академика В.И. Вернадского, а с другой стороны — условием продолжения существования жизни, *семиосфера* — и результат, и условие развития культуры» [3, с. 251]. Далее Ю.М. Лотман разрабатывает понятия границ, ядра и периферии семиотического пространства, его связи с архаикой и изменениями, то есть весь аппарат понятий, взятый сейчас, спустя десятилетия, за основу исследований в лингвокультурологии, как мощно развившегося направления.

Ю.М. Лотман говорит о символичности и семиотичности архитектурного пространства: «Архитектурное пространство живет двойной семиотической жизнью. С одной стороны, оно моделирует универсум: структура мира построенного и обжитого переносится на весь мир в целом. С другой, оно моделируется универсумом: мир, создаваемый человеком, воспроизводит его представление о глобальной структуре мира. С этим связан высокий символизм всего, что так или иначе относится к создаваемому человеком пространству его жилища» [3, с. 676].

Интересные наблюдения находим в заметках Юрия Михайловича по поводу сравнения различных архитектурных объектов в связи с архаикой: «Дом (жилой) и храм в определенном отношении противостоят друг другу как профаническое сакральному. Противопоставление их с точки зрения культурной функции очевидно и не требует дальнейших рассуждений. Существеннее отметить общность: семиотическая функция каждого из них ступенчата и нарастает по мере приближения к месту высшего ее проявления (семиотическому центру). Так, святость возрастает по мере движения от входа к алтарю. Соответственно градуально располагаются лица, допущенные в то или иное пространство, и действия, в нем совершаемые. Такая же градуальность свойственна и жилому помещению. Такие названия, как «красный» и «черный угол» в

крестьянской избе или «черная лестница» в жилом доме XVIII— XIX вв., наглядно об этом свидетельствуют» [3, с. 682-683].

Также Ю.М. Лотман пишет о культурно, и в том числе архитектурно, осваиваемом человеком пространстве — активном элементе человеческого сознания. Сознание, и индивидуальное и коллективное (культура), — пространственно. Оно развивается в пространстве и мыслит его категориями [3, с. 683].

О символизме восприятия архитектурных объектов, их антропоцентризме говорят такие сравнения: «Например, **вход** — символический разрыв границы, отделяющий «внутреннее» от «внешнего»; **окна** (эркеры, люкарны) — «глаза», впускающие солнечный свет в здание; **кровля** — завершение; стена — **преграда** и т. д.» [6, с. 88].

Более детальные интересные наблюдения по семиотике пространства в художественном тексте находим в работах М.М. Бахтина, С.В. Белова, В.Н. Турбина.

Так, М.М. Бахтин, выделяя символический смысл «лестницы» и «порога» в «Преступлении и наказании», пишет в связи с этим об особом осмыслении пространства и времени в романе: «*Верх, низ, лестница, порог, прихожая, площадка* получают значение «*точки*», где совершается *кризис*, радикальная смена, неожиданный перелом судьбы, где принимаются решения, переступают запретную черту, обновляются или гибнут <...>

Прежде всего, Раскольников живет, в сущности, на пороге: его узкая комната, «гроб» <...> выходит прямо на *площадку лестницы*, и дверь свою, даже уходя, он никогда не запирает (то есть это незамкнутое внутреннее пространство). В этом «гробу» нельзя жить биографической жизнью, - здесь можно только переживать кризис, принимать последние решения, умирать или возрождаться <...> Порог, прихожая, коридор, площадка, лестница, ступени ее, открытые на лестницу двери, а вне этого — город площади, улицы, фасады, кабаки, притоны, мосты, канавки. Вот пространство этого романа» [1, с. 228–230].

С.В. Белов в комментариях [2, с. 198] сравнивает фразу из романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» «...низкие потолки и тесные комнаты душу и ум теснят!» с фразой из романа «Униженные и оскорбленные»: «в тесной квартире даже и мыслить тесно». Это говорит о связи параметров жилища с психологией и мироощущением человека.

Турбин В. Н. исследует пространственную семиотическую цепочку *комната — двор (или сад) — улица — площадь — простор...*

В конце концов, - замечает исследователь, - каждое сколько-нибудь развернутое повествовательное произведение ведет своих героев по этим ступеням быта. Их пять, но вряд ли возможно исчислить их варианты. *Комната* – это и зал, и столовая, и гостиная, и спальня, и кабинет, и хижина, и келья монаха, и камера узника, и каюта на корабле. *Улица* может быть и проспектом, и кривым переулком, и тупиком. *Площадь* бывала и торжищем, и местом военных парадов, гуляний и казней. *Простор* – это степи, поля, леса, гладь океана и, наконец, в наши дни – космическое пространство, межзвездные дали.

Борьба литературных направлений, их смена, их полемика преломляются и в чем-то очень простом: в том, как изображается одежда героя или его жилище [5, с. 42-43].

В. Н. Турбин отмечает специфическое психологическое влияние пространственной среды на героев Гоголя: «Да не стели нам постель! Нам не нужно постель. Мы будем спать на дворе», - говорит Тарас Бульба жене: ему тесно в его светлице. И ни разу больше не увидим мы его в комнате: простор и только простор. Остапу было тесно в классах киевской академии. Бедняге Акакию Акакиевичу все же оказалось тесно в его каморке и в департаменте: потянуло на площадь, и там-то он, по сути дела, погиб [5, с. 44].

Исследователь приходит к выводу, что у героев Гоголя – властное желание стереть границы, отделяющие что-то от чего-то. Одно только окно у Гоголя имеет свою историю. <...> душа гоголевского героя втайне, явно ли ищет простора [5, с. 45]..

Черты социума, единого семиотического пространства передаются проживающим там индивидам, как нечто общее. Приведем семиотическую линию «город - его горожане». Издавна отмечались общие черты жителей конкретных городов. Это касается русской и других культур. Например, <...> как сказал А. С. Грибоедов, «на всех московских есть особый отпечаток», есть «особый отпечаток» [Цит. по: Марьина роща, с. 4].

Часто мы находим культурологическое сравнение двух столиц, Москвы и Петербурга:

Так, Н.В. Станкевич в 1834 году писал из Петербурга в Москву своему другу – поэту В.И. Красову: «Петербург не то, что Москва, - и наоборот. Все улицы вытянуты здесь в одну шеренгу, здания стройны, правильны, изящны: во всем вкус, богатство – но к этой красоте надобно привыкнуть или надобно изучить ее, а где найдется *Кремль другой*, который остановил на себе взор европейца и варвара, который бы повеселил душу своими золотыми головками? Где наша пестрая,

беспорядочная, раздольная Красная площадь, с своими бабами, извозчиками, каретами, с своим Лобным местом, кремлевскою стеною и чудачком Василием Блаженным? Нет! «Едва другая сыщется столица, как Москва!» <...> И художник Венецианов говорит, что Москва привлекательна, а Неверов приписывает Петербургу красоту классическую, более нормальную, Москве романтическую – и я с ним совершенно согласен» [Цит. по: Марьина роща, с. 20].

Пространственные наименования жилища связаны с сознанием определенного социума, функционируют по законам языка. Заметны этнокультурные различия в восприятии и фиксировании действительности. Так, мы наблюдаем детализацию денотатов в разных лексемах в немецком языке: *die Mauer* – стена (дома); *die Wand* – стена (в комнате). Различие зафиксировано на словарном уровне, а в русском языке номинация для этих понятий одна, различия обозначения проявляются в контексте.

Итак, современные многочисленные исследования по лингвокультурологии подтвердили плодотворность тезисов М. Ю. Лотмана, стоящего у ее истоков, о том, что архитектурное пространство символично и семиотично, оно — активный элемент человеческого сознания.

Исследования по семиотике пространства в художественном тексте в работах М.М. Бахтина, С.В. Белова, В.Н. Турбина говорят о связи параметров жилища с психологией и мироощущением человека, выявляют антропоцентризм архитектурных объектов.

Пространственная семиотическая цепочка *комната – двор* (или *сад*) – *улица – площадь – простор*... является универсальной, герои любого развернутого повествовательного произведения проходят по этим ступеням быта.

Черты социума, единого семиотического пространства являются общими для проживающих там индивидов, имеют определенные формы закрепления в языке различных культур.

Список литературы:

1. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. Изд. 2-е, перераб. и доп. [Текст] / М.М. Бахтин. - М., 1963.
2. Белов С.В. Роман Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание». Комментарий. Пособие для учителя [Текст] / С.В. Белов. - Л.: «Просвещение», 1979. – 240 с.
3. Лотман Ю.М. Семиосфера. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. Статьи. Исследования. Заметки (1968—1992) [Текст] / Лотман Ю.М. – СПб.: «Искусство—СПБ», 2000.

4. Марьина роща: Московская романтическая повесть [Текст] / сост., вступит. статья и примеч. Вл. Муравьева. – М.: Моск. рабочий, 1984. – 432 с.
5. Турбин В.Н. Герои Гоголя. Кн. для учащихся [Текст] / В.Н. Турбин. – М.: «Просвещение», 1983. – 128 с.
6. Янковская Ю.С. Семиотические механизмы архитектуры [Текст] / Ю.С. Янковская // Известия Уральского государственного университета. – 2004. – № 32. – С. 81-88.

НОМИНАЦИИ ЖИЛИЩА В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ РЕАЛЬНОСТИ НЕМЕЦКОЙ ПРОЗЫ. АРХЕТИПЫ ЖИЛИЩА У Э.М. РЕМАРКА

Ковалева Елена Анатольевна

соискатель ВолГУ, г. Волгоград

E-mail: jelya13@yandex.ru

Самый известный из учеников Фрейда, швейцарский психиатр Карл Густав Юнг ввел понятие «коллективного бессознательного», которое присуще всему человечеству. В таком «коллективном бессознательном» действуют особые мотивационные факторы, формы психики, образцы поведения названные Юнгом «архетипами» (то есть первичными образами), которые всегда существуют потенциально и имеют способность актуализироваться. Архетипы - универсальные символы, имеющие архаичную природу.

По Юнгу, "естественные" символы в отличие от символов "культурных". происходят из бессознательных содержаний психического и поэтому представляют громадное множество вариаций основных архетипических образов. С другой стороны, культурные символы - это, в сущности, те, которыми пользовались для выражения "вечных истин" и которые во многих религиях используются до сих пор. Эти символы прошли через множество преобразований, через процесс более или менее сознательного развития и таким образом стали коллективными образами, принятыми цивилизованными обществами [3].

Юнг описал такие фигуры, как «Тень», «Анима» (женское начало) и «старый мудрец», «архетипическое видение Золотого Века (или Рая), где в изобилии имеется все для каждого и где всем человечеством правит великий справедливый и мудрый вождь» и

другие [3]. Метод Юнга оказался продуктивным, был перенесен из психиатрии в филологические науки, где его взяли на вооружение целые школы исследователей.

В лингвистике архетип – некий конструкт, который получает специфическую реализацию в определенном дискурсе. Проследим особенности реализации архетипа жилища на примере романа Э.М. Ремарка «*Zeit zu leben und Zeit zu sterben*» (Время жить и время умирать).

В центре романов Э.М. Ремарка - тема человека на войне. Во многом тема произведения раскрывается через трансформацию таких базовых понятий для каждого человека, как дом, семья. Ужас героя Эрнста Гребера усугубляется тем, что приехав в отпуск в родной город с фронта, он из одного ада (на передовой) попадает в другой - уже на территории Германии, которая подвергается жестоким бомбежкам с воздуха. Мечтая уже по дороге с фронта попасть в домашнюю обстановку семьи, Гребер не находит, однако, ни дома, который разбомбили, ни родителей, которых он тщетно пытается найти по больницам и кладбищам.

Гуманистические идеи писателя нашли выражение в широком использовании метафоры жилища как художественном средстве.

Так, в романе находим расширение метафоры, раздумья от лестницы как предмета жилища переносятся на более широкий план:

«*Er hockte sich neben die Treppe. Jakobsleiter, dachte er. Was war das noch? War es nicht eine Treppe, die in den Himmel führte? und stiegen nicht Engel darauf auf und ab? Wo waren die Engel? Verwandelt in Flugzeuge. Wo war alles? Wo war Erde? War sie nur noch da für Gräber?*» [1, с. 78-79].

В романе Э.М. Ремарка мы выделили следующие архетипы жилища:

- Жилище как гавань, где вынуждены пребывать оказавшиеся без крова отпускники.

Об этом свидетельствует цитата: «*Stube achtundvierzig war nicht nur ein Hafen für verunglückte Urlauber; sie war auch das Revier für Leichtkranke*» [1, с. 104 -105] (Сорок восьмой номер был не только гаванью для потерпевших крушение отпускников, он служил также лазаретом для легко заболевших).

- Разрушенный родной дом как символ ушедшего безвозвратно, навсегда счастливого прошлого:

«*Das Früher war hinter ihm zusammengestürzt wie das Haus seiner Eltern <...>*» [1, с. 104] (Былое рухнуло позади, как дом его родителей).

Все перевернулось с ног на голову в жестокой реальности

войны. Привычные устои рушились, старые прописные моральные истины не подтверждались. Это видно из описания обстановки в квартире немцев: «Ein Wandschoner hing hinter dem Sofa. "Eigener Herd ist Goldes wert" war in Kreuzstich rot darauf gestickt [1, с. 87-88] (Над диваном висел коврик. "Свой очаг дороже денег" - было вышито на нем красным крестиком).

Надпись воспринимается иронически в обстановке войны, когда рушились традиционные устои быта, зафиксированные в немецких пословицах и поговорках.

В романе есть страницы, точно передающие ощущение пространства России глазами немецкого солдата, вторгшегося на ее территорию. Безграничность и бесконечность, чуждость, отличающие Россию от привычных ландшафтов Германии рождают в душе немцев страх и вину: «Alles war endlos wie das Land. ohne Grenzen und fremd. Fremd, außen und innen. Graeber fröstelte. Das war es. So war es mit ihm geworden» [1, с. 26]. (Все было бесконечно, как сама эта страна. Безграничная и чужая. Чужая снаружи и изнутри. Греберу стало холодно. Вот оно. Вот как повернулась жизнь).

Исчезновение домов после бомбежки как исчезновение символов уклада жизни, влияет на психологию личности, вызывает страх, разрушенные жилища рождают страшные образы:

«Unten blieb er stehen und sah sich um. Er kannte die Silhouette der Stadt nicht wieder. Überall waren Lücken wie in einem beschädigten Gebiß. Die grüne Kuppel des Doms fehlte. Die Katharinenkirche war eingestürzt. Die Dächerreihen rundum waren räudig und zerfressen, als hätten riesige vorweltliche Insekten einen Ameisenhaufen zerwühlt. In der Hakenstraße standen nur noch vereinzelte Häuser. Die Stadt sah nicht mehr aus wie die Heimat, die er erwartet hatte; sie sah aus, als läge sie in Rußland» [2, S. 80]. (Там он остановился, посмотрел вокруг и не узнал очертаний родного города. Всюду зияли провалы, точно это была челюсть с выбитыми зубами. Зеленый соборный купол исчез. Церковь святой Катарины лежала в развалинах. Ряды крыш точно были изъедены коростой и изгрызены; казалось, какие-то гигантские доисторические насекомые разворошили огромный муравейник. На Хакенштрассе уцелело всего несколько домов. Город уже ничем не напоминал той родины, к которой так рвался Гребер; скорее это было какое-то место в России).

Война не дает шансов сохранить мирный уклад жизни: завоеватели оказались в таком же положении, как те, на кого они напали.

-Жилища, улицы и площади выступают как хранители истории этноса в романе Ремакка: «Graeber blickte über den zerstörten Marktplatz.

Seit 1933 hieß er Hitlerplatz. Davor, nach dem verlorenen ersten Kriege, hatte er Ebertplatz geheißen; davor Kaiser-Wilhelm-Platz und davor Marktplatz». [2, S. 85]. (Гребер окинул взглядом разрушенную рыночную площадь. С 1933 года она называлась Гитлерплац. После проигранной первой войны - Эберплац. Перед тем - Кайзер-Вильгельмплац, а еще раньше – Марктплац).

Таким образом, проанализировав сюжетную линию романа Э.М. Ремарка «Zeit zu leben und Zeit zu sterben», мы выделили следующие основные толкования архетипа жилища:

1. Родной дом как символ отправного пункта в путешествии по жизни, в который всегда тянет вернуться.
2. Жилище как гавань для оставшихся без крова.
3. Символ разрушения дома как символ смерти.
4. Разрушенный родной дом как символ ушедшего безвозвратно, навсегда счастливого прошлого.
5. Жилище как мир, социальное устройство, некий анклав со своей жизнью.
6. Жилища, улицы и площади выступают как хранители истории этноса.

Здесь наблюдаем соотнесенность метафор с временными отрезками: отправной пункт – начало; гавань – временное пристанище; смерть – конечность; счастливое прошлое – предшествование; анклав, социальное устройство – настоящее; хранители истории этноса – прошлое в настоящем.

Проследив реализацию функций метафоры в художественном дискурсе на примере произведения Э.М. Ремарка, мы убедились, что метафора часто встречается на страницах романа. Это говорит о типизированности сознания в отношении универсалии бытия «жилище», которая, однако же, ярко и самобытно раскрывается в повествовании, благодаря таланту писателя. Очевидно, что наряду с сигнификативным понятием «жилище», отражающим его сущностные характеристики, присутствует коннотативное содержание, обуславливающее ассоциативное соотнесение предмета с закрепленным за ним предикативным (ассоциация по смежности) или квалифицирующим (ассоциация по сходству) признаком.

В метафоре, связанной с номинациями жилища, как и в любом другом тропе, на первый план выходит абстрактное знаково-символическое содержание, в то время, как предметно-ощутимые образы отходят на задний план, «завуалированы». В результате актуализации порождается новое, неявное, символическое значение, возникающее на пересечении двух явно выраженных значений.

Список литературы:

1. Ремарк Э. М. (Erich Maria Remarque) Время жить и время умирать. (Zeit zu leben und Zeit zu sterben). На нем яз. [Текст] / Э.М. Ремарк. - М.: Юпитер-Интер, 2004. – 356 с.
2. Remarque Zeit zu leben und Zeit zu sterben [Текст] / Remarque. – Gesamtherstellung Mohndruck Reinhard Mohn ONG, Gütersloh 1990/6. – 348 S.
3. Юнг К. Г. Архетип и символ. Пер. А.М. Руткевича / К.Г. Юнг. – М.: "Ренессанс" СП "ИВО-Сид", 1991 [электронный ресурс] – Режим доступа. - URL:
<http://www.psyinst.ru/library.php?part=article&id=34>

МНОГОНАЦИОНАЛЬНАЯ КАНАДА: ОПЫТ МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА

Кожемякина Валентина Алексеевна

к. фил.н., доцент, ст.н.с. Института языкознания РАН, г. Москва

E-mail: kojemiakina@gmail.com

Официально Канада стала первой европейской колонией в Северной Америке с момента её открытия в 1534 г. Жаком Картье и получила название Новая Франция [4, с. 14]. Индейское название этой местности «Канада» употреблялось на раннем этапе наравне с названием «Новая Франция». Следует отметить, что задолго до экспедиций Жака Картье и Самуэля де Шамплэна, создавшего первое постоянное поселение Квебек в 1608 г., европейские рыболовы плавали к восточным берегам Северной Америки начиная с X века [2]. В 1567 г. французский посланник Фуркево докладывал Екатерине Медичи: «Сто лет тому назад французские рыболовы, среди которых были баски, бретонцы и нормандцы, уже посещали богатые рыбой берега Северной Америки» [29, с. 6].

Более четырех столетий тому назад, с колониальных экспедиций, предпринимаемых Англией и Францией, началась вражда англофонов и франкофонов на территории Северной Америки. Отголоски этого соперничества проявляются в отношениях франкоязычного и англоязычного населения Канады и в настоящее время. Эти две группы являются основными группами населения Канады. В стране преобладает англоязычное население. Наибольшее количество франкоязычного населения сосредоточено в провинции

Квебек и в приморских провинциях: Новом Брунсвике, Новой Шотландии, на острове Принца Эдуарда и в Онтарио.

По переписи 1971 года 58,4% населения Канады составляли англоканадцы, 28,1% – франкоканадцы и 13,5% – представители коренных народов страны и европейские эмигранты.

По переписи 2006 г. насчитывалось 18 055 685 англофонов (для сравнения: в 2001 г. – 17 521 880 чел. и в 1996 г. – 17 072 435 чел.) и 6 892 230 франкофонов (в 2001 г. – 6 782 320 чел. и в 1996 г. – 6 711 630 чел.) [6].

Англофоны составляют основное население страны и хотя их количество продолжает увеличиваться, тем не менее, их число в процентном отношении уменьшается в общем населении страны: с 59,1% в 2001 г. до 57,8% в 2006 г. Тот же процесс наблюдается у франкофонного населения: в 2001 г. они составляли 22,9 % всего населения, а в 2006 г. – уже 22,1%. Уменьшение количества представителей двух государственных языков объясняется значительным увеличением иммигрантов, имеющих другой родной язык, так количество аллофонов (канадцев, родной язык которых не является английским или французским) выросло за последние годы, за период с 2001 г. по 2006 г. в Канаду прибыло около 1 110 000 новых жителей (что составляет 3,6% всего населения страны, равняющегося 31,2 миллиона), из которых четверо из пяти являлись аллофонами.

По переписи в 2006 г. в Канаде насчитывалось 6 293 110 аллофонов, в то время как в 2001 г. их было 5 334 845 чел. и в 1996 г. только 4 744 060 чел. Было выявлено, что 6 186 950 канадцев родились за границей, что составляет пятую часть населения (19,8%).

Во время переписи было зафиксировано 200 родных языков жителей страны. В их число входят языки иммиграции прежних поколений, такие как немецкий, итальянский, украинский, нидерландский, польский. Однако в период между 2001 и 2006 гг. значительно выросло количество выходцев из Азии и Среднего Востока, родными языками которых являются китайско–тибетские языки, панджаби, арабский, урду, тагальский и тамильский языки. Канадцы, родным языком которых являются китайско–тибетские языки, занимают третье место по численности после англофонов и франкофонов. В 2006 г. они составляли 3,3% всего населения страны, тогда как в 2001 г. их было 2,9%. Впервые больше миллиона человек, точнее 1 034 090 жителей Канады, заявили своим родным языком один из китайско-тибетских языков, т.е. их число увеличилось по сравнению с 2001 г. на 18,5% (в 2001 г. их численность была – 872 400 чел., а в 1971 г. – 95 915 чел.). Четвертое место по численности

занимают жители, родным языком которых является итальянский (476 905 чел., в 2001 г. – 493 985 чел. и в 1971 г. – 538 765 чел.), а пятое – немецкий (в 1971 г. носителей немецкого языка было 558 965 чел., в 2001 г. – 455 540 чел. и в 2006 г. – 466 650 чел.). На шестом месте находятся канадцы, чей родной язык – панджаби: в 2001 г. их численность равнялась 284 750 чел. и в 2006 г. – 382 585 чел., т.е. 1,2 % всего населения. Также увеличилось количество жителей с родными языками: испанским, арабским, тагальским, португальским, польским, урду. Перепись зафиксировала наибольший рост носителей языка урду: их количество выросло на 80% с 2001 г., так в 2001 г. их численность равнялась 86 810 чел., а в 2006 г. уже – 156 415 чел.

Как иммигранты, так и коренные жители, в своей профессиональной деятельности и бытовой жизни вынуждены переходить на общение на двух официальных языках Канады и вследствие этого многие автохтонные языки Канады находятся на грани вымирания.

Языковая ситуация коренных народов Канады исключительно сложна.

Конституция Канады признает три группы коренных народов:

1) индейцы (здесь их называют «Первыми нациями» или по самоназванию отдельных народов и племен). Термин «Первые нации» был введен в употребление в 1970 г., т.к. многие считали слово «индейцы» не политкорректным. Термином «Первые нации» подчеркивается тот факт, что североамериканские индейцы изначально жили на канадской земле и не имеют другой исторической родины;

2) метисы (потомки от браков французов и англичан с индейскими женщинами в период первоначального освоения Канады);

3) эскимосы-инуиты (эскимосов Канады принято называть по их самоназванию «инуитами»), заселяющие побережье и острова Ледовитого океана.

Но в действительности коренные народы Канады насчитывают четыре группы, т.к. индейцы подразделяются на статусных и нестатусных. Статусные индейцы (проживающие, в основном, в общинах, большая часть которых находится в резервациях) по федеральным и местным законам освобождены от налогов, обеспечены медицинской страховкой и медицинскими услугами, они получают субсидии на строительство и стипендии на образование. Нестатусные индейцы - это уже ассимилировавшаяся часть коренного населения, они не принадлежат ни к какому конкретному племени и живут преимущественно в городах.

При общей численности населения Канады в 31 241 030 чел. коренные народы насчитывают 1 172 790 чел., из них североамериканских индейцев – 698 025 чел. (54 % статусных индейцев и 10 % нестатусных индейцев), инуитов насчитывают 50 480 чел. (5 %), а метисов – 389 780 чел. (31 %), при этом 34 500 чел., дали не однозначные ответы о своей принадлежности к коренным народам.

Коренное население Канады за последние десятилетия увеличилось быстрее, чем остальное население страны. Различные факторы вызвали такое увеличение канадцев, считающих себя представителями коренных народов. Но, несомненно, это свидетельствует о росте самосознания и повышении престижности причисления себя к автохтонному населению. Во-первых, это объясняется повышением рождаемости у данных народов, во-вторых, несомненно, этому послужило значительное увеличение объема льгот и помощи аборигенам, а также имеется и более прозаичная причина – с 1996 г. бóльшая часть резерваций допустила на свою территорию переписчиков. Так, в 1996 г. 77 резерваций отказались участвовать в переписи, в 2001 г. их было уже – 30, а в 2006 г. только 22 резервации отказались участвовать в переписи. Население резерваций, отказавшихся участвовать в переписях, определялось по приблизительным оценкам.

Коренное население Канады довольно молодое. В 2006 г. средний возраст аборигенов равнялся 27 годам, в то время как средний возраст не автохтонного населения был 40 лет. Дети и молодежь в возрасте до 24 лет составляют 48% всего автохтонного населения, по сравнению с 31% не автохтонного населения. Дети в возрасте до 4 лет составляют 9% коренного населения и 5% не автохтонного населения, а детей в возрасте от 5 до 9 лет среди аборигенов насчитывается 10%, а среди остального населения страны – 6%.

Что касается инуитов, то 78% их проживают на земле Инуитский Нунаат, которая расположена между Лабрадором и Северо-западными территориями. На этой земле инуиты проживают уже более 5 000 лет. Название «Инуитский Нунаат» переводится как «Родина инуитов» и состоит из четырех территорий: Нунавут, Нунавик, район Инувиалюит и Нунациавут.

Инуиты являются основными жителями этих районов. Они составляют 90 % населения Нунавика, 89% – в Нунациавуте, 84% – в Нунавуте и 55% – в Инувиалюите.

Язык инуитов – инуктитут – это один из трех автохтонных языков Канады, которым не угрожает исчезновение в обозримом будущем, т.к. на нем говорит значительное количество людей. В 2006

г. 64% автохтонного населения назвали своим родным языком инуктитут. Следует отметить, что инуктитутом владеют и на нем говорят представители всех возрастных групп инуитов. По результатам проведенных обследований коренных народов Канады в 2001 г. большинство инуитов считают, что очень важно сохранить и изучать родной язык.

Понятие «Первые нации» объединяет представителей 615 народов и народностей, говорящих на языках десяти неродственных языковых семей. Большинство представителей Первых наций являются статусными индейцами (564 870 чел., что составляет 81% всего коренного населения). Примерно 133 155 чел. – нестатусные индейцы.

Первый текст Закона об Индейцах был принят в 1869 г. Затем он пересматривался и изменялся в 1876 г. и 1880 г. Последняя версия Закона, согласно которому индейцы могут передавать свое гражданское состояние индейца своим детям, была принята 28 июня 1985 г.

Во время переписи 2006 г. было зафиксировано 60 языков канадских индейцев. Эти языки относятся к десяти языковым семьям, которые объединяют родственные языки и диалекты: алгонкинские, атапасканские, сью, салишенские, цимшенские, вакашанские, ирокезские, языки хайда, кутенэ и тлинжит.

Для всех коренных народов исторически всегда была основной устная традиция передачи любой информации, поэтому радиовещание их интересует всегда больше, чем периодика и телевидение. Практически все общины коренных народов Канады имеют свои радиостанции, свои периодические издания. Многие организации коренных народов имеют свои сайты в Интернете для того, чтобы пропагандировать свою культуру и иметь общение со всем миром. Радиовещание в Канаде основывается на двух основных принципах: 1) программы создаются для всех групп и народов населения и также этими народами и группами; 2) предполагается отражение культурного многообразия страны во всех передачах.

В Канаде для сохранения языков и культуры коренных народов развивается не только радиовещание, но создана также первая в мире система автохтонного телевидения (Aboriginal Peoples Television Network), отражающая культурное многообразие коренных народов страны.

По оценкам ЮНЕСКО языки коренных народов Канады (как и языки многих других коренных народов во всем мире) находятся под угрозой исчезновения. Существует вероятность того, что 90% языков

на нашей планете должны исчезнуть или будут находиться на грани исчезновения уже в нынешнем столетии.

В Канаде на федеральном уровне было создано Министерство канадского Достояния, Министерство по делам индейцев и Севера Канады, были также образованы различные организации на местном уровне в разных провинциях с целью обеспечения лучших условий для жизни коренных народов и сохранения их языков и культурного наследия.

Исходя из многонационального состава страны, её руководство выдвинуло и разработало свою, канадскую, модель построения многокультурного общества. Эта модель предполагает сосуществование многих субкультур и традиций на основе взаимного уважения, взаимодействия и взаимообогащения [11, с. 7].

Политика мультикультурализма, проводимая властями страны, направлена на развитие и сохранение, как в стране, так и в мире в целом, культурных различий.

Мультикультурализм — один из аспектов толерантности, заключающийся в требовании параллельного существования культур в целях их взаимного проникновения, обогащения и развития в общечеловеческом русле общей культуры. Важной особенностью мультикультурализма является признание прав за коллективными субъектами: этническими и культурными группами.

Модель мультикультуризма объявлена в Канаде в качестве национальной идеи и построение многокультурного общества является основным направлением государственной политики страны, что отличает её от североамериканского соседа – США, где традиционно провозглашается концепция «плавильного котла», предполагающего слияние всех культур в одну.

Канада не только проводит официальную политику мультикультуризма, но и обеспечивает ей соответствующую законодательную и бюджетную поддержку. В 1988 г. был принят Закон Канады о многокультурности, который не имеет аналогов в мире. По этому закону культурное разнообразие канадцев по этническому происхождению, религиозным убеждениям и культурным особенностям, является основополагающей характеристикой современной Канады.

В 1971 году федеральное правительство Канады приступило к разработке политики развития культурной деятельности различных этнических меньшинств. Работа, проводимая правительством, была направлена на то, чтобы показать, что, несмотря на наличие только двух официальных языков, необходимо:

1) помогать всем языковым группам, проживающим в Канаде, если они изъявляют такое желание, развивать свою численность и участвовать в жизни страны;

2) помогать членам любой этнической общины преодолеть культурные барьеры, которые мешают им полноценно участвовать в жизни страны;

3) способствовать встречам и культурным обменам между всеми этническими общинами, населяющими Канаду, в интересах национального единства;

4) помогать иммигрантам выучить, по меньшей мере, один из официальных языков и полностью адаптироваться в канадском обществе [13].

Следует отметить, что Канада является первой страной, которая приняла в качестве государственной, политику многокультурности. В заключение следует отметить, что политика Канады и всех её провинций по реализации политики многокультурности успешно претворяется в жизнь.

Опыт национально-языкового строительства в Канаде, демонстрирующий возможные пути решения национальных проблем в многонациональной стране, несомненно, обогащает мировое языковое и культурное обустройство.

Список литературы:

1. Данилов С.Ю. История Канады. М., 2006.
2. Ингстад Х. По следам Лейва Счастливого. Л. 1969.
3. Клоков В.Т. Французский язык в Северной Америке. Саратов, 2005.
4. Коленеко В.А. Французская Канада в прошлом и настоящем. Очерки истории Квебека XVII – XX века. М.: Наука, 2006.
5. Конвенция о коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах (Конвенция № 169 МОТ), 1989.
6. Перепись населения Канады 1996 г., 2001 г. и 2006 г.: <http://www12.statcan.ca>
7. Райерсон С.Б. Основание Канады. М., 1963.
8. Реферовская Е.А. Французский язык в Канаде. Л.: Наука, 1972.
9. Словарь социолингвистических терминов / Отв. ред. В.Ю. Михальченко М. 2006.
10. Соколов В.И. Глобализация и аборигенное население Канады // <http://www.demoscope.ru/weekly/2002/075/print.php>.
11. Соколов В.И., Владимирова М.А. Политика многокультурности

- в Канаде // Контакты языков и культур на американском континенте. Саратов, 2006.
12. Черкасов А. Этнокультурная мозаика и межэтнические отношения в Канаде. <http://www.niworld.ru/Statei/cherkasov/n1.htm>.
 13. Этнокультурная мозаика Канады и проблемы канадской идентичности. Сб. статей. М., 2003.
 14. A la rencontre d'un Québec qui bouge. Introduction générale au Québec. Sous la direction de R. Laliberté. Edition du CTHS, 2009.
 15. L'aménagement linguistique dans le monde. Québec, 2007.
 16. Bouchard Ch. La langue et le nombril : une histoire sociolinguistique du Québec. Québec, 2002.
 17. Caldwell G. La Charte de la langue française vue par les anglophones // Revue d'aménagement linguistique, hors-série, automne 2002.
 18. Calvet L.– J. La guerre des langues et les politiques linguistiques. P., 1999.
 19. Castonguay Ch. Les indicateurs généraux de vitalité des langues au Québec : comparabilité et tendances, 1971-2001. Montréal, 2005.
 20. Commission royale d'enquête sur le bilinguisme et le biculturalisme
—
http://wapedia.mobi/fr/Commission_royale_d'enquete_sur_le_bilinguisme_et_le_biculturalisme
 21. Corbeil J.-Cl. Langues et usage des langues. Quebec. Conseil de la langue française, 1986.
 22. Le début d'un temps nouveau. Premier rapport en vue d'une stratégie de revitalisation des langues et des cultures des Premières nations, des Inuits et des Métis. Partie IY : Les langues des Premières nations, des Inuits et des Métis: situation actuelle. // http://www.aboriginallanguagetaaskforce.ca/rpt/part4_html.
 23. Le français au Québec. 400 ans d'histoire et de vie. Nouvelle édition. (sous la direction de M. Plourde et P. Georgeault). Québec, 2008.
 24. Le français, langue de la diversité québécoise. Une réflexion pluridisciplinaire (sous la direction de M. Pagé et P. Georgeault), Québec, 2006.
 25. Fox C.A. et Smitch J.S. La situation du français franco-américaine. Aspects linguistiques et sociolinguistiques // Le français en Amérique du Nord. Etat présent. Québec, 2005.
 26. La langue et l'intégration des immigrants : sociolinguistique, politiques linguistiques, didactique (sous la direction de James

- Archibald et Jean-Louis Chiss). Paris : Harmattan, 2007.
27. Les langues autochtones du Québec. Québec, 1992.
 28. Langues et constitutions. Recueil des clauses linguistiques des constitutions du monde. - Québec: Conseil International de la Langue Française, 2003.
 29. Lauvrière E. La tragédie d'un peuple. P., 1923.
 30. Recueil des législations linguistiques dans le monde. T. 1. Le Canada fédéral et les provinces canadiennes. Québec: Centre International de recherche en aménagement linguistique, 1994.

ПОЛУСУФФИКСАЦИЯ В АНГЛИЙСКОМ ЛЕКСИЧЕСКОМ СУБСТАНДАРТЕ: ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

Коноплева Ирина Николаевна

аспирант кафедры английского языка

*Вологодского государственного педагогического университета,
г. Вологда*

E-mail: irinakonopleva@yandex.ru

Целью настоящей статьи является рассмотрение ономасиологических характеристик в образовании полусуффиксальных дериватов в английском лексическом субстандарте. Прежде всего уточним понятия: «лексический субстандарт», «полуаффикс», «лексическое значение». В.П. Коровушкин определяет лексический субстандарт как «самостоятельный, исторически сложившийся фрагмент лексики английского языка национального периода – упорядоченное и структурированное иерархическое целое, включающее в себя социально и профессионально детерминированные речевые микросистемы и стилистически сниженные лексические элементы» [5, с. 223-224]. В своей работе мы руководствуемся определением полуаффикса, предложенным М.Д. Степановой: «Самостоятельные лексические единицы, чрезвычайно часто встречающиеся в словосложении, изменяющие при этом полностью или частично свое лексическое значение и выполняющие фактически роль аффиксов, называются полуаффиксами» [6, с. 78-79]. И.В. Арнольд определяет лексическое значение как реализацию понятия средствами определенной языковой системы,

сопровождающуюся дополнительной характеристикой, отражающей сопутствующие представления, а также эмоциональной и стилистической окраской слова [2, с. 49].

Стандартная лексика английского языка является основным источником пополнения субстандарта. Этот процесс происходит путем лексико-семантического словообразования, при котором новые слова возникают в результате переноса наименования или изменения значения. Поэтому в нашей работе мы затрагиваем все аспекты лексического значения слова, а также его следующие типы: производные по происхождению, переносные по характеру семантических отношений; стилистически окрашенные. Основываясь на классификации способов лексико-семантического изменения значений слов Г. Пауля, мы выделяем следующие группы: 1) с переносом значения (метафора, метонимия); 2) без переноса значения (эвфемизация, дисфемизация, расширение значения, сужение значения) [2, с. 74-78].

Метафора – это перенос наименования с одного предмета на другой на основе их сходства. По меткому замечанию Н.Д. Арутюновой метафорический перенос наименования представляет собой «некоторый прием извлечения нового имени из старого лексикона» [3, с. 358]. В нашей выборке представлены полусуффиксальные дериваты, образованные путем метафорического переноса наименования на основе сходства по форме, содержанию, функциям, качественным характеристикам.

Метафора по форме: **coconut** (голова), **peanut** (прыщ), **cokernuts** (женская грудь, особенно большая), **greenhouse** (автобус), **rat-trap** (тип карбюратора. Приспособление для забора воздуха по форме и длине напоминает крысоловку).

Метафора по содержанию: **milk-shop** (женская грудь).

Метафора по функции: **painkiller** (любой алкогольный напиток).

Метафора на основе сходства качественных характеристик: **chatterbox** (автоматическое оружие), **coal-box** (немецкий снаряд, разрывающийся с облаком черного дыма), **toy-box** (машинное отделение), **salt-box** (тюремная камера), **busdriver** (бомбардировщик. Обычно пользующийся хорошо знакомым маршрутом), **bear trap** (полицейский радар для нарушителей скоростного режима), **mouse-trap** (подводная лодка), **dough-nut** (спасательный жилет Карли), **policeman** (вахтенный, отвечающий за сигнал тревоги), **music-box** (пианино).

Под *метонимией* понимается такой тип семантических изменений, при котором перенос имени с одного предмета на другой осуществляется на основе реальных или воображаемых связей или смежности между этими предметами [1, с. 148]. В нашей выборке *каузальная метонимия характеризуется причинно-следственными отношениями между объектом 1 и объектом 2*, например: **mouse-trap** (сыр), **letter-box** (квартира или адрес для шпионской корреспонденции), **pantilehouse** (место сбора пресвитериан, часто покрытое черепицей). *Каузальная метонимия, характеризующаяся сходством причинно-следственных отношений между субъектом и объектом*: **fisherman** (траулер, рыболовное судно), **Frenchman** (машинка, печатающая на английском и французском языках), **truck driver** (капсула или таблетка амфетамина, используемая водителями-дальнобойщиками для борьбы со сном). *Каузальная метонимия характеризуется причинно-следственными отношениями между объектом и субъектом*: **two-pip artist** (лейтенант), а также *между действием и объектом*: **goggle-box** (телевизор). *Каузальная метонимия и локальная метонимия, характеризующиеся причинно-следственными связями между объектом, субъектом и местом*: **pill-box** (улица Харли, где практикуют лучшие специалисты в области медицины). *Синекдоха характеризуется связями между частным и целым*: **beauty-spot** (чье-либо лицо, внешность), **Jesus nut** (вертолет зависит от этой детали, соединяющей главные лопасти). *Атрибутивная метонимия характеризуется связями между признаком и объектом*: **black job** (похороны), а также *между признаком и субъектом*: **Brown Job** (солдат). *Антропонимия* – название имен нарицательных именами собственными, например, **jack lawyer** (нетщательный, поверхностный, адвокат).

Под *эвфемизацией* понимают «улучшение» значения слова, приобретение им положительного, вежливого оттенка. Автор словаря «Сленг и эвфемизм» Р. Спирс указывает на следующие причины возникновения эвфемизмов, подчеркивая при этом их прагматический характер: повысить статус данного понятия; защитить человека или слушателей от смущения или другого эмоционального дискомфорта; в присутствии обоих полов избежать непристойных слов, которыми пользуются только в мужском окружении; в вежливой компании избежать речи, типичной для низших слоев общества [8, с. 7-15]. Поэтому, в нашей выборке представлены слова, которые приобрели «смягчение» значения, положительную коннотацию в субстандарте, а также слова – заменители. К первой группе относятся следующие: **apple orchard** (место, где на общественных работах заняты

нарушители общественного порядка), **family-man** (вор), **coffee-shop** (гроб), **body guard** (вошь), **inside job** (преступление, особенно кража, воровство, когда один из членов банды проникает внутрь помещения и открывает дверь изнутри), **beauty-spot** (родимое пятно или бородавка). Во второй группе выделяем такие, как: **bog-shop** (туалет, уборная), **vacant spot** (быть полоумным), **toy-shop, workshop** (женские половые органы), **freeman** (любовник замужней женщины).

Дисфемизация – это «ухудшение» значения слова, приобретение им негативного, уничижительного, грубого, вульгарного оттенка. В нашей выборке встречаем следующие примеры дисфемизации значения: **butcher shop** (операционная, больница), **graveyard** (рот), **slaughterman** (промышленник, который платит очень низкую зарплату подчиненным), **pot-house** (колледж Питерхауз, Кембридж), **arch-fiend** (сатана, дьявол).

Расширение значения (генерализация): **cowboy** (рабочий, заменяющий мастера, работающий в одиночку), **beef-eater** (хорошо питающийся слуга).

Сужение значения (специализация): **fish-eater** (Римский католик. Только они ели рыбу по пятницам).

Продуктивность полусуффиксальных семантических моделей в английском лексическом субстандарте

Таблица № 1. Продуктивность семантических моделей с переносом наименований

Метафора, метонимия	Количество единиц	%
1) На основе сходства формы	5	0,05%
2) На основе сходства содержания	1	0,01%
3) На основе сходства функций	1	0,01%
4) На основе качественных характеристик	12	0,1%
Всего метафорических переносов	19	0,2%
1) Каузальная метонимия	6	0,06%
2) Атрибутивная метонимия	2	0,02%
3) Локальная метонимия	1	0,01%
5) Синекдоха	1	0,01%
6) Антропонимия	1	0,01%
Всего метонимических переносов	11	0,1%
Всего метафорических и метонимических переносов	30	0,3%

Таблица № 2. Продуктивность семантических процессов без переноса наименований

Семантические процессы	Количество единиц	%
1. Эвфемизация	11	0,1%
2. Дисфемизация	6	0,06%
3. Расширение значения	2	0,02%
4. Сужение значения	1	0,01%
Всего	20	0,2%

Таким образом, семантический способ не характерен для образования полусуффиксальных дериватов в английском лексическом субстандарте. С его помощью образовано 0,5% выборки аффиксальных и полуаффиксальных образований в английском лексическом субстандарте (см. таблицы). Наиболее распространенными способами лексико-семантического типа словообразования полусуффиксальных дериватов являются метафорический перенос наименования на основе сходства качественных характеристик и эвфемизация.

Список литературы:

1. Антрушина Г. Б., Афанасьева О. В., Морозова Н. Н. Лексикология английского языка. – М.: Дрофа, 2001. – с. 129-142, 184-197, 209-216.
2. Арнольд И. В. Лексикология современного английского языка. – М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1959. – с. 47-97.
3. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. – М.: Языки русской культуры, 1998. – с. 358.
4. Зыкова И. В. Практический курс английской лексикологии. – М.: Издательский центр «Академия», 2006. – с. 11-46.
5. Коровушкин В. П. Теретические основы контрастивной социолектологии. – Череповец: Издательство ЧГПИ им. А. В. Луначарского, 2005. – с. 223-224.
6. Степанова М. Д. Словообразование современного немецкого языка. – М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1953. – с. 78-79.
7. Уфимцева А. А. Общее языкознание. Внутренняя структура языка. Гл. 6. Лексика. – М.: Наука, 1972. – с. 394-445.

Список словарей:

1. Chapman R.L. American slang. – New York: Harper & Row, Publishers, Inc, 1987.

2. Lighter J. E. *Historical Dictionary of American Slang*. – New York: Random House, Inc, 1994.
3. Partridge E. *The Dictionary of Slang and Unconventional English*. Routledge & Kegan Paul. London, Melbourne and Henley, 1984.
4. Spears R.A. *Slang and Euphemism*. – New York: Jonathan David Publishers, Inc. 1981. XXVIII, 448.
5. Wentworth H., Flexner B.S. *Dictionary of American Slang. Second Supplemented Edition*. – New York: Thomas Y. Crowell Publishers, 1975. – 766 p.

МЕТАФОРИЧЕСКИЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ КОНЦЕПТА “HAUS” В МАТЕРИАЛАХ НЕМЕЦКИХ СМИ

Кулдошина Наталия Николаевна

аспирант-соискатель ТГУ им. Г.Р.Державина, Тамбов

E-mail: natakul@list.ru

В современной когнитивной лингвистике одним из интенсивно развивающихся направлений является исследование теории концептуальной метафоры. Языковеды рассматривают метафору как основную ментальную операцию, как способ познания, структурирования, оценки и объяснения мира. По мнению многих исследователей (М. Джонсон, Дж. Лакофф, А.Н. Баранов, Н.Д. Аругюнова, А.П. Чудинов и др.), процессы человеческого мышления во многом метафоричны.

Как отмечает В.Н. Телия, «метафора используется в речевой деятельности для создания новых наименований, обозначающих вновь познанное на основе уже вычлененных и названных элементов действительности» [17, с. 230].

В процессе исследования метафоры накопилось достаточно большое количество её определений. Дж. Лакофф и М. Джонсон делают вывод о метафорической сути человеческого мышления: метафоры, существующие в самой понятийной системе и проявляющиеся в лингвистических данных, структурируют наше восприятие, наше мышление и наши действия [8, с. 388–390]. Они также подчеркивают, что «суть метафоры – это понимание и переживание сущности (thing) одного вида в терминах сущности другого вида» [7, с. 27]

А.П. Чудинов обозначает метафору как систему взаимодействующих зеркал, состоящую по меньшей мере из трёх элементов. В первом зеркале отражён ментальный мир человека и общества в целом: метафора дает нам великолепный материал для изучения когнитивных "механизмов" в сознании человека и социального мировосприятия. Во втором зеркале можно увидеть отражение обыденных представлений человека о понятийной сфере-источнике метафорической экспансии: начало метафоре дают именно элементы "наивной" картины мира. В третьем зеркале проецируется отражение наивных человеческих представлений о понятийной сфере, к которой направлена метафорическая экспансия: человек метафорически концептуализирует и структурирует эту сферу, выделяя в ней самое важное и необходимое [18].

В.М. Пименова, Е.А. Потураева обозначают метафору как перенос из области-источника (сферы-донора) в область-мишень (сферу-мишень). Соответственно этому, Е.А. Потураева вычленяет в структуре метафоры как когнитивного феномена три компонента: источник метафорического образа (сферу-донор), результирующий образ; сферу-мишень и основание метафорического отождествления; образное представление (признак), на основе которого происходит метафорический перенос, и описывают различные связи между ними [14, с. 83; 15, с. 59]. Данные когнитивные элементы в структуре метафорического лексического значения соотносены, соответственно, с исходным номинативным значением, метафорическим значением и семантическим компонентом, служащим основанием метафорического уподобления [2, с. 14]. В.А. Маслова называет метафору одним из самых загадочных явлений языка и отмечает, что при всём многообразии определений метафоры, почти все они восходят к аристотелевскому: «Метафора есть перенесение необычного имени или с рода на вид, или с вида на род, или с вида на вид, или по аналогии» [цит.по: 11, с. 88].

Метафоры возникают в языках на основе образного представления действительности в соответствии с культурными традициями языкового коллектива. Метафорические образы отражают мировидение данной языковой общности и связаны с её материальной, социальной или духовной культурой, поэтому могут свидетельствовать о её культурно-национальном опыте и традициях. Метафоры порождаются на основе знаний о мире, которые бессознательно хранятся в когнитивной системе человека [16, с. 98]. Ж.А. Нагапут подчёркивает, что метафора обладает свойством «навязывать» говорящим на данном языке специфический взгляд на

мир – взгляд, являющийся результатом того, что метафорические обозначения «вплетаясь» в концептуальную систему отражения мира, «окрашивают» её в соответствии с национально-культурными традициями и самой способностью языка навязывать невидимый мир тем или иным способом [4, с. 100].

Метафорическую модель дома исследователи отмечают среди ключевых метафор, моделирующих общественную жизнь (Ю.М. Лотмана, А.П. Чудинов, Е.А. Потураева, В.В. Овсянникова и др.). Обращает на себя внимание её особая устойчивость в качестве средства моделирования таких абстрактных понятий, как коллектив, семья и другие, т.е. в функции так называемой когнитивной метафоры [5, с. 20]. Следует заметить, что пространство дома близко человеку, поскольку человек через него входит в существующий мир, это пространство хорошо понято и осмыслено, это фрагмент наиболее освоенного мира. Образно-понятийное строение, связанное с образом дома, становится основой, базой восприятия остального мира, одним из важнейших ресурсов организации пространства, окружающего мира [15, с. 59; 10, с. 88-89].

Н.Д. Арутюнова подчёркивает, что ключевые метафоры прилагают образ одного фрагмента действительности к другому ее фрагменту, обеспечивают его концептуализацию по аналогии с уже сложившейся системой понятий. Со времен Маркса стало принято представлять себе общество как некоторое здание, строение (Aufbau). Эта метафора позволяет выделять в обществе базис (фундамент), различные структуры (инфраструктуры, надстройки), несущие опоры, блоки, иерархические лестницы. Об обществе говорят в терминах строительства, воздвижения и разрушения, а коренные изменения в социуме интерпретируются как его перестройка. Ассоциация общества со зданием, домом, который человек строит, чтобы в нем жить, присутствует не только в социологии и экономике, но и в обыденном сознании [1].

Г. Гачев отмечает, что в Германии Бытие начинает мыслиться как «МИРОЗДАНИЕ». “Haus” – универсальная модель для всего в Германской ментальности. Даже немецкий флаг автор представляет в виде этажей дома: «германский национальный флаг состоит из трёх горизонтальных полос (= этажей Дома)», где верхняя – чёрная означает стихию земли, средняя – красная, означает кровь, человека, который посредник между землёй и небом, а нижняя, золотая, – это солнце, огонь [3, с. 121, 128]. Человек концептуализирует окружающую действительность через взгляд на себя и сквозь себя. Поэтому, следует согласиться с В.В. Овсянниковой, что понятийная сфера «дом»

обладает всеми необходимыми условиями для метафорической экспансии [12, с. 43].

Содержательная структура концепта «дом» включает несколько релевантных смыслов, которые могут быть установлены на основе семантического анализа словарных данных и данных толковых словарей. В частности, немецкий концепт “Haus” складывается из нескольких смыслов, сформировавшихся в процессе историко-культурного развития этноса:

1. a) Gebäude, das Menschen zum Wohnen dient; b) Gebäude, das zu einem bestimmten Zweck errichtet wurde; c) Wohnung, Heim, in dem man ständig lebt. (Ср.: “дом” в русском языке: жилое здание, жилище, помещение, в котором живут [13]). Выше перечисленные смыслы образуют ядро содержательной структуры концепта. Анализ данных различных справочных источников позволил выявить также дополнительные смыслы, которые формируют промежуточную зону концепта. Данные смыслы связаны с концептуализацией субъекта, олицетворяющего дом. Как правило, в данном случае речь идет о метафоро-метонимическом осмыслении «пространства дома». Ср.: 2. a) (ugs.) Gesamtheit der Hausbewohner; b) Personen, die sich in einem bestimmten Haus befinden: das Hohe Haus (Parlament); c) Haushalt, Wirtschaft, Hausweisen einer Familie; 3. Dynastie [Herrscher] Geschlecht; 4. (ugs.) Person, Mensch: er ist ein gelehrtes Haus. [см. 19, 20, 21]. Во всех названных смыслах для толкования концепта используется ключевая лексема Person / Personen, подчеркивающая нахождение человека в данном пространстве.

Под домом понимается не только само здание, но и люди, населяющие это здание, прежде всего семья, домочадцы. В сознании людей дом как здание и дом как семья оказываются настолько слитны и неотделимы друг от друга, что иногда трудно четко разграничить эти смыслы. Такое понимание «дома» связано с тем, что смысловая нагрузка, лежащая на доме, выполняющем свою основную функцию – предназначенности для жилья, неосуществима без людей, населяющих это жилище, поэтому, дом – здание (материальный объект), становясь символом материальности «своего» пространства, приобретает дополнительное значение «семья», основанное на метонимическом переносе [15, с. 62-63].

В текстах немецких СМИ были обнаружены примеры, в которых лексема «Haus» употребляется в значении «семья, династия»: Er war und ist ein Freund des Hauses, ein immer wieder gern gesehener Gast. (<http://www.zeit.de/2011/13/WOS-Trainer>). В данном примере дом отождествляется с семьёй, т.к. обычно мы употребляем выражение

друг семьи, т.е. здесь Haus = Familie. Ein Mann aus gutem Hause und mit sprichwörtlich guten Manieren, der in England aufwuchs und studierte, ist dem Königshaus höchst genehm. (SDZ 2008, 53W: 8). Словосочетание aus gutem Hause, а также Königshaus в данном примере интерпретируются как «из хорошей семьи» и «королевская семья (династия)», поскольку человека воспитывает семья, проживающая в доме, и семьей он может быть хорошо принят. Аналогичную ситуацию наблюдаем и в следующем примере: Hier die junge Ägypterin aus gutem Hause, die Pharmazie studiert hatte und früher im Handballkader der Nationalmannschaft spielte (der Spiegel 2009, Nr.36:64) .

Ситуации, когда слово Haus обозначает Person, Mensch обычно можно встретить в разговорной речи, которая не характерна для языка публицистики, поэтому в немецких СМИ удалось зафиксировать только один пример, отражающий данную ситуацию: »Du das Haus, ich das Haus«, sagt sie zu Staufenbiel. Staufenbiel nickt. (<http://www.zeit.de/2010/40/DOS-Anklam>)

Примечательны случаи употребления Haus в значении das Hohe Haus= Parlament, где данное значение вычленяется контекстуально: Der Minister des Hauses, Karl-Theodor zu Guttenberg (CSU), hatte vor wenigen Tagen nach Bekanntwerden erster positiver Wirtschaftsdaten gesagt. (SDZ 2009. Nr.158: 1). В приведенном примере лексема Minister уточняет метафорический смысл «резиденции правительства». Ср.: Er habe so eben ein Telegramm mit der Entscheidung des Nobel-Komitees erhalten, teilte der Bundespräsident dem Hohen Hause mit. (Der Spiegel 2009, Nr.42: 106). Обращает внимание также употребление в атрибутивной функции прилагательного hoch, благоприятствующего формированию метафорического смысла Haus.

Как показывает анализ примеров, в современном немецком языке возможны также случаи модификации значения, расширение семантического объема на основе метонимического переноса. (МЕТОНИМИЯ - оборот речи, состоящий в замене одного слова другим, смежным по значению [6]). Как известно, для обозначения понятия “родина” в немецком языке используется существительное “Heimat”: Ort, an dem man zu Hause ist, Geburts -, Wohnort; Vaterland [< ahd. Heimuoiti, heimoti < ahd. Heim + suffix – not, - oti → Heim] [21]. Образованное от лексемы “Heim”, “Heimat” исторически служит для вербализации концепта “Haus”: Heimat ist dort, wo sie wohnen, wo ihr Partner lebt, wo ihre Freunde sind. (Der Spiegel 2009, Nr.25: 55). Однако, в текстах прессы возможны и предложные конструкции “zu Hause, nach Hause» для обозначения Heimat. Например: Milla Stroh fuhr mit

dem Zug nach Hause. (Stern 2009, Nr.2: 41), т.е. она поехала домой в какой-то населённый пункт.

В качестве уточнителей смысла «дома в определенной стране» могут выступать имена собственные - названия страны или её части, нередко в предложной конструкции: Wieder zu Hause in Norwegen, kündigte er einen Job. (Der Spiegel 2008, Nr.52: 132). "Ich habe mich ausgenutzt gefühlt, weil sie zu Hause in Kenia völlig unnötige Dinge davon gekauft haben", sagt Ngethe (www.zeit.de/2010).

Люди, живущие в одной стране, – это семья и, еще шире, люди, живущие на одной планете, – это семья, а значит, страна – это дом и Земля – это дом. Метафорическая модель «планета – дом» возможна благодаря актуализации одной из сем в значении лексемы «дом»: «здание, предназначенное для жилья» и на основании метонимического переноса: дом – это семья → все человечество – это большая семья → жилище всего человечества – планета → планета – это дом [15, с. 64]

Если человечество – это семья, то ее жилищем становится вся наша планета. Этот смысл, заключенный в лексическом значении слова, проявляется через метафорические наименования. В свете развития экономики и интеграции европейских стран в единое сообщество, всё чаще можно встретить выражение «европейский дом», когда говорят о европейском союзе: Schon seit Jahren spricht man in Europa und in der Welt von einem "europäischen Haus". Von einem, in dem es sich wohl, frei, angenehm und sicher leben lässt. Jeder EU-Bürger hat das Recht zu wohnen und zu arbeiten, wo er will. Es gibt keine Grenzkontrolle für Personen mehr. Für viel Mitgliedstaaten ist das europäische Haus vor allem ein Wirtschaftshaus. [9, с. 78]. Сравните следующие примеры: Risse im europäischen Haus (<http://www.zeit.de/online/2008/33/georgien-krieg-risse-im-europaeischen-haus>). Auch von innen ist die Europäische Union ein wunderbares Haus. (<http://www.zeit.de/-/2011/11/Merkel-Europa>).

Концептуальное содержание лексемы Haus конкретизируется контекстуальными языковыми средствами. Так, в одном из примеров «европейский дом» рассматривается как «дом с хорошей экономикой», в другом как чудесный дом, в котором хорошо живётся всей большой «европейской семье».

В текстах СМИ были обнаружены и такие примеры, в которых Haus в метафорическом плане используется для характеристики страны с позитивной коннотацией. Ср.: Das Ukraina war schon vor der dreijährigen Renovierungspause ein besonderes Haus. (www.zeit.de/2010) Israel ist unser Tempel. Und unser Haus. (Der Spiegel 2009, Nr.4:48).

Таким образом, анализ эмпирического материала показал, что в современных СМИ Германии лексема «Haus» играет особую роль в вербализации важнейших для немецкого этноса смыслов, которые можно представить в виде гиперогипонимической цепочки: человек – Person / семья - Familie (Dynastie / родина – Heimat / страна – Staat/ несколько стран - das europäische Haus. Данное употребление обеспечивается в языке на основе вторичной функции лексемы, в частности, в результате ее метонимического и метафорического переосмысления.

Список литературы:

1. Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс //Теория метафоры. - М., 1990. - С. 5-32 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/arutyunova-90.htm> (дата обращения:17.03.11)
2. Гак В.Г. Метафора: универсальное и специфическое // Метафора в языке и тексте. М.: Наука, 1988. С. 11–26
3. Гачев Г. Д. Национальные образы мира: Космо-психо-логос.- М.: Прогресс, 1995,- 479 с.
4. Жан Ален Нагапут Отражение в метафоре особенностей национального мышления// Проблемы межкультурной коммуникации: материалы международной научно-практической конференции (1-2 февр.2007г.). Липецк: ЛГПУ, 2007. – С. 99-102
5. Илюхина Н.А. Когнитивные механизмы регулярной метонимии и метафоры (на материале концептов «дом», «семья»)// Новое в когнитивной лингвистике: Материалы I международной научной конференции «Изменяющаяся Россия: новые парадигмы и новые решения в лингвистике» - Кемерово: КемГУ, - 2003, - 1003 с. – С. 19-26
6. Крысин 2002// «Большая энциклопедия Кирилла и Мефодия 2002» - М.: Кирилл и Мефодий, 2002. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
7. Лакофф Джордж, Джонсон Марк Метафоры, которыми мы живём: Пер. с англ./ Под ред. И с предисл. А.Н.Баранова. Изд. 2-е. – М.: Издательство ЛКИ, 2008. – 256 с.
8. Лакофф Дж, Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры.М.: Прогресс, 1990. С. 387–416. С. 388–390
9. Лебедев,В.Б.Знакомьтесь: Германия! Пособие по страноведению: Учеб. пособие/В.Б.Лебедев. – 2-е изд., стер. – М.:Вышш.шк., 2002. – 287 с.

10. Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику: учеб.пособие/ В.А. Маслова. – 4-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2008.- 296 с.
11. Маслова В.А. Лингвокультурология : учеб.пособие. – 4-е изд., стер. – М.: Издательский центр «Академия», 2010. – 208 с.
12. Овсянникова В.В. Базовая языковая метафора «Природа – это дом» в естественно-научных текстах (на примере текстов по общей геологии) //Вестник Томского государственного университета. - Томск: Изд-во ТГУ, 2009, - № 318. - с. 41-43
13. Ожегов С. И. Словарь русского языка /под редакцией Н. Ю. Шведовой.- М.: Русский язык, 1989,- 924 с.
14. Пименова М.В. Типология структурных элементов концептов внутреннего мира// ВКЛ 2004, № 1 – С. 82-90
15. Потураева Е.А. Метафорические обозначения концепта дом в русской языковой картине мира //Язык и культура. - Томск: Изд-во ТГУ, 2010, - №1. - С. 58-73
16. Сильченко, Е.В. Метафора как основа для прогнозирования развития семантики прилагательных// Вопросы когнитивной лингвистики 2010, № 1. – С.98-107: 98
17. Телия В.Н. Типы языковых значений. М.: Издательство «Наука», 1981 – 268 с.
18. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000). [Электронный ресурс]. URL: <http://www.durov.com/linguistics2/chudinov-01.htm#160> (дата обращения: 15.03.11)
19. Duden. Deutsches Universal Worterbuch A-Z. Dudenverlag. Mannheim. Leipzig. Wien.Zurich, 1989,- 1816 s.
20. Langenscheidts Grossworterbuch. Langenscheidt. Berlin. Munchen. Leipzig. Zurich. New York, 1993,- 1183 s.
21. Wahrig G. Deutsches Worterbuch. Bertelsmann Lexikon Verlag, 1997,- 1420 s.

Источники фактического материала

Der Spiegel, 2008, 2009; SDZ, 2008, 2009; Stern, 2009; www.zeit.de. 2010, 2011

ОБРАЩЕНИЕ В РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ: СОХРАНЕНИЕ ТРАДИЦИЙ ИЛИ НОВОВВЕДЕНИЯ

Лунева Валентина Владимировна

*преподаватель кафедры английского языка гуманитарных
факультетов, ЮФУ, г. Ростов-на-Дону*

E-mail: valentinaluneva@inbox.ru

Главным фактором, определяющим выбор того или иного обращения, является характер коммуникации. Среди обращений выделяются: имена, отчества, фамилии; лексические средства, используемые для передачи уважения к адресату; обращения, связанные с профессиональной деятельностью адресата, с его возрастом, полом, социальной ролью, с его конфессиональной характеристикой и национальной принадлежностью; обращения к родственникам; обращения, выражающие дружеские, шуточные, нежные, любовные чувства к адресатам; обращения, относящиеся к разряду оскорбительных, и некоторые другие [9].

Обращение выполняет многообразные функции в системе речевого этикета. От того, насколько выбранная форма обращения соответствует универсальной категории вежливости, этно-специфическим правилам и интенциям отправителя речи, зависит успех общения, ибо реализация авторской интенции предполагает понимание ее слушающим и готовность к общению. Социально-регулятивная функция обращения может быть представлена в виде высказывания: *Я сообщаю Вам (тебе), что я обращаюсь к Вам (тебе).*

Обращение обладает перформативной (автометакоммуникативной) функцией. В перформативном речевом акте речевое и неречевое действия совпадают, а обращение является сигналом установления и поддержания контакта и определенных социальных отношений между коммуникантами. То есть, обращение – это своеобразное сообщение об этом слушающему и само действие установления и поддержания контакта и определенных социальных отношений между говорящими с целью воздействия на волю и поведение адресата.

В русской лингвокультуре традиционно социально значимым считается различие обращений на «ты» и на «вы», каждое из которых варьируется в зависимости от условий общения. Местоимение «ты» покрывает диапазон обращения от детского, отеческого, через начальственное и дружеское к хамски-панибратскому. В.З. Санников [8, с. 82-83] отмечает, что местоимение

ты — также обычное явление при обращении к животным, растениям, морю, солнцу и другим природным явлениям. Такое употребление местоимения называется внедиалоговым, ибо оно используется при мысленном обращении к любым объектам, исключаящим реальный диалог.

Почтение к собеседнику передается с помощью местоимения множественного числа. По мнению В.В. Колесова: «*Вы* – социальный знак; стачки и бунты начала XX века в числе требований содержали такое: ко всем обращаться на «вы»; первый декрет Временного правительства 1917 года отменил «тыканье» солдатам со стороны офицеров. *Вы* – символ иерархии; начальник к подчиненным обращается на «ты», подчиненные к нему – на «вы». То же соотношение и при возрастных различиях собеседников» [4, с. 177].

Манера обращения на *вы* укрепились в конце XVIII века. Но и в XIX веке эта норма была непонятна и чужда такому наиболее типичному российскому сословию, как крестьяне. Так, в поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души» отмечена такая нестандартная для России того времени форма обращения: *Тут Манилов с такою же любезностию рассказал дело кучеру и сказал ему даже один раз «вы»*. Как пишет И.М. Кобозева [3, с. 129], причина этой нестандартной для России того периода вежливости господина по отношению к простолюдину состоит в том, что сфера действия требований этикета распространена с лица, в отношении которого они должны соблюдаться (Чичикова), на любого, кто, по мнению говорящего, входит в личную сферу этого лица.

В современной российской лингвокультуре наблюдается тенденция к заимствованию англо-американских речевых стратегий. Это, в частности, проявляется в возвращении «*ты*» во многие сферы межличностного общения, что также связано с редукцией русского отчества. А это является очередным нововведением, привнесенным по причине следования англо-американской традиции.

Традиционно в русской культуре отчество считается частью родового имени. В дофамильный период отчество служило целям более точной идентификации человека. Отчество, или патронимическое имя – категория историческая. Отчество упоминается уже в русских летописях XI века применительно к великим князьям. Позже отчество получают бояре, дворяне, а в эпоху Петра I происходит дальнейшая демократизация отчества. Отчество — один из важнейших элементов хранения информации о ближайших предках. Смысл отчества в том, чтобы поименовать, а значит – всегда помнить отца. Отчество выполняет тройную функцию: оно отличает

обладателя сходного имени от тезки, проясняет родство в кругу семьи и выражает почтение.

Употребление отчества стало одним из важнейших требований нравственного отношения к личности, признанием человеческого достоинства и оказалось неотъемлемым спутником таких понятий, как равенство, справедливость. Вспомним, как поэт Светлов просил в ответ на фамильярное «Миша» не церемониться и называть его просто Михаилом Аркадьевичем.

В русском языке сформировались и стали общезыковыми характерные признаки наименований по имени-отчеству: целостность номинации, промежуточное положение между словосочетаниями (с аппозитивным определением-приложением) и составными словами (причем с тенденцией к превращению в составные слова). Со словосочетаниями эти именованья сближает следующее: 1) каждый компонент является самостоятельной лексемой и может использоваться в самостоятельном употреблении; 2) эти компоненты синтагматически связаны, как бы ни квалифицировался способ связи между ними (как согласование, координация, корреляция или параллелизм); 3) каждый из компонентов может эллиптироваться.

С составными словами наименования по имени и отчеству сближает: 1) то, что, характеризуясь отдельностью и склоняемостью обоих компонентов, они обнаруживают в разговорной речи тенденцию к слиянию этих компонентов в единое целое с утратой склонения первой части (*Иван Петрович - Иван-Петровича - Иван-Петровичу* и т.д.); 2) то, что образующееся в результате такого слияния единство получает возможность выступать в качестве производящей основы притяжательных прилагательных (*Иван-Петровичев*); 3) возможность создания на их базе разного рода аббревиатур (*Николай Николаевич – Ник Ник или Эн Эн*) [7, с. 312-314].

Как видим, в русской лингвокультурной традиции именование по имени и отчеству имеет исторические и этические основания, что подтверждает право такого обращения не только на существование, но и на расширение сферы его применения.

Речевой же этикет последнего времени, включающий в себя использование англо-американской традиции, подразумевает обращение только по имени, в том числе и к начальнику, и к деловому партнеру, то есть в тех ситуациях, где ранее нейтральным было обращение по имени-отчеству. М.А. Кронгауз указывает на то, что данная тенденция имеет место в речевых рамках современного бизнес-сообщества [5, с. 265]. Н.И. Формановская же в своей статье [10] приводит многочисленные примеры того, что не только в бизнес-

сообществе, но и в письменных медийных текстах, и на телевидении к заслуженным людям и к людям старшего возраста обращаются по имени и представляют их, называя только имя и фамилию и опуская отчество.

Вообще, М.А. Кронгауз считает, что описанная им схема употребления личных русских имен в настоящее время находится в стадии разрушения как раз из-за того, что вытесняются обращения по имени-отчеству. Он пишет: «Полные имена типа Мария и Владимир... противопоставлены кратким именам Маша и Володя в той же прагматической системе координат, в которой кратким именам были противопоставлены имена-отчества» [5, с. 266].

Д.И. Ермолович [1] отмечает, что «звездный период отчества» пришелся на советское время, когда обращение по имени и отчеству было распространено и на все народы, населяющие Советский Союз. В.И. Карасик, напротив, считает, что использование отчества в тех республиках, где в культурной традиции отчества не приняты, всегда ассоциировалось с принудительной русификацией и поэтому вызывало протест, выражавшийся, в частности, в том, что в самоименовании отчества принципиально избегались. У адыгейцев обращение по отчеству и имени (в буквальном переводе «Аслана сын Ахмед») сигнализирует о неуважении к адресату (в русской лингвокультуре именование по имени и отчеству выражает уважение) [2, с. 201].

Обладая общим смысловым значением – называть адресата речи, обращения предназначены для маркировки социальных отношений, устанавливаемых в рамках данного коммуникативного акта. Обращение в рамках институционального дискурса определяется лингвокультурологическими и социальными факторами. Обращение всегда связано с функцией ориентации на адресата, на его ролевые позиции в речевом взаимодействии, поэтому оно варьируется в следующих параметрах: 1) обращение *«равный к равному»*; 2) обращение *«вышестоящий к нижестоящему»*; 3) обращение *«нижестоящий к вышестоящему»*.

Во многих типах институционального дискурса в ситуациях с маркированным статусом необязательно знать фамилию собеседника. В суде к судье обращаются со словами «Ваша честь» или в английском языке *“Your Honor”*.

В медицинском дискурсе возможно обращение *«доктор»*, однако это обращение, заимствованное из латыни, в настоящее время устаревает: к врачам сейчас обычно обращаются по имени и отчеству, а к ученым, имеющим ученую степень, такое обращение давно не употребляется.

Использование в качестве обращения только фамилии возможно в следующих ситуациях. Во-первых, когда речь идет об общении в закрытых, достаточно строго регламентированных сообществах (школа, военное училище, армия, тюрьма и т.п.) или же временных коллективах с определенной иерархией (на службе, в медицинском заведении и т.п.). Как правило, обращение по фамилии – это обращение лица с более высоким статусом к лицу с более низким статусом (начальника к подчиненному, медработника к пациенту, учителя к ученику, офицера к курсанту и т.д.). Обратное, безусловно, невозможно, то есть воспринимается как разрушение иерархии [6, с. 432-433]. Обращение по фамилии возможно и при равном статусном положении общающихся (учеников в классе, сослуживцев на работе и т.п.), однако в последние два десятилетия такое обращение по фамилии, подчеркивающее, что общение происходит в рамках соответствующего сообщества или коллектива, становится все менее обычным.

Существует еще одна ситуация обращения по фамилии, которую отметил М.А. Кронгауз [6, с. 433] – фамилярное использование фамилии в качестве обращения к близкому человеку, даже к члену своей семьи. Возможно, что такое обращение возникло в результате имитации общения в рабочем коллективе и отчасти напоминает языковую игру.

Мы затронули только некоторые аспекты динамики такой важной этикетной формулы как обращение. Изменяющиеся социальные внутренние условия, все более широкое воздействие англо-американской речевой традиции (в частности, влияние идей политкорректности и т.д.) не могут не повлиять на прагматику и функционирование формул речевого этикета.

Список литературы:

1. Ермолович Д.И. Основания переводческой ономастики [Текст]: Автореф. дис. ... докт. филол. наук / Д.И.Ермолович. - М., 2005. – 48 с.
2. Карасик В.И. Язык социального статуса [Текст] / В.И.Карасик. - М.: «Гнозис», 2002. – 333 с.
3. Кобозева И.М. Тема речевого этикета в бессмертной поэме Н.В.Гоголя [Текст] / И.М.Кобозева // Московский лингвистический журнал. Т.7. № 2. Речевой этикет: семантика и прагматика. - М.: РГГУ, 2003. - С.125-150.
4. Колесов В.В. Язык и ментальность [Текст] / В.В.Колесов. - СПб.: «Петербургское востоковедение», 2004. – 240 с.

5. Кронгауз М.А. Речевой этикет и мы [Текст] / М.А.Кронгауз // Московский лингвистический журнал. Т.7. №2. Речевой этикет: семантика и прагматика. - М.: РГГУ, 2003. - С. 7-8.
6. Кронгауз М.А. Фамилия в русском языке и ее употребление [Текст] / М.А. Кронгауз // Семиотика, лингвистика, поэтика: К столетию со дня рождения А.А.Реформатского. - М.: Языки славянской культуры. 2004. - С. 429-434.
7. Пеньковский А.Б. Очерки по русской семантике [Текст] / А.Б.Пеньковский. - М., Языки славянской культуры, 2004. - 460 с.
8. Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры [Текст] / В.З. Санников. - М.: Языки русской культуры, 1999. - 541 с.
9. Сухова Е.Ф. Лингвокультурологический анализ русского речевого этикета (обращение) на фоне арабской речевой культуры [Текст]: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е.В.Сухова. - М., 2001. - 22 с.
10. Формановская Н.И. Нужно ли русскому человеку отчество? [Текст] / Н.И.Формановская. - М.: Русская речь, 2004, № 5. - С. 67-76

РАЗЛИЧНЫЕ ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЯ «ТЕРМИН» И «ТЕРМИНОЛОГИЯ» В ЮРИСЛИНГВИСТИКЕ

Малюкова Елена Вячеславовна

к. фил. н., АФ «ЛГУ им. А.С. Пушкина», г. Барнаул

E-mail: elektron999@mail.ru

Проблема определения термина является предметом научных изысканий представителей различных терминологических школ. Становление теории термина было долгим и непростым, поэтому в лингвистической литературе неоднократно отмечалось отсутствие общепринятой дефиниции данного понятия.

На сегодняшний день существует огромное количество определений термина. Данное явление объясняется тем, что термин представляет собой объект целого ряда наук, и каждая наука стремится выделить в нем признаки, которые являются наиболее существенными с ее точки зрения.

Приведем некоторые из дефиниций понятия «термин», которые представлены в отечественной лингвистике.

Термин (предел, граница, лат.) 1) В формальной логике – понятие, выраженное словом (философ.). 2) Слово, являющееся названием строго определенного понятия // специальное слово и выражение, принятое для обозначения чего-нибудь в той или иной среде, профессии [10, т. 4, с.689]. По мнению Реформатского, в данных определениях произошло объединение терминологии, номенклатуры и специальной фразеологии, что следует дифференцировать [9, с. 165].

А.А. Реформатский относил к терминам «слова специальные, ограниченные своим особым назначением; стремящиеся быть однозначными как точное выражение понятий и название вещей» [8, с. 288]. Р.А. Будагов идет вслед за Реформатским и определяет термин как «слово со строго определенным значением... Термин стремится к однозначности (моносемии)» [1, с. 23].

Терминологию обычно определяют как: 1) науку о терминах; 2) часть словарного состава языка, охватывающего специальную лексику; 3) систему обозначения научных и профессиональных понятий какой-либо одной области знания. Терминология каждой науки представляет собой систему, которая отличается от терминологии других наук не только содержанием понятий, выраженных терминами, но и чисто лингвистическими признаками.

Выделяя терминологический сектор, А.А. Реформатский отмечает, что «терминология – это замкнутый словарный контекст, границы которого обусловлены определенной социальной организацией действительности. В отличие от обыденной лексики терминология имеет социально-обязательный характер. Хотя термины любой научной терминологии четко противопоставлены общим словам, все же следует опасаться проникновения в терминологию обывательских смыслов слов» [9, с. 164-165]. Но далее там же мы находим: «Область терминологии, с одной стороны, замкнута, с другой – находится в непрерывном взаимодействии с обыденной речью. Всякое обыденное неслужебное слово может стать термином путем включения в специальный словарь по признаку точного соответствия с определенной социально организованной вещью. С другой стороны, всякий термин может вернуться в обыденную речь путем утраты точного соответствия с называемой вещью» [10, с. 165].

Словом «терминология» до недавнего времени обозначалась не только совокупность терминов какой-либо специальной области, но и сама наука о терминах. В настоящее время научная

дисциплина, которая занимается исследованием данных языковых единиц, называется терминоведением.

Особое место среди специальных языков всегда занимал язык права. Его появление связывают, прежде всего, с огромным значением правовой системы в целом.

В юридическом энциклопедическом словаре юридическими терминами называются «словесные обозначения государственно-правовых понятий, с помощью которых выражается и закрепляется содержание нормативно - правовых предписаний государства» [2, с. 720]. Также отмечается, что данные термины должны обладать следующими признаками: однозначность (точность), общедоступность, общеупотребительность и устойчивость. Сложно согласиться с данной формулировкой, так как часто, в силу специфики языкового сознания носители языка не могут отличить юридический термин от общеупотребительного. В итоге это приводит к тому, что представления и понятия искажаются, что, по сути, является недопустимым для языка права.

Существует ряд работ, в которых исследуется юридическая терминология (Д.И. Милославская, Н.Г. Михайловская, С.П. Хижняк и т.д.).

Юридическая терминология относится к общественно-политической терминологии. По мнению С.П. Хижняка, данная терминология неоднородна, в ней можно выделить «терминологию права (закона) и терминологию правоведения (юриспруденции), такое деление, в свою очередь, связано с различными сферами функционирования юридической терминологии: официально-деловой и научной» [11, с. 6].

Далее автор уточняет, что терминология права это терминология правоприменительной практики, а терминология правоведения это терминология правовой доктрины (науки о праве). Основной состав терминов правоведения и права является общим, различие же их в том, что, по мнению Хижняка, терминология правоведения сложнее, чем терминология права, так как в ней употребляются термины, которые обозначают теоретические понятия, не встречающиеся в текстах законов (например, *гипотеза*, *диспозиция* и т.д.).

Также следует указать на то, что русская юридическая терминология возникла в 10 веке именно как терминология права и была закреплена в древних законодательных актах, а терминология правоведения возникла лишь тогда, когда началось теоретическое осмысление правовой науки, а именно в 18 веке. «Такое

соотношение терминологии права и терминологии правоведения еще в большей степени затрудняет определение юридического термина и характера терминологичности различных номинативных единиц, используемых в юридической терминологии» [11, с. 7].

В текстах законов еще с древнейших времен были отмечены слова, которые относились и к общему языку, при этом некоторые из них употреблялись как термины, а другие как связующие элементы.

Юристы определяют юридический термин следующим образом: «Юридический термин – это слово или словосочетание, которое употреблено в законодательстве, является обобщенным наименованием юридического понятия, имеющего точный и определенный смысл, и отличающийся смысловой однозначностью, функциональной устойчивостью» [6, с. 65].

Однако, на практике юридический термин не обладает большинством из свойств, перечисленных выше. Но главное то, что юридическим термином можно считать только тот, который официально закреплен в законодательном акте. В таком случае возникает вопрос: можно ли считать номинативные единицы, которые не закреплены в законе, но используются в научной юридической литературе, юридическими терминами. Ответ заключается именно в разграничении юридических терминов и терминов права, так как отмечалось выше, они обладают как определенным сходством, так и некоторыми отличиями. Терминология правоведения включает в себя все термины права, хотя терминов правоведения больше. Терминам права присуща «формальная и семантическая вариативность», которая «отражает процесс терминотворчества». Часть номинативных единиц правоведения находится на периферии юридической терминологии и является одним из источников пополнения терминологии права [11, с. 8-10].

Поскольку объектом исследования в статье выступает юридический термин, мы под термином понимаем, вслед за Хижняком, слово, соотношенное с определенным понятием в системе понятий науки, отражающей явления надстроечного порядка и функционирующей в сфере законодательства, судопроизводства и т.д., то есть в официально-деловой сфере [11, с. 13].

Что касается терминологичности, то вслед за Хижняком, мы считаем, что терминологичным является любое слово или словосочетание, которое выступает в номинативной функции, а

также обозначает ключевое понятие элемента правовой нормы (*гипотезы, диспозиции, санкции*).

Терминология права представляет собой специфическую систему, которая предопределяется использованием слова для обозначения ключевых элементов нормы права, а также развитием родовидовых отношений с другими терминами. Также необходимо отметить, что данная система характеризуется стремлением к однозначному употреблению, отсутствием эмоционально-экспрессивных и стилистических синонимов, проявлением оценочного фактора и не обязательным наличием у терминов дефиниций, что является для юридической терминологии характерным явлением. Сами юристы так объясняют факт наличия недефинированных терминов: «Дать надлежащую формулу, определяющую юридический термин, это иногда может иметь значение не меньшее, чем иное даже серьезное техническое открытие» [7, с. 132].

В конце 20 века заметно повышается интерес к вопросам терминологии, в том числе и юридической. Этот интерес обусловлен, прежде всего, определенной спецификой юридической терминологии и ее недостаточной изученностью.

Д.И. Милославская говорит о том, что юридическая терминология стала одной из самых важных областей, которая испытывает влияние социальных изменений в обществе: «многие правовые понятия, сложившиеся в последние десятилетия (*народная дружина, товарищеский суд*) устаревают, многие – приобретают новый дополнительный оттенок (*фонд, налог*), появляются новые понятия, чаще всего иностранные заимствования (*лизинг, грант*)» [4, с. 25].

Автор делает, на наш взгляд, очень существенный вывод о том, что давно назрела потребность в упорядочивании, унификации и разъяснении правовых терминов и терминологических сочетаний, особенно тех, которые: 1) не различаются с общеупотребительными значениями слов; 2) имеют высокую частотность и социальную значимость.

«Употребление лексических единиц, преимущественно характерных для определенных функциональных разновидностей, в многообразных подсистемах литературного и, шире, национального языка неизбежно связано с различной реализацией их семантического потенциала» [5, с. 110]. Данное явление принципиально отличается от явления многозначности терминов, которое широко наблюдается в терминосферах, так как

разграничение значений в них связано с конкретной научно-производственной областью и рассматривается в общем русле лексической омонимии как языковое явление.

По мнению Михайловской, сравнительно с такими терминами особую сложность и специфику имеет круг лексики, который, используя в общелитературном языке, также принадлежит к подсистеме, обслуживающей отдельную практическую область.

Исходя из вышесказанного, особый интерес представляет изучение лексики, свойственной юридической сфере, так как в ней, по мнению Михайловской, обнаруживается семантическая и терминологическая «двойственность» лексической единицы, которая, по определению Коготковой, может быть отнесена к «межфункционально-стилевой омонимии». Также важно отметить, что названное свойство юридической лексики особо оговаривается в практических рекомендациях юристам, например: «Часто в качестве терминов используются не специально образованные слова, а слова и выражения, принадлежащие литературному языку, но получившие профессиональное значение. Это значение, как правило, не совпадает с тем, которое существует в непрофессиональном употреблении. Например, слова *показать*, *показание*, *эпизод*, *привод*, *задержание*, *мера пресечения* и др. имеют в юридических текстах вполне определенные значения, отличающиеся от значений и употребления этих слов в других сферах» [3, с. 24].

Список литературы:

1. Будагов Р.А. Введение в науку о языке. – М., 1958.
2. Большой юридический энциклопедический словарь / Под ред. А.Б. Барихина. – М.: Книжный мир, 2004. – 720 с.
3. Зубарев В.С., Крысин Л.П., Статкус В.Ф. Язык и стиль обвинительного заключения. – М., 1976.
4. Милославская Д.И. Системное описание юридической терминологии в современном русском языке: Дис. ... канд. филол. наук. – М., 2000. – 164 с.
5. Михайловская Н.Г. О формировании и функционировании юридической лексики // Терминология и культура речи. – М.: Наука, 1981. – С. 110-123.
6. Пиголкин А.С. Язык закона. – М., 1990.
7. Полянский Н.Н. О терминологии советского закона. – М., 1938.
8. Реформатский А.А. Введение в языковедение. – М., 1947.

9. Реформатский Мысли о терминологии // Современные проблемы русской терминологии. – М.: Наука, 1986. – С. 163-198.
10. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. – М.: ООО Издательство «АСТ», 2004.
11. Хижняк С.П. Юридическая терминология: формирование и состав. – Саратов: Издательство Саратовского университета, 1997. – 136 с.

ЯЗЫКОВЫЕ ДЕВИАЦИИ В ЭЛЕКТРОННОМ РЕЧЕВОМ ЖАНРЕ

Марченко Наталья Геннадьевна

*аспирант кафедры русского языка и теории языка ПИ ЮФУ,
г. Ростов-на-Дону*

E-mail: marchencolgn@ya.ru

Марченко Лариса Валентиновна

*к. фил. н., доц. кафедры русского языка и теории языка ПИ ЮФУ,
г. Ростов-на-Дону*

E-mail: marchencolgn@ya.ru

В начале XXI века происходит смещение русского языка в Интернет, а именно, в сферу неформального письменного общения с помощью электронных средств. Новая среда, приблизившая письменную речь по функциям, задачам и стилю к разговорной, продемонстрировала такие особенности функционирования языка, которых ранее не было и которые вне этой среды проявиться не могли. Это, прежде всего, искажение графического и орфографического облика слов, ошибки в употреблении знаков препинания, намеренное отступление от лексических и грамматических норм. Все эти явления получили общее название - языковые девиации. Вопросы языковой девиации активно разрабатываются современными лингвистами. Так, исследователь Т.Б. Радбиль замечает, что «в любом развитом национальном языке заложен значительный потенциал не только для реализации его системных закономерностей, но и для порождения разного рода отклонений от языковых норм и правил, которые не

ведут к деструкции системы, а, напротив, являются выражением ее креативного и адаптивного потенциала» [1].

Аномальные языковые явления в Интернет-коммуникации проявляются с разной степенью интенсивности в зависимости от жанра общения пользователя сети. Поэтому для изучения особенностей нарушений языковых норм необходимо определиться с понятием «речевые жанры в сети». В связи с высоким темпом обновления Интернет-пространства дать исчерпывающее описание жанровой природы весьма проблематично, так как в нем регулярно появляются новые жанры и исчезают некоторые прежние. Однако, опираясь на классификации традиционных («бумажных») жанров, представляется возможным выделить следующие жанровые разновидности Интернета:

- общинформационные жанры или жанры новостей (lenta.ru, nrgnews.ru, newsribbon.ru).
- научно-образовательные и специальные информационные жанров (incampus.ru, kon-ferenc.ru, vsekonkursy.ru).
- художественно-литературные жанры (litprom.ru, snezhny.com). К художественно-литературным жанрам примыкает часть развлекательных жанров (reet.by.ru, e-joke.ru, prikol.online.ua)
- жанры, оформляющие неспециальное, непрофессиональное общение (общение в ICQ, IRC, социальных сетях, чатах).

Таким образом, по мнению некоторых исследователей, есть все основания считать электронные речевые жанры вторичными, перенесенными из непосредственно-речевого общения в коммуникацию дистантно-опосредованную.

Однако, нельзя не отметить, что Интернет- среда воспроизводит не только готовые жанровые формы, но и продуцирует новые, гибридные формы, выступающие как коммуникативно-речевые новации [2]. Именно они локализуются исключительно в среде Интернет и порождаются возможностями и техническими средствами интерактивного взаимодействия в сети. Это такие исконно сетевые жанры, сформированные под влиянием условий Интернет-общения, как форумы, чаты, online конференции, блоги и «живые дневники», социальные сети и т.п.

Именно эти жанры выступают в роли определенной «питательной среды» не только для возникновения разного рода аномалий и девиаций, но и для их активной апроприации в качестве вполне рационально осмысливаемой номинативной или экспрессивной языковой единицы.

Специфика употребления языка в электронных жанрах Интернет-общения, порождающая тотальную языковую девиантность, заключается в антиномии между формой репрезентации информации, свойственной письменному типу речи, и условиями коммуникации, которые реализуют речевую ситуацию, типичную именно для устного типа речи: спонтанность, необработанность, предполагаемое наличие непосредственного адресата.

К аномалиям первого класса относятся единицы речевого этикета («сетикета») на чатах, форумах и в online конференциях, ряд общепринятых сокращений и нарочитых нарушений орфографического характера. Причем в нарушениях орфографии можно выделить два типа девиаций: девиации намеренные и девиации, связанные с неграмотностью пишущего. Безусловно, второй тип девиации лежит вне поля научного исследования, так как он не представляет интереса с точки зрения анализа собственно языковых отклонений в компьютерно- опосредованной коммуникации. Тогда как девиации намеренные (интенционные) представляют собой или особый «субкод» (например, «язык паддонков», который принципиально ориентирован на «фонетический» принцип орфографии как на отказ от самой идеи «грамотного письма») или контекстно зависимые аномалии. Такие единицы или модели фиксируются на фоне «нормального» языкового окружения. Появление этих элементов всегда контекстно обусловлено, характеризуется установкой на «обыгрывание», что и отличает их от явлений ненормативного употребления языковых средств, связанного с недостаточной грамотностью коммуниканта. Более того, интенционные девиации представляются коммуникативно оправданными, так как характеризуются вполне рационализируемыми коммуникативными установками говорящего и слушателя. Это прежде всего экономия времени: сокращение оч. вместо очень, имитация разговорной речи: чес гря – вместо честно говоря, сёня – вместо сегодня, установка на неформальность, неофициальность общения: конфа – вместо конференция, экспрессивность: напруг, догонялово и другие экспрессивные жаргонизмы, а также нарочитое отталкивание от существующих норм и правил употребления языка.

Различие между аномалиями как элементами «субкода» и контекстно зависимыми аномалиями можно показать на примере единиц, которые могут выступать в качестве принадлежности и к первому, и ко второму типу.

Например, грамматический окказионализм
*нравить←нравиться в коммуникативной среде форумов и конференций может выступать как простая субституция нормативного

нравиться и не иметь никаких семантических или функциональных отличий от последнего: А мне многое нравиться [=нравится]; ... но все-таки это фото мне нравиться даже очень . Такая элиминация семантически не нагруженного -ся является своего рода «нормой» для «языка сети».

Но эта же единица часто присутствует в дискурсе как осознанная языковая игра на нормативной модели переходность → возвратность с перестройкой семантики (*прошу не смеять меня, решил вас улыбнуть*)

Именно такие осознанные отклонения от нормы, на наш взгляд, активизируют номинативный и экспрессивный потенциал языка, определяют важные тенденции его развития.

Так, в «языке сети», помимо трансформаций моделей залога и переходности у глагола, можно видеть активизацию конструкций с последовательной элиминацией лица.

Также крайне активна, например, тенденция образования действительных причастий будущего времени (*прочитающий внимательно эту статью поймет многое; считаю, что курящий по праздникам = со временем закурящий и без них*)

Согласно указанной выше теории аномальности, многие признаваемые аномальными явления располагают определенным потенциалом рациональной осмысленности, семантической или экспрессивно-стилистической нагруженности и прагматической интерпретируемости. У причастий будущего времени такой потенциал весьма высок, поскольку они заполняют определенную лакуну в языковой системе.

Языковые девиации в русском языке Интернета с точки зрения теории языковой аномальности похожие тенденции аналогического упрощения грамматических показателей действуют и в сфере имен.

Особенно активны случаи аномального образования форм рода существительного. Чаще всего они имеют очевидную семантическую и стилистическую оправданность (*вот мой новый мыш, маленький мух*).

Все рассмотренные случаи весьма примечательны, так как они отнюдь не являются отражением недостаточной языковой компетенции носителей языка и размывания нормы в силу общего упадка речевой культуры грамотности (хотя и примеры последнего тоже встречаются часто). Именно к ним как нельзя лучше подходит емкое словесное обозначение, предложенное Ю.Д. Апресяном – «языковые аномалии как точки роста новых явлений».

Согласно развиваемой теории аномальности, похоже, что самой системой языка в каком-то смысле предусмотрены не только модели реализации ее системных закономерностей, но и модели порождения аномалий разного типа (т.е. в области языковой аномальности тоже есть своя системность). При этом практически любой аномалии может быть приписан рационально интерпретируемый смысл, что вытекает из сформулированного нами принципа идиом атичности рецепции аномалий. Поэтому значительная часть языковых аномалий в среде Интернет-коммуникации, будучи системообразующим фактором, раздвигает границы ее возможностей.

Стоит также отметить, что для настоящего времени характерна унификация речевой практики. Тому есть серьезные социальные причины - распространение образования и возросшая роль средств массовой информации. На этом общем фоне и протекает процесс нормализации.

Особенно заметны такие тенденции: сближение норм письменной и устной речи, а также книжных и разговорных стилей при сохранении их принципиальной дифференцированности; рост вариантности языковых средств в пределах нормы; дифференцированность нормы применительно к разным речевым ситуациям; ослабление нормы в сторону ее демократизации.

В целом проблема языковой аномальности в аспекте виртуального жанроведения представляется актуальной как для развития теории языковой нормы, так и для разработки вопросов теории речевых жанров, что открывает новые направления в развитии лингвистики.

Список литературы:

1. Радбиля Т.Б. «Языковые аномалии в художественном тексте» [электронный ресурс] – Режим доступа. - URL: <http://www.dissercat.com/content/yazykovye-anomalii-v-khudozhestvennom-tekste>
2. Усачева О.Ю. К вопросу о жанровых характеристиках русскоязычного Интернет-дискурса// Славянские языки и современные средства массовой коммуникации. 2009.

КОНЦЕПТ «ПОРЯДОК» В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ: К ПРОБЛЕМЕ ЕГО «ВНУТРЕННЕЙ ФОРМЫ»

Нечаева Наталья Викторовна

соискатель, АлтГПА, г. Барнаул

E-mail: natalialoktionova@yahoo.de

Концепты обладают сложной структурой, так как они состоят из «слоев» (компонентов), к которым мы вслед за Ю.С. Степановым относим:

1. Основной актуальный признак.
2. Дополнительный или несколько дополнительных «пассивных» признаков.
3. Внутреннюю форму, обычно вовсе не осознаваемую, запечатленную во внешней, словесной форме [2 с. 44].

Целью настоящей статьи является определение того, когда, на основе какой словообразовательной модели, на базе какого языкового материала, в какой форме и с каким значением возникло в немецком языке имя концепта, которое объективируется лексемой „Ordnung“.

Для проведения этимологического анализа имени концепта „Ordnung“, нами был использован ряд этимологических словарей и исторических лексиконов немецкого языка: Deutsches Wörterbuch von Jacob und Wilhelm Grimm 1991; Deutsche Wortgeschichte / hrsg.von Friedrich Maurer 1989; Etymologisches Wörterbuch des Deutschen 1993; Woher? : ableitendes Wörterbuch der deutschen Sprache 1948; Wörter und Namen gleicher Herkunft und Struktur 2004.

На основе комплексного анализа словарных данных была установлена этимологическая связь исследуемой лексики „Ordnung“ с лексемами „ordnen“ и „Orden“, что дало позволило дополнить сведения об историческом развитии исходной лексики „Ordnung“.

Как показывают данные словарей лексики „Orden“ и „ordnen“ относятся к пласту заимствованных слов, которые появились до 1500 года (во времена древневерхнемецкого и средневерхнемецкого периодов развития языка). Однако с точки зрения современного состояния языка они не воспринимаются носителями языка как иностранные слова [7, с. 356].

Глагол „ordnen“ был заимствован приблизительно в девятом столетии [8, с. 401] и восходит к латинскому глаголу „ordinare“, означавшему „in Reihen anplätzen, in Reihe und Glied aufstellen, regeln, in ein Amt einsetzen“ [6, с. 243], который в свою очередь был образован в латинском языке от существительного „ordo“ (Gen. ordis) –

„Reihe(nfolge), Glied, Stand, Ordnung, Regel“ [Там же]. В древневерхнемецком этот глагол перешел в форме „ordinon“ со значением: „in Reihenfolge stellen, gehörig nach und nebeneinander, in äußerliche innerliche O. bringen, regelrecht machen, behandeln, einrichten“ [3, с. 1236], „anordnen, einreihen, einteilen, ordnungsgemäß erfüllen“ [6, с. 243].

Заимствование данного глагола было обусловлено распространением религии, латино-христианским давлением, в связи с чем первичная сфера его употребления была также религиозной, однако позднее глагол вошел в словарь общей лексики древневерхнемецкого языка [4, с. 423].

Несколько позже (приблизительно в 1000 году) в немецком языке от данного глагола было образовано существительное „ordinunga“ (Ordnung) из основы „ordin-“, и суффикса „-unga“. Какое значение, помимо грамматического значения женского рода, «внес» данный суффикс в семантику производного существительного „ordinunga“, мы находим в некоторых специальных работах.

Так, с одной стороны, исторически еще во времена древних германцев имя главы рода оформлялось так называемым патронимическим суффиксом *-ung* (суффиксом «отчества»), которое, как правило, закреплялось за названием всего рода или племени, напр.: Валисунги – люди коникунга Валиса, т.е. данный суффикс нес в себе признак главенства, ведущей роли, правящей роли [1, с. 12].

С другой стороны, в работе Маура и Штро мы находим еще одно толкование значения данного словообразовательного суффикса во времена средневековья, а именно: как средство мистификации, когда мистике уделялось очень большое внимание, особенно в поэзии, а субстантивированный инфинитив якобы указывал на ее (мистики) действие [3, с. 233].

Перейдем далее к анализу значения лексемы „Ordnung“, которое она имела в древневерхнемецком периоде.

Как показывают данные словарей, исходной форме „ordinunga“ соответствовало только одно значение: „Reihe(nfolge)“ [7, с. 403]. Ср.:

ahd. Ordenunga (disposio) gotis

Von dinero ordinunga weret der tac

Ordinatione tua perseverat dies [3, с. 1322]

В связи с этим можно отметить, что частота и сфера употребления данной лексемы в древневерхнемецком периоде были более ограниченными по сравнению с современным периодом немецкого языка. Это, однако, на наш взгляд, не было связано с нераспространенностью, ограниченностью (в содержательном плане)

или неважностью имени концепта как такового, а скорее, с тем, что для именования данного концепта (точнее репрезентации всего объема его семантики) использовались другие лексические единицы, такие как:

1) „ordena-ordina“ (Orden) – существительное, заимствованное также из латинского языка приблизительно в 1000 году [4, с. 343] – позже, чем глагол *ordinon*. Время его заимствования совпадает со временем образования существительного „ordinunga“. „Ordена-ordina“ от латинского *ordo (ordinis)*, которое означало в латинском языке „Reihe(nfolge), Ordnung, Regel“ и указывало на определенные правила, по которым жили люди [6, с. 402]. Значение „Reihe(nfolge), Ordnung, Regel“ было достаточно общим, поэтому изначально данное слово характеризовалось достаточно частым и свободным употреблением. Однако с течением времени оно приобрело свою специальную сферу употребления и его значение сузилось до: „Bezeichnung für bestimmte christliche später auch weltliche Gemeinschaften und Bruderschaften verbindlichen (Ordens)regeln und danach zur Bezeichnung dieser Gemeinschaften selbst. Heute auch Ehrenzeichen, Auszeichnung. Nach den Ordenszeichen, die die Mitglieder zur Ehre des Ordens trugen“ [7, с. 402]. Во всех остальных случаях в современном языке используется также лексема „Ordnung“. На исходное значение лексемы “Orden” указывает производное прилагательное „ordentlich“, которое было образовано от „ordina (ordena)“ в форме „ordinlihho“ – „nach der Ordnung, in gehöriger Reihenfolge“ [4, с. 343].

2) „Polizei“ - существительное, заимствованное в 15 веке [3, с. 414] со значением „Ordnung, Regime eines Staates“ из латинского языка „*politia (Policia)* – Staatsordnung, Verfassung, Verwaltung“. Однако к 18-му столетию происходит метонимический перенос на обозначение „Organ, das die öffentliche Ordnung und Sicherheit gegebenenfalls auch zwangsweise zu gewährleisten hat und damit der Aufrechterhaltung der bestehenden Gesellschaftsordnung dient“ [Там же]. Для передачи первоначального значения “(Staats)ordnung“ в настоящее время также используется базовая лексема „Ordnung“.

Как и все в языке, эти процессы происходили не мгновенно, а явились результатом длительного исторического развития. И по мере того, как значение лексем „orden“ и „polizei“ сужались, расширялась содержательная область и сферы употребления лексемы „Ordnung“.

Уже в средневерхнемецком мы можем наблюдать расширение ее значения: помимо изначального „Reihe(nfolge)“ в древневерхнемецком добавляется значение „Anordnung, Regel, Vorschrift, Einrichtung, Lebensweise“ [Там же].

Гримм указывает на два дополнительных значения:

1) „Regelmäßige oder gesetzmäßige Einrichtung, geregelter Zustand. In Bezug auf den Staat, Kirche und Gesellschaft“, Ср.:

So we dir tiuschin zunge (deutsches Volk)

Wie stet din ordenunge

Minne also verderben Neidhart

2) „In Bezug auf Lebensweise“, Ср.:

wir müüsten iemer anders

des wilden salamanders

ordenunge triben (leben wie der Salamander) [3, с. 1323].

Резюмируя сказанное, отметим, что базовая лексема „Ordnung“ уходит корнями в 1000 год и была образована во времена древневерхнемецкого периода от глагола „ordinon“ путем прибавления к основе „ordin“ суффикса „unga“. Первоначальное значение лексемы „Reihe(nfolge)“ послужило основой для развития современных значений исследуемой лексемы.

Стоит также подчеркнуть, что это первоначальное значение лексемы „ordinunga“ практически полностью совпадает со значением заимствованной лексемы „ordo“ („Reihe(nfolge, Regel, Ordnung“), от формы родительного падежа которой был образован глагол „ordinare“, который был заимствован как глагол „ordinon“. Это движение по кругу можно изобразить схематически (Схема 1).

Что касается значения лексемы „ordinunga“ (mhd. Ordenunga, fnhd ordnung, jetzt Ordnung), оно постепенно расширялось, что было связано как с развитием значений самой лексемы, так и с изменением содержательной базы лексем „orden“ и „polizei“ (сужением значения последних).

Позднее существительное „Ordnung“ послужило основой для возникновения в языке полисемических существительных „Anordnung“ (расположение; распоряжение; установка; инструкция; приказ) и „Verordnung“ (предписание; постановление; директива), которые в ряде употреблений совпадают с лексико-семантическими вариантами лексемы „Ordnung“, т.е. выступают в роли ее синонима.

Подводя итог **этимологическому анализу**, выделим исходные значения базовой лексемы „Ordnung“ – Reihe(nfolge), Regel, Staatsordnung, которые послужили основой для развития современных лексико-семантических вариантов изучаемой лексемы (Схема 2.).

Таким образом, в современном немецком языке базовая лексема имеет те же значения, однако они обнаруживают иной порядок следования, что можно представить на примере дефиниций словаря серии Дуден. Ср.:

Ordnung, die: 1. (o.Pl.) durch Ordnen (1) hergestellter Zustand; das Geordnetsein, ordentlicher, übersichtlicher Zustand. 2. (o.Pl.) das Ordnen. 3. (o.Pl.) a) geordnete Lebensweise; b) Einteilung der Disziplin, bestimmter Regeln im Rahmen einer Gemeinschaft; c) auf bestimmten Normen beruhende u. durch den Staat mittels Verordnungen, Gesetzsetzung o.Ä. durchgesetzte und kontrollierte Regelung des öffentlichen Lebens. 4 (o.Pl.) a) Gesellschaftsordnung; b) Gesetz. 5.a) (o.Pl.) Art und Weise wie etw.geordnet, geregelt ist; Anordnung; b) Formation. 6. (Biol.) größere Einheit die aus mehreren verwandten Tier- oder Pflanzenfamilien besteht. 7. (o.Pl.) (Math.) Bestimmung mathematischer Größen, die nach bestimmten Einteilungen gegliedert sind. 8. (Mengenlehre) Struktur einer geordneter Menge. 9. (o.Pl.) bestimmte Stufe einer nach qualitativen Gesichtspunkten gegliederten Reihenfolge [6, c. 1241].

Таким образом, в современном немецком языке в повседневном употреблении на первое место выходит второе исходное значение исследуемого концепта („Regel“ – „geregelter Zustand“) - являясь наиболее общим, но вбирающим в себя все базисные признаки исследуемого концепта. Лексема „Ordnung“ в значении „Reihe(nfolge)“ более употребительна в сфере точных наук (математика, биология) – хотя и здесь мы можем наблюдать присутствие прототипической семы «упорядоченное состояние», поскольку любой ряд элементов, предполагает их упорядоченность. Все перечисленное дает нам основание полагать, что в основе концепта лежит именно значение „geregelter Zustand“, которое является исходной прототипической моделью основного значения слова, инвариантом всех значений слова, и, соответственно, соотносится с центральной зоной концепта.

Схема 1

Последовательность изменения материальной формы базовой лексемы.
Порядок следующий: *ordo*→ *ordinare* → *ordinon*→ *ordinunga*

Latein	Althochdeutsch
<u>ordo</u> (Gen. ordinis) <u>Reihe(nfolge)</u> От него (формы родительного падежа) образован глагол ↓	<u>ordin+unga = ordinunga</u> <u>Reihe(nfolge)</u> ← приблизительно равно
<u>ordin + are =ordinare</u> <u>in Reihen anplatzen,</u> <u>regeln, anordnen.</u> Этот глагол заимствован в древневерхнемецкий язык →	От глагола образовано существительное ↑ <u>ordin + on = ordinon</u> <u>in Ordnung bringen,</u> <u>anordnen, einreihen</u>

Схема 2.

Исходные значения базовой лексемы „Ordnung“ и ее лексико-семантические варианты в современном языке.

Исходное значение Лексемы „Ordnung“	Лексико-семантические варианты современной лексемы „Ordnung“
1. Reihe(nfolge)	1) Reihe, Grad, Qualität, Stufe 2) Ordo, Reihe (biolog.) 3) Prinzip, Art und Weise 4) Mathematische Reihe
2. Regel	1) Regel, Vorschrift 2) Geregelter Zustand 3) So das der Vorschrift entspricht, gut, richtig, zufrieden
3. Staatsordnung	1) Gesellschaftsordnung 2) Ruhe, Zucht, Gehorsam, Disziplin

Список литературы:

1. Арсеньева М.Г., Балашова С.П., Берков В.П. и другие Введение в германскую филологию. [Текст] / Арсеньева М.Г., Балашова С.П., Берков В.П. и другие. - М., 2003. – 314 с.
2. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. Опыт исследования. [Текст] / Степанов Ю.С. - М.: Школа "Языки русской культуры", 1997. – 824 с.
3. Deutsches Wörterbuch von Jacob und Wilhelm Grimm. Band 13. – München: Deutscher Taschenbuchverlag, 1991. – 2386 S.
4. Deutsche Wortgeschichte / hrsg.von Friedrich Maurer - Berlin : de Gruyter. - (Grundriss der germanischen philologie , ...) 1989. – 580 S.
5. Duden: Deutsches Universalwörterbuch. Mannheim [u.a.] Dudenverlag, 2006. – 2016 с.
6. Etymologisches Wörterbuch des Deutschen / erarb. im Zentralinstitut für Sprachwissenschaft, Berlin unter Leitung von Wolfgang Pfeifer. - Berlin: Akademie-Verl.. 1993. – 356 S.
7. Wasserzieher E. Woher? : ableitendes Wörterbuch der deutschen Sprache - Bonn : Dümmler, 1948. – 418 S.
8. Wörter und Namen gleicher Herkunft und Struktur : Lexikon etymologischer Dubletten im Deutschen / Boris Paraskewow. - Berlin [u.a.] : de Gruyter, 2004. – 437 S.

ПРОБЛЕМА КОММУНИКАТИВНЫХ СТРАТЕГИЙ И ТАКТИК В КИНОДИСКУРСЕ

Самкова Мария Андреевна

аспирант ЧелГУ, г. Челябинск

E-mail: _degi_@mail.ru

Разнообразные коммуникативные стратегии и тактики могут быть использованы в нескольких сферах жизни. Лучше всего коммуникативное воздействие изучено в политической и рекламной сфере. Помимо этого, коммуникативные стратегии играют значительную роль в судопроизводстве и психотерапии. Очевидно, что коммуникативное воздействие эффективно во всех видах словесных искусств – литературе, кинематографе. Но именно в последнем продуктивность коммуникативных стратегий и тактик мало изучена.

Кроме того, существует такая проблема, как отсутствие единой классификации стратегий и тактик, недостаток четких и однозначных определений. По мнению О.С. Иссерса, «исчерпывающая классификация частных стратегий представляется весьма затруднительной в силу многообразия самих коммуникативных ситуаций» [5, с. 18].

Мы рассмотрели несколько точек зрения на понятия «стратегия» и «тактика» (Борисова И.Н., Иссерс О.С., Ключева Е.В., Костомарова В.Г., Романов А.А.). Проанализировав данные точки зрения, мы пришли к выводу, что **стратегию** можно определить как совокупность вербальных и невербальных средств, соотносимых с планом достижения коммуникативной задачи и локальных коммуникативных целей, а **тактику** – как конкретные пути и способы достижения поставленных коммуникативно-прагматических целей, способствующие реализации стратегии [1, с 3].

О.С. Иссерс считает, что основной целью описания стратегий является выделение типовых тактик, реализующих ту или иную стратегию. «Именно тактики производят впечатление действительно доступных изучению единиц – по-видимому, они и являются практическим инструментом говорящего» [5, с 20]. Он также выделяет класс прагматических (коммуникативно-ситуационных) стратегий, к которым относятся: с типологической точки зрения - общие и частные стратегии; с функциональной точки зрения - основные (семантические, когнитивные) и вспомогательные стратегии. Общая стратегия обычно реализуется через частные (так, например, общая стратегия дискредитации реализуется в частных стратегиях обвинения,

оскорбления, насмешки). Основная стратегия является наиболее значимой с точки зрения иерархии мотивов и целей. Вспомогательная стратегия способствует эффективной организации речевого взаимодействия, оптимальному воздействию на адресата.

Другие исследователи предлагают разделять стратегии на основании таких критериев, как сотрудничество, соперничество и конфликт. Исходя из этого, стратегии могут быть кооперативными и некооперативными. К кооперативным стратегиям относят: информативную стратегию, которая, в основном, реализуется посредством тактик установления, поддержания и прерывания речевого контакта, тактик запроса информации и информирования. Кроме того, существует аргументативная стратегия, которая реализуется через тактики генерализации, проведения аналогии, ссылки на авторитет, противопоставления, описания позитивной перспективы, поэтапной мотивации. И побуждающая стратегия, которая воплощается через тактики непосредственной или скрытой каузации. Стратегия компромисса осуществляется тактиками убеждения, проявления сочувствия, внимания, согласия. В рамках некооперативных стратегий выделяют стратегию конфронтации, которая реализуется как манипулятивное давление тактиками отказа от действия, упрёка, угрозы, проявления неуважения; как речевая агрессия – тактиками оскорбления, намека, иронии, угрозы и другие.

В качестве принципа данной классификации коммуникативных стратегий и тактик выступает основание, которое учитывает направленность сообщения на партнера по коммуникации или против него. Некоторые же исследователи учитывают также случаи игнорирования собеседника и добавляют к стратегиям кооперации и конфронтации стратегию дистанцирования, в соответствии с нейтральной направленностью сообщения [4, с. 13].

Выбор тех или иных коммуникативных стратегий и тактик позволяет говорить о наличии у коммуниканта определенного коммуникативного стиля (доминантный, демонстративно-эмоциональный, абстрактно-лаконичный, адаптирующийся, поучительный, ироничный). Например, доминантный коммуникативный стиль характеризуется частым употреблением стратегий и тактик требования ответа, приказов; демонстративно-эмоциональный стиль – использованием разных тактик одобрения и восхищения, позитивно и негативно настроенных обращений, сопровождающихся выражением позитивных и негативных эмоций; абстрактно-лаконичному стилю соответствует использование

стратегий и тактик негативной самопрезентации, краткого ответа, отстраненности, нейтральности [3, с. 81].

В данной статье нас интересуют те стратегии и тактики, которые присущи кинодискурсу, в частности, научно-популярным фильмам.

Для этого подробнее рассмотрим отдельный жанр кино – документальный, научно-популярный фильм. По мнению известного кинодокументалиста Хью Бедли «Задача документального кино – рассказать нам о мире, в котором мы живём» [2, с. 7]. Научно-популярный фильм – это жанр кинодокументалистики, задачей которого является обнародовать научные сведения, факт и результаты исследований, описать на уровне общих понятий научные гипотезы, идеи, открытия, взгляды. Научно-популярные фильмы могут касаться как уже хорошо изученных вопросов, так и находящихся в процессе разработки, «на острие» науки. Таким образом, научно-популярные фильмы также популяризируют (пропагандируют) зрителям научный подход для восприятия окружающей действительности.

В научно-популярном фильме могут использоваться данные нескольких наук. Однако, среди них одна является основной, а остальные – дополняющими (аргументирующими и оппонирующими). Предметом такого фильма может быть и междисциплинарная полемика.

Существует несколько видов научно-популярных фильмов: научно-публицистические очерки, фильмы-дискуссии и фильмы-исследования, рассказывающие о путях развития науки, о специфике научного творчества, о стиле работы того или иного исследователя.

Автор научно-публицистических фильмов, как правило, активно отстаивает свои взгляды на те или иные явления, происходящие в науке, размышляет о значении конкретного научного открытия, о его месте в общей картине мира.

Научно-популярные фильмы сосредотачивают внимание на научной стороне мышления, на достижениях наук и вырабатывают научный подход к жизни.

Итак, научно-популярные фильмы выполняют ряд задач:

- популяризация науки,
- распространение знаний,
- воспитание научного мировоззрения,
- пропаганда.

Создатели изучаемых нами научно-популярных фильмов *Секрет*, *Кроличья нора*, *Здесь курят*, *Дух времени* и сериалов *Теория*

лжи, Доктор Хаус преследуют следующие коммуникативно-прагматические цели:

- изменение взглядов адресата,
- убеждение в приемлемости определенных положений,
- доказательство истинности обсуждаемого понятия,
- контроль за сознанием адресата с целью внесения

возможных изменений в его модель мира.

По нашему мнению, все вышеперечисленные цели соответствуют одной стратегической цели – осуществлению убеждающего воздействия. Достигается эта цель благодаря следованию различным тактикам, которые необходимы для использования достоверных, непротиворечивых аргументов, их последовательному и логичному представлению, наличию явной логической связи между доводами и тезисом. Проведенный нами анализ англоязычных научно-популярных фильмов позволяет утверждать, что в кинодискурсе можно выделить одну общую коммуникативную стратегию осуществления воздействия, для реализации которой необходимо использовать ряд тактических приемов, выполняющих различные коммуникативно-прагматические функции и характеризующихся своими языковыми реализациями.

Рассмотрим выделенные нами коммуникативные тактики, присущие кинодискурсу, а также их возможные лингвистические указатели. Для увеличения потенциала сообщения создатели научно-популярных фильмов прибегают к тактическим приемам ссылки на авторитет и обращения к личным примерам, статистике, результатам исследований: например, фильм *Секрет* построен на высказываниях авторитетных источников – ученых. В данном случае мы наблюдаем, что создатели фильма ссылаются на конкретных исследователей (философ Bob Proctor, целитель Bill Harris, доктор физики Fred Alan Wolf). При этом использование цитат делает аргументацию более сильной. Стоит заметить, что ссылка на авторитетное мнение или цитирование экспертов используется с целью поддержать и сделать весомее пропагандируемую мысль. Часто создатели научно-популярных фильмов выражают тезис и обосновывают его, но делают это без выражения субъективной точки зрения, а лишь ссылаясь на третьих лиц.

В отношении тактического приема, когда приводятся конкретные примеры, статистические данные и цифры, можно утверждать, что все эти данные делают аргументацию более наглядной и убедительной.

Также для большей убедительности создатели кино прибегают к демонстрации примеров невербальной коммуникации, как, например, в сериале *Теория лжи*:

– Он задрал подбородок, – сказал Лайтман. – Злится. – Сильно, – кивнула Фостер. – Он должен быть в восторге, почему же он втайне злится?

– Я замечаю лжецов, ты у нас отвечаешь за чувства и эмоции, – резюмировал Лайтман.

Благодаря тактике компромисса создатели могут частично признавать приемлемость обговариваемого вопроса, что делает их более дипломатичными, несмотря на то, что своей точки зрения при этом они не меняют: «У каждого есть право выбора. Все мы знаем, что курить вредно, но курить или не курить, покупать ванильное мороженое или шоколадное - это наш выбор» (*Здесь курят*).

В целях создания впечатления непринужденной беседы, разговора с адресатом прямую, подготовки его к восприятию представленной информации создатели научно-популярных фильмов часто прибегает к тактическим приемам интимизации, то есть непосредственного обращения к адресату, и консолидации, выполняющих контактоустанавливающую функцию. Употребление личного местоимения Вы указывает на использование тактики интимизации: «А теперь с тайной познакомьтесь и Вы!» (*Секрет*).

Иногда, чтобы усилить аргументативную силу послания, создатели могут использовать тактику вывода, которая может реализовываться посредством употребления вводных слов - итак, таким образом, иными словами, следовательно: «Таким образом, мы невольно приобщаемся к мировой культуре, к мудрости, которая накапливалась веками» (*Дух времени*)

Подводя итоги, следует указать, что обзор существующих коммуникативных стратегий и тактик показал, что единой, исчерпывающей классификации стратегий и тактик не существует: стратегии либо дополняют друг друга, либо различаются в зависимости от критерия, положенного в их основу.

Проведенный анализ показал, что для реализации данной стратегии создатели научно-популярных фильмов прибегает к целому набору разнообразных тактических приемов:

- использование образа авторитетного лица,
- обращение к примерам и статистике,
- демонстрация примеров невербальной коммуникации,
- создание видимости компромисса,
- непосредственного обращения к адресату,

- представление вывода.

Таким образом, выбор того или иного коммуникативного приема зависит от многих факторов: коммуникативно-прагматических целей создателей фильма, от социально-ролевых, профессиональных, психологических и других характеристик как адресанта, так и адресата, и, безусловно, от коммуникативной ситуации.

Список литературы

1. Богачева М.В. Аргументативная коммуникативная стратегия и тактические приемы ее реализации в русском языке. Вестник Днепропетровского национального университета имени Олеся Гончара 2010 – 9 с. [Электронный ресурс] – Режим доступа. - URL: http://www.nbu.gov.ua/portal/natural/vdpu/Movozn/2010_16/article/9.pdf
2. Бэдли Х. Техника документального кинофильма: пер. с англ. [Текст] / Х. Бэдли – М.: Искусство, 1972 – 240 с.
3. Горячев А. А. Опыт моделирования речевого воздействия в рекламе // Коммуникативные исследования 2006: Научное издание / Науч. ред. И.А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2006. – С. 80–85
4. Жданова Е.В. Взаимодействие речевых стратегий и психолингвистического типажа коммуникантов (на материале русской и английской литературы конца XIX в.– конца XX в.): автореф. дис. на соиск. уч. степ. канд. филол. наук [Текст] / Е.В. Жданова – Краснодар, 2008. – 24 с.
5. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи [Текст] / О.С. Иссерс – Омск, 1999. – 284 с.
6. Певнева И.В. Коммуникативные стратегии и тактики в конфликтных ситуациях общения обиходно-бытового и профессионального педагогического дискурсов русской и американской лингвокультур: автореф. дис. на соиск. уч. степ. канд. филол. наук. Кемерово, 2008 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.kemsu.ru/%5Cabout%5Cdissov%5C1%5Cpevneva.doc>.
7. Романов А.А. Системный анализ регулятивных средств диалогического общения [Текст] / А.А. Романов – Калинин: КГУ, 1988. – 115 с.

КОМПЕТЕНТНОСТНО-ДЕЯТЕЛЬНОСТНЫЙ ПОДХОД В ОБУЧЕНИИ БУДУЩЕГО СПЕЦИАЛИСТА ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В НЕЯЗЫКОВОМ ВУЗЕ

Сбитнев Константин Валерьевич

преподаватель Курской ГСХА, г. Курск

E-mail: ksbitnev@yandex.ru

В современных условиях вопросы обучения иностранным языкам звучат особенно остро.

Компетентностный подход к обучению иностранным языкам представляется нам одним из приоритетных направлений модернизации образования в целом, т.к. он в полной мере позволяет развивать личность учащегося.

Разрабатываемый в настоящее время компетентностно-деятельностный подход (КДП) предполагает заменить систему обязательного формирования знаний, умений и навыков набором компетентностей (комплексом компетенций), которые будут формироваться у студентов на основе обновленного содержания и в процессе их деятельности. Следовательно, можно сказать, что именно КДП является тем новым подходом к построению профессионального образования и обучения, с позиций которого будет осуществляться модернизация образования. Сущность КДП заключается в том, что в центре обучения находится сам студент, и, что на основе обновлённого содержания образования будет формироваться его компетентность (компетентности или комплекс компетенций), а процесс освоения отобранного содержания будет носить деятельностный характер. Соответственно, технологии обучения будут направлены на формирование у будущего специалиста способностей осуществлять различного вида деятельности, причем, в процессе осуществления деятельности студент будет осваивать всё новые компетентности.

Основы компетентностно-деятельностного подхода были заложены в психологии работами Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева, С.Л. Рубинштейна, Б.Г. Ананьева, И.А. Зимней, где личность рассматривалась как субъект деятельности, которая сама, формируясь в деятельности и в общении с другими людьми, определяет характер этой деятельности и общения. Профессиональная компетентность формируется в процессе профессионально-ориентированного обучения и имеет деятельностный характер. Данное профессиональное качество динамично и, будучи однажды сформированным, нуждается в постоянном развитии и совершенствовании. В современных

условиях, когда студенты ежедневно сталкиваются с большим количеством информации, необходимо снабдить их навыками обработки данной информации. Помочь в вопросе совершенствования образовательного процесса в этом направлении призван компетентностный подход.

В качестве основных аспектов рассматриваемого подхода (как следует из его названия) необходимо выделить деятельностный и компетентностный компоненты.

В 70-е годы XX века идея и термин «компетентности» широко использовались в США и ряде стран Европы в связи с проблемой индивидуализации обучения. Тогда эта идея была весьма проста: нельзя ограничиваться в обучении основами наук и соответствующими методами обучения, необходимо развивать все уровни межличностных отношений. Сегодня совершенно очевидно, что знания не передаются, а получают в процессе личностно-значимой деятельности. Сами знания, без определенных навыков и умений их использования, не могут решить проблему образования и подготовки студента к его будущей профессиональной деятельности. Следовательно, целью образования становятся не просто знания и умения, а определенные качества личности, формирование ключевых компетенций

(компетентностей), которые должны подготовить студентов к жизни в обществе.

Первоначально термин компетенция (от лат. *competentis* — быть способным) [1, с. 167] по Н. Хомскому обозначал систему внутренне присущих говорящему правил функционирования языка, точнее, его способность понимать и продуцировать неограниченное число правильных в языковом отношении предложений с помощью усвоенных языковых знаков и правил.

Затем в зарубежной, а позднее и в отечественной методике обучения ИЯ появился термин «коммуникативная компетенция», смысл которого в том, что высказыванию присущи свои правила, которым подчиняются правила грамматики, и усвоение которых обеспечивает способность пользоваться языком в процессе коммуникации. Другими словами, под коммуникативной компетенцией стали понимать «способность решать средствами иностранного языка актуальные задачи общения в бытовой, учебной, производственной и культурной жизни; умение пользоваться фактами языка и речи для реализации целей общения» [6, с. 109]. Обучение иностранным языкам в соответствии с основными положениями КДП носит деятельностный характер, поскольку речевое общение

осуществляется посредством речевой деятельности, которая, в свою очередь, служит для решения задач продуктивной человеческой деятельности в условиях «социального взаимодействия» общающихся людей (И.А. Зимняя, Г.А. Китайгородская, А.А. Леонтьев). Участники общения пытаются решить реальные и воображаемые задачи совместной деятельности при помощи иностранного языка. Деятельностная сущность компетентностно-деятельностного обучения иностранным языкам реализуется через «деятельностные» задания, приемы и упражнения.

Разработка компетентностного подхода к обучению иностранному языку, с помощью которого можно охарактеризовать результаты обучения на языке компетенций, является значимым условием понимания важности гуманитарных дисциплин в сфере высшего образования.

В данной статье автор разделяет точку зрения Тер-Авакян И.В. на особую значимость компетентностно-деятельностного подхода в обучении иностранному языку.

По словам Тер-Авакян И.В., «конечной целью языкового обучения в рамках компетентностного подхода должно стать развитие коммуникативных способностей студентов на основе формирования ряда компетентностных (деятельностных) умений в области коммуникации» [2, с. 3].

Тер-Авакян И.В. считает, что «основу этих умений в общем виде составляют:

- результаты усвоения учебной информации (знаний);
- навыки мыслительной деятельности и их глубина (узнавание и распознавание, способность к анализу, синтезу, обобщениям, отделению существенных признаков от несущественных, широта переноса знаний);
- активно реализуемая способность применять имеющиеся знания в ходе репродуктивной, реконструктивной или вариативной типов деятельности» [3, с. 3].

По мнению Тер-Авакян И.В., применительно к вопросу обучения иностранным языкам «эти умения дополняются: а) результатами усвоения базового минимума лингвистических знаний; б) способностью осуществлять коммуникативную деятельность в устной форме и письменной форме; в) навыком управлять процессом коммуникации, моделируя и модифицируя ее режимы и форматы с учетом собственных коммуникативных намерений, социально-психологических и профессиональных

характеристик партнера по коммуникации, а также условий контекстуального и ситуативного характера» [4, с. 4].

В соответствии с точкой зрения Тер-Авакян И.В. «опора на системность оптимизирует процесс усвоения новой информации. В приложении к процессу языкового обучения, это проявляется в том, что студенты в ходе обучения могут:

- приобрести целостное представление о природе и сущности языка как лингвистическом феномене и средстве коммуникации;
- объединить языковые знания в единую, иерархически упорядоченную систему;
- рассматривать языковые явления через призму их носителей (единиц языка и текста) с точки зрения выполнения ими определенных коммуникативных функций.

Сам факт овладения системой языковых знаний способствует... формированию общенаучного и обогащению мировоззренческого сознания; поддерживает развитие когнитивных и аналитических способностей и... способствует совершенствованию функциональной грамотности в области родного языка» [5, с. 4-5].

Исходя из содержания статьи, можно сделать следующие выводы:

- компетентность — это деятельностная категория, которая проявляется только в определенной деятельности;
- быть компетентным - означает быть способным (уметь) мобилизовать полученные знания и опыт в той или иной ситуации;
- компетентность не сводится к знаниям или навыкам, она включает их в себя, так как последние и есть формы проявления компетентности на разных этапах её формирования;
- значительную роль в проявлении компетентности играет конкретная ситуация, в разных обстоятельствах человек может проявить (или не проявить) свою компетентность; непроявленная компетенция — не является компетенцией;
- формирование компетентности — процесс, который в принципе никогда не заканчивается;
- природа компетентности такова, что она может проявляться только при условии глубокой личностной заинтересованности человека в данном виде деятельности;
- значимым фактором формирования компетентности является образование.

Список литературы:

1. Дворецкий, И.Х. Латинско-русский словарь / И.Х. Дворецкий. – 11-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз. – Медиа, 2008. – 843 с.
2. Тер-Авакян И.В. Компетентностная модель языкового обучения в техническом вузе. [электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: <uploads/materials...> (дата обращения: 19.04.11)
3. Тер-Авакян И.В. Компетентностная модель.... [электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: <uploads/materials...> (дата обращения: 19.04.11)
4. Тер-Авакян И.В. Компетентностная модель... [электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: <uploads/materials...> (дата обращения: 19.04.11)
5. Тер-Авакян И.В. Компетентностная модель... [электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: <uploads/materials...> (дата обращения: 19.04.11)
6. Щукин, А.Н. Лингводидактический энциклопедический словарь: более 2000 единиц / А.Н. Щукин. – М.: Астрель: АСТ: Хранитель, 2008. – 746 с.

К ВОПРОСУ ОПРЕДЕЛЕНИЯ КАТЕГОРИИ ИНТЕНСИВНОСТИ

Сидорова Татьяна Николаевна

аспирант кафедры английской филологии РГПУ им. А.И. Герцена,

ассистент кафедры английского языка ВГПУ, г. Вологда

E-mail: sidorova708@yandex.ru

Статус категории интенсивности является одной из дискуссионных проблем современной лингвистики.

Категория интенсивности имеет двойственную природу. С одной стороны, она имеет онтологический статус как категория, лежащая в рамках количественных отношений, т.е. характеризуется наличием внеязыкового референта. С другой стороны, получая характер выделенности, она переключается на коннотативный уровень языка и речи [10, с. 38], взаимодействуя с такими субъективно-прагматическими категориями, как экспрессивность, эмотивность, оценочность.

В широком смысле слова под интенсивностью сегодня понимается количественное изменение признака.

Такое определение интенсивности восходит к Ш. Балли, который считал, что «под термином интенсивность следует понимать все различия, сводящиеся к категориям количества, величины,

ценности, силы и т.п., вне зависимости от того, идет ли речь о конкретных представлениях или об абстрактных идеях» [1, с. 202].

С категорией количества связывает интенсивность и Л.Я. Герасимова, полагаящая, что интенсивность – это «выражение усиленности, то есть один из видов количественной характеристики признака, процесса» [4, с. 17].

Это же явление И.И. Сущинский называет «потенцированием» (от немецкого *potenzieren*) и определяет его, вслед за В. Матезиусом и И.И. Убиным, как «семантическую категорию, отражающую определенную часть объективно существующих количественных градаций» [11, с. 3].

По определению Е.И. Шейгал, «категория интенсивности, обозначая приближенную количественную оценку качества, является частным проявлением категории количества, а именно той ее стороны, которая характеризуется как недискретное (неопределенное) количество...» [15, с. 6]

Во всех этих определениях авторы связывают интенсивность с мерой количества, количественной характеристикой признака. Подобную трактовку находим у И.И. Туранского, который под интенсивностью понимает «семантическую категорию языка, в основе которой лежит понятие градации количества в широком смысле этого слова». Согласно его определению, интенсивность – это «количественная мера оценки качества, мера экспликативности, показатель содержания коммуникации». Но с позиции исследователя-лингвиста, интенсивность – это мера количества экспрессивности, мера «эмоциональности, оценочности, сигнализирующая градуальность» [13, с. 3].

Как отмечает Е.И. Шейгал, «категория интенсивности находится на пересечении категорий количества (неопределённого, недискретного количества) и качества (поддающегося количественной оценке)». При этом «в рамках субкатегории неопределённого количества интенсивность следует отделять от параметрических величин типа «глубокий», «тяжёлый» и квантификаторов (все, много, мало и др.). Интенсивность является признаком признака (признаком второй ступени), тогда как квантификаторы и параметрические величины есть признаки первой ступени и могут выступать как непосредственные признаки вещей. Будучи признаком признака, интенсивность выражает приближенную количественную оценку градуируемого качества» [15, с. 21].

Кроме того, интенсивность тесным образом связана с категорией меры. Если мера обозначает количественные границы

объективной определенности данного качества, то интенсивность показывает уровень развития признака в рамках данной меры, не влекущий за собой изменение данного качества [15, с. 13].

Делая попытку разграничить интенсивность и другие смежные категории, С.Е. Родионова вслед за С.М. Колесниковой отмечает, что для категории градуальности важнейшим становится упорядочивание качественного признака по отношению к нулевой системе измерения (норме) по шкале градаций [6; 9], для категории количества важным становится, соответственно, не качество, а количество, для категории меры признака – «количество признака» (высокая – средняя – низкая интенсивность, избыточность – достаточность – недостаточность и т.п.), а для категории интенсивности важнейшим является ее прагматический аспект, т.е. «субъективная значимость для участников ситуации данного увеличения количества признака» [9, с. 303], который отсутствует у других смежных «объективных» категорий.

Например, на выбор лексемы из ряда *small-medium-large* влияет и мера признака, и градуальность, но здесь нельзя, на наш взгляд, говорить об интенсификации признака. В высказываниях типа «*a small church*»; «*a large income*» нет выделенности, выдвижения на первый план этих лексем. А в высказываниях типа «*How miserably small the church was!*»; «*They had an astonishingly large income*» мы можем наблюдать интенсификацию признака благодаря усилительным наречиям «*miserably*», «*astonishingly*», добавления маркера «*how*» в первом примере, которые и делает эти высказывания экспрессивными. Здесь можно увидеть двоякую функцию интенсификации: с одной стороны, она отражает отклонение от некой нормы в сторону увеличения силы признака, с другой, подчеркивает, выделяет модифицируемый признак, делает его значимым для участников коммуникации.

Исследователи признают, что как в сознании говорящего, так и в сознании слушающего существует шкала интенсивности, которая строится относительно некоторой величины: ординарного [12] или нормы качества [15]. Отклонение от ординарного вверх или вниз по шкале интенсивности воспринимается как необычное, то есть интенсифицированное или деинтенсифицированное. Причем количество делений этой шкалы зависит от языковой компетенции и речевого опыта участников [12, с. 32], так как «градуирование качества по интенсивности допускает бесконечную детализацию» [5, с. 8].

Возьмем, к примеру, следующий ряд прилагательных: *palish – pale – terribly pale – dead pale – pale as a ghost*. Прилагательное «*pale*» соответствует ординарному, нейтральному, норме, тогда как «*palish*» -

это «субординантное», деинтенсифицированное, меньше нормы, а «*terribly pale – dead pale – pale as a ghost*» воспринимается как «суперординантное» (термины И.И. Туранского), интенсифицированное, выше нормы.

Современные трактовки понятия интенсивности обнаруживают значительное различие взглядов на проблему взаимодействия интенсивности с категорией экспрессивности, которая также не имеет общепризнанной интерпретации. Одни авторы отождествляют эти понятия, другие рассматривают интенсивность как одну из составляющих экспрессивности, усматривают между интенсивностью и экспрессивностью причинно-следственные отношения или понимают интенсивность как меру степени экспрессивности.

Вслед за В.Н. Телией под экспрессивностью мы понимаем «ненейтральность, отстранение, деавтоматизацию, придающие речи необычность, а тем самым и выразительность, связанную с тем, что сигнал, передаваемый языковым выражением (высказыванием или целым тестом), усилен и тем самым выделен из общего потока» [14, с. 7]. Экспрессивность не только обеспечивает способность любой языковой единицы выражать субъективное отношение говорящего, но и позволяет автору текста «усилить эмоциональное воздействие на собеседника, иными словами, увеличить перлокутивный эффект... высказывания» [2, с. 42].

Коммуникативно-прагматической целью интенсификации также является стремление говорящего сделать высказывание более убедительным для собеседника, усилить его воздействие адресата.

Таким образом, функциональный аспект интенсивности и экспрессивности совпадают: обе категории выполняют функцию усиленного воздействия на адресата, обе связаны с субъективным выбором адресантом экспрессивных средств и средств интенсификации высказывания, обеим категориям, как правило, сопутствуют, показатели эмоциональности и оценочности.

Интерпретация интенсивности в контексте экспрессивности, отождествление этих понятий связаны с тем, что «экспрессивность как нечто стилистически выше нейтрального обязательно предполагает усиление» [13, с. 10]. Отсюда и заключение Е.М. Галкиной-Федорук, что «экспрессия – это усиление выразительности, изобразительности, увеличение воздействующей силы сказанного» [3, с. 107].

С точки зрения Е.И. Шейгал, «между интенсивностью и экспрессивностью существуют не инклюзивные, а причинно-следственные отношения (т.е. не «интенсивность — часть экспрессивности», а «интенсивность ведёт к экспрессивности») ...

наличие в значении слова компонента интенсивности (отражающего объективно присущую референту степень того или иного признака) является одним из многочисленных параметров выделенности слова в системе языка. Входящая же в семантику слова информация о его выделенности в системе языка и вытекающая из этого потенциальная способность данного слова к усилению воздействия в акте коммуникации составляют сущность категории экспрессивности» [15, с. 61].

Интенсивность играет важнейшую роль в создании семантики экспрессивности. Интенсификация признака позволяет выделить какой-либо референт из класса одноименных референтов [9, с. 306], и это обусловлено в том числе и тем, что «параметрическая оценка провоцирует включение эмоциональных реакций и выработку прагматической оценки» [8, с. 15]. Вместе с тем такое выделение выражает не объективно высокую степень проявления признака, его реальную меру, а субъективное представление говорящего об этой мере как сильно отличающейся от нормальной [9, с. 306].

Однако экспрессивность связывается прежде всего с внешней выразительной стороной высказывания, и при ее описании обычно обращают внимание на необычные средства выражения мысли (стилистически окрашенные слова, нарушение сочетаемости, инверсию, образность и т. п.), а интенсивность предполагает констатацию необычности, выделенности самой ситуации, а не обязательно средств ее описания. [9, с. 306].

Экспрессивность - это стилистическая категория, связанная с различного рода коннотациями, которые наслаиваются на основное значение языковой единицы и таким образом создают изобразительность и выразительность речи. В то время как интенсивность – семантическая категория, в основе которой лежит понятие меры количества, величины объема качества. Как ономазиологическая категория интенсивность отражает разную проявленность признака (меньше нормы – норма – больше нормы), с позиции исследователя-лингвиста она отражает субъективное восприятие степени выраженности признака (субординанное – ординанное – суперординанное) [13, с. 10].

Таким образом, категория интенсивности находится в сложной взаимосвязи с объективными и субъективными категориями. Согласно мнению большинства исследователей, интенсивность отражает как объективную характеристику степени признака, так и её субъективную интерпретацию. Категория интенсивности может быть определена как семантическая категория прагматического характера, являющаяся

производной, с одной стороны, от категорий количественности и качественности, а с другой — от особой прагматической категории, содержание которой может быть осмыслено в рамках когнитивной лингвистики при помощи понятий «выделенность (релевантность)» и «выдвижение» [7; 9]

Список литературы:

1. Балли Ш. Французская стилистика/ Ш. Балли. – М., 1961. – 394 с.
2. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки/ Е.М. Вольф. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 280 с.
3. Галкина-Федорук Е.М. Об экспрессивности и эмоциональности в языке/ Е.М. Галкина-Федорук// Сб. ст. по языкознанию: Профессору МГУ акад. В.В. Виноградову. – М., 1958. – С. 103–124.
4. Герасимова Л.Я. Усилительные наречия в современном английском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук/ Л.Я. Герасимова. – Л., 1970. – 26 с.
5. Козлова И.А. Градуальность качества в разных типах номинации (на материале английских прилагательных): Автореф. дис. ... канд. филол. наук/ И.А. Козлова. – М., 1987. – 21 с.
6. Колесникова С.М. Категория градуальности в современном русском языке: Автореф. дис. ... док. филол. наук/ С.М. Колесникова. – М., 1999. – 44 с.
7. Кубрякова Е.С. и др. Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1996. – М.: Филологический факультет МГУ, 1996. – 245 с.
8. Матвеева Т.В. Лексическая экспрессивность в языке. Свердловск, 1986 : учеб. пособие по спецкурсу/ Т. В. Матвеева . – Свердловск : УрГУ, 1986. – 91 с.
9. Родионова С.Е. Интенсивность и её место в ряду других семантических категорий/ С.Е. Родионова// Славянский вестник. Вып. 2. М.: МАКС Пресс, 2004. С. 303–308.
10. Сафонова С.С. Местоименно-союзные предложения с семантикой интенсивности в языке современной прессы: Автореф. дис. ... канд. филол. наук/ С.С. Сафонова. – Казань, 2002. – 23 с.
11. Сушинский И.И. Система средств выражения высокой степени признака (на материале современного немецкого языка): Автореф. дис. ... канд. филол. наук/ И.И. Сушинский. – М., 1977. – 16 с.

12. Туранский И.И. Семантическая категория интенсивности в английском языке/ И.И. Туранский. – М., 1990. – 172 с.
13. Туранский И.И. Средства интенсификации высказывания в английском языке: учебное пособие/ И.И. Туранский. – Куйбышев, Изд-во: КГПУ, 1987. – 76 с.
14. Телия В.Н. Механизмы экспрессивной окраски языковых единиц/ В.Н. Телия//Человеческий фактор в языке. Языковые механизмы экспрессивности. – М., 1991, с. 36-67
15. Шейгал Е.И. Интенсивность как компонент семантики слова в современном английском языке: Дис. ...канд. филол. наук/ Шейгал Елена Иосифовна. – М., 1981. – 226 с.

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА 'БЫТ' В ПРОЦЕССЕ ИЗУЧЕНИЯ ТЕКСТОВ РУССКИХ ПОСЛОВИЦ И ПОГОВОРОВ

Смирнова Лариса Александровна

соискатель КазНПУ им. Абая, г. Алматы, респ. Казахстан

E-mail: larisa-37@mail.ru

Данная статья посвящена исследованию социально-психологического концепта 'быт', который является важным и актуальным для концептосферы русского человека.

В последнее время возникает необходимость изучения социально-психологического концепта 'быт', являющегося важным и актуальным для концептосферы русского человека. Во–первых, в когнитивных исследованиях отсутствуют работы, посвященные данной единице мышления. Во–вторых, такому важному понятию, как 'быт', были посвящены работы, изучающие только его отдельные компоненты. Более того, целостного исследования ни в традиционной, ни в когнитивной лингвистике ранее не предпринималось. Так, исследуемый нами концепт 'быт', являясь одним из центральных концептов русской концептосферы, объективируется в русском языке обширным и хорошо структурированным лексико-фразеологическим полем, а также многочисленными поговорками, что свидетельствует о его коммуникативной релевантности для русского языкового сознания.

Слово *быт* вошло в русский литературный язык из живой народной речи. Этимологический состав этого слова ясен: *бы-т* (ср. *бы-ть, бы-тье, бы-тие*) и суффикс *-т*. Ф.И. Буслаев в «Исторической

грамматике русского языка» писал: «Существительное *бы-ть* есть не что иное, как причастие прошедшего времени страдательного залога от глагола *бы-ть*, например, в пословице *«Не дорого нито, да дорого быто»*; в среднем роде *быто* употреблялось в древнерусском языке как существительное, в значении «имущество»; например: «Изборяне грабиша **быто** Московское и Псковское» Карамзин. История Государства Российского, 6, примечание, 513» [2].

В морфологическом строе концепта 'быт' проступают архаические черты (сравним образование слов: «*быто*», «*жито*», «*живот*»). Его первоначальное значение определялось древним конкретным употреблением глагольного корня бы-(ть). Также показательны значения ближайших родственных слов в областных народных говорах и в древнерусском языке: «Быто ... Скарб, пожитки» (сл. 1867—1868, 1, с. 191); «Бытеть... Здороветь, толстеть. Быки от барды бйтеют. Как она с того времени подросла, побытела, похорошела!» [4, с. 19]. В современном народном и старинном литературном употреблении слова «*бытьё*» в значении 'имущество', 'все кому принадлежащее', в «Словаре Академии Российской» можно встретить следующее: «Вот все мое житьё, бытьё, богатство» (1789, 1, с. 398). В трудах В. И. Даля также находим: «Он сказывал за собой житья-бытья всего один домишка» (сл. Даля 1880, 1, с. 148) [2].

Таким образом, из всего вышесказанного нами следует, что первоначальной дефиницией концепта 'быт' были значения: «*имущество*», «*средства к жизни*», «*окружающая обстановка*», «*обиход*», «*хозяйство*».

Так «Словарь Академии Российской» XVIII века относит концепт 'быт' к просторечию, к живой устной речи, питавшей простой стиль литературного русского языка того времени. В словаре значение этого слова определяется так: 1) «Состояние, род жизни. Например, *Он в быту своем доволен*; 2) Потребное к состоянию. Например: *В домашнем быту все пригодится*» (САР, 1789, 1, с. 397) [2].

В словаре 1847 и 1867—1868 гг. выделяются два значения в слове **быт**, которое признается общелитературным: «1) **Бытность**. Это на нашем **быту** случилось; 2) Состояние или бытие чего-либо. *Сельский быт*» (сл. 1867—1868, 1, с. 92). Те же два значения отмечаются и у Даля, но второе из них определяется более конкретно и широко: «**Быт, бытность**. Это случилось на нашем **быту**. // **Бытьё**, житьё, род жизни, обычай и обыкновения. **Быт** крестьянский, дворянский; **быт** домашний, обиход, хозяйство; **быт** английский, немецкий, **быт** нынешний и **быт** минувший. Ночным **бытом**, ночью» (сл. Даля 1880, 1, с. 151) [2].

Далее считаем необходимым обратиться к словарям русского языка, которые помогут понять толкование концепта 'быт'.

БЫТ - жизненный уклад, повседневная жизнь. Например, *домашний быт. Вошло в быт что-нибудь* (стало повседневным) [3].

БЫТ - 1) Общий уклад жизни, совокупность обычаев, нравов, присущих какому-либо народу, определенной социальной среде.

2) Повседневная жизнь человека, совокупность условий, в которых она проходит [6].

БЫТ - общий уклад жизни, присущий какой-нибудь социальной группе. Например, *крепостной быт, борьба за новый быт* [5].

Далее обратимся к современным словарям, которые дают возможность судить о семантике лексемы, репрезентирующей концепт 'быт'.

Наиболее полное представление о современной семантике исследуемой лексемы содержит «Большой толковый словарь русского языка» под редакцией С.А. Кузнецова, в котором представлены три семемы лексемы концепта 'быт':

1. Условия существования, жизненный уклад какого-либо народа, социальной среды (городской **быт**, сельский **быт**);

2. Повседневная жизнь человека в ее привычных проявлениях; установившийся порядок жизни (домашний **быт**, семейный **быт**);

3. Домашняя обстановка, хозяйство и заботы по его ведению (**быт** заел) [1, с. 107]

Современный толковый словарь позволяет расширить представление концепта 'быт' - это уклад повседневной жизни, внепроизводственная сфера, включающая как удовлетворение материальных потребностей людей (в пище, одежде, жилище, поддержании здоровья), так и освоение духовных благ, культуры, общение, отдых, развлечения (общественный, национальный, городской, сельский, семейный, индивидуальный **быт**); складывается и изменяется под влиянием материального производства, общественных отношений, уровня культуры, а также географических условий и оказывает огромное влияние на другие стороны жизни людей, на формирование личности.

Диахроническое изучение семантики лексемы «быт» позволяет выявить тот предметно-чувственный образ, который лежит в основе концепта. Первоначально в ядре концепта 'быт' находится когнитивный признак – «имущество, скарб», конкретные предметы

домашнего обихода. Таково же было и первоначальное значение лексемы «быт» [7].

Между тем, в настоящий момент в ядре концепта 'быт' находится и когнитивный слой «повседневная жизнь человека», сформировавшийся достаточно поздно в XIX веке. Это лексемы «обиход», «повседневность», «образ жизни», «уклад», «обычай», которые вербализуют когнитивный компонент «привычный порядок жизни». Близкими по значению лексеме «быт» являются также лексемы, репрезентирующие когнитивные признаки изучаемого концепта: «уют» - удобство, благоустроенность в домашней обстановке, быту, «обустроенность» - наличие необходимых условий обеспечения жизни человека.

Концепт 'быт' образно вербализуется в языке с помощью лексем «рутина», «будни», «серость», «обыденщина», «однообразие», «беспросветность», «трясина». Особенностью данной группы лексем является однородность, схожесть их семантики, а также стилистической окрашенности. Большинство из них содержит негативную оценку.

В настоящее время концепт 'быт' является непроемким. «Словарнообразовательный словарь русского языка» А.Н. Тихонова отмечает следующие однокоренные единицы: «бытовой», «бытовать», «бытописатель», «бытовизм», «бытовик», «бытовка», «жилищно-бытовой»,

«электробытовой». Данные лексемы репрезентируют когнитивный слой концепта – «повседневная жизнь». В «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля были и другие однокоренные единицы, в настоящий момент вышедшие из употребления: бытеский, бытний, бытопись, бытописец и другие, которые также вербализуют названный когнитивный слой [5, с. 123].

Ядро концепта 'быт' включает два конкретных когнитивных слоя: 1-ый слой - 'Домашнее хозяйство' - предметы домашнего обихода, 2-ой слой - 'Типичная бытовая деятельность'.

Нами было выявлено, что концепт 'быт' достаточно последовательно и системно вербализуется в русских пословицах. Материалом для данного исследования послужил сборник пословиц русского народа под редакцией В.И. Даля в двух томах.

При анализе пословиц и поговорок было выявлено, что данный концепт объективируется ключевой лексемой «быт», который характеризуется низкой частотностью (в сборнике слово **быт** было встречено всего в трех пословицах): *Свой быт милее, Земной быт – не всему конец, Бабий быт – за все бит*. Ядерный слой концепта 'быт'

репрезентируется также в языке лексемой «обиход», которая встречается нам в сборнике в шести пословицах: *У всякого попо свой обиход, Дом господский, а обиход сиротский, Вдовий обиход не уход, Каков приход, таков и обиход, Без ухода нет обихода*. Лексема «обиход» имеет значения – «хозяйство», «образ жизни».

Кроме того, концепт 'быт' объективируется также лексемой «*житье*», которая имеет значение «имущество», «жизненный уклад», «образ жизни». Например, *Прихоти господские, а **житье** нищенское, **Житье** скупое – платье носит худое, В добром **житье** кудри выются, в худом секутся, Каково **житье**, такова и смерть*.

Лексема «быть» репрезентирует в языке один из когнитивных компонентов концепта 'быт' – 'жизнь в низшем значении: ***Житье** наше **бытье** – вставиши, да за вытье*.

Следует отметить, что первоначально в ядре концепта находился компонент «*скарб*», в значении 'пожитки', 'имущество', 'предметы, необходимые для жизни'. В словаре В.И. Даля указывается устаревшая форма для обозначения данного смысла – быто. В пословицах это значение реализовалось в лексеме «*живот*» - *он **животом** заплатился, пошли **животы** на великого государя* (в опале отбирали имущество).

Со временем смысл 'имущество' расширяется до значения «хозяйство, заботы по его ведению». Данный слой концепта объективируется лексемами: «хозяйство» - *Не хозяин, кто своего **хозяйства** не знает*; «обрядня» в значении «женское хозяйство по дому, страпня, кухня, печь» – *Какая деревня, такая в ней и **обрядня**; Не до обедни, коли много **обрядни**; Либо к обедне ходить, либо **обрядню** водить*; порядня - *«В доброй **порядне** не в торг, а в клеть ступай*»; «домостройство», например: *Не наряд девку (жену) красит – **домостройство*** [5, с. 124].

Огромный пласт среди пословиц и поговорок занимают высказывания с лексемой «дом» в значении «хозяйство отдельной семьи»: *Дом – полная чаша; Дом: одни буйны ветры по углам перекликаются; Мило тому, у кого всего много в **дому**; Хозяин добр – и **дом** хорош, хозяин худ – и в доме тож; Дом вести – не лапти плести*.

Среди пословиц с лексемой «дом» можно встретить и такие, которые свидетельствуют о небытии, отсутствии, нехватке имущества, хозяйства: *Ни кола, ни двора; Худо тому, у кого ничего нет в **дому**; **Счастье** отпало, ничего в доме не стало*.

Следует указать, что ближняя периферия концепта 'быт' репрезентируется в языке пословицами совместно с лексемой «будни» в переносном значении: «повседневная, непраздничная, будничная,

обыденная, привычная жизнь». Например, *Наш народ по будням затаскан; У умного мужа жена выхолена, у глупого по будням затаскана; Праздники памятны, а будни забывчивы; Язык один, и в будни, и в праздник; В праздники – Груша, а в будень – клуша; Деньга на будень, деньга на праздник, да деньга на черный день; Трутням праздник и по будням.*

К периферийной части концепта 'быт' относится когнитивный признак «обыденность, будничность», репрезентируемый лексемой «житейское»: *Житейское делай, а смерть помни! Прельщает нас мир житейскими сладъями; Море житейское подводных камней преисполнено; Год – житейский, день – в святцах, а месяц на небе.*

К периферийной части концепта 'быт' относится и смысл, объективизируемый в языке лексемой «обычай» в значении «привычный образ действий»: *В каком народе живешь, того обычья и держись; У вдовушки обычай не девичий; Купецкий обычай, что брюхо отрастить; Женский обычай – слезами беде помогать; Женский обычай – не мытьем, так катаньем (а свое возьмет).*

Проанализировав пословицы и поговорки В.И. Даля, мы пришли к выводу, что концепт 'быт' в русских паремиях представлен широко в разных аспектах, но, как правило, не целиком. При этом следует указать, что концепт 'быт' сформировался достаточно поздно, о чем свидетельствует низкая частотность ядерной лексики «быт», репрезентирующей центр исследуемого концепта, хотя большинство пословиц и поговорок В.И. Даля фактически отражают поведение человека в быту, его отношение к данному быту, оценку человека по качествам, проявляющимся в быту.

Таким образом, в паремиях ярко проявляется своеобразие быта, жизни, истории и культуры русского народа. Знание и активное владение фразеологическим богатством не только украшает речь человека, но и способствует лучшему пониманию менталитета народа изучаемого языка. В пословицах заключен глубинный смысл и народная мудрость, уходящая своими корнями в далекое прошлое. В них мы можем через традиции увидеть и познать, что такое быт и домострой русского народа.

Список литературы:

1. «Большой толковый словарь русского языка» под редакцией С.А. Кузнецова, СПб, 1998, с. 107
2. В.В. Виноградов. История слов. <http://slovari.ru>[электронный ресурс]

3. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. – М.: Русский язык, 2000 - Режим доступа - URL: <http://www.efremova.info> [электронный ресурс]
4. Опыт областного великорусского словаря, с. 19
5. А.В. Рудакова. Методологические проблемы когнитивной лингвистики, Воронеж, научное издание, 2001 год, с. 123-124
6. "Словарь русского языка" (1949, 22-е издание, 1990; с 1992 - "Толковый словарь русского языка", совместно с Н. Ю. Шведовой) - Режим доступа - URL: <http://www.ozhegov.ru> [электронный ресурс]
7. М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка (онлайн-версия на сайте etymolog.ru) - Режим доступа - URL: <http://etymolog.ruslang.ru>

ЯЗЫК ЖИВОПИСИ ХУДОЖНИКОВ ХАКАСИИ: ПРИНЦИПЫ ПОСТРОЕНИЯ

Талапова Татьяна Андреевна

к. фил. н., Колледж педагогического образования, информатики и права, ХГУ им. Н.Ф. Катанова, г. Абакан, респ. Хакасия

E-mail: tatyanatalapova@rambler.ru

Исследование осуществлено при поддержке Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 гг. (Государственный контракт № 02.740.11.0374)

В данной статье мы представляем результаты проведенного исследования, основанного на выявлении реализации принципов построения экспрессивных средств в творчестве художников республики Хакасия. Источником для анализа послужили работы художников-живописцев, состоящих в Союзе художников Хакасии (всего 142 репродукции) [2].

Мы предположили, что и в языке и в живописи существуют константные культурные категории – принципы построения артефактов. Принципы построения экспрессивных средств языка/речи подробно описаны И.В. Пекарской [1]. На основе данной классификации мы выявляли общие синтагматические и парадигматические, а также частные принципы построения экспрессивных средств в живописи.

Среди **синтагматических принципов** распространение получил **частный принцип повтора**, относящийся к **общему принципу избыточности**. Художник Бурнаков М.А. использует способ повтора в названиях своих картин (2 картины «Праздник урожая»), Бутонаев В.П. применяет повтор в двух картинах («Родной Абакан»), художница Валькова В.А. тематический повтор использует в пейзажах «Аскизские горы», «Дорога на Аскиз». Повтор мы обнаружили в творчестве Капелько В.Ф., Топоева А.А. Хлебникова Г.С. и других художников. Вероятно, стремление художников по-разному передавать одну тему и вызывает повтор в названиях и сюжете.

Среди **парадигматических принципов** был выделен **принцип сравнения**. Данный принцип, а именно **способ контраста и фигура антитезы** используются во многих художественных творениях. Например, Бурнаков М.А. на одной из картин «Праздник урожая» изображает мужчин на лошадях, на другой – женщин на лошадях, художник применяет контраст по цвету, изображая на одной картине светлое небо, а на другой – темное. Бутонаев В.П. применяет принцип контраста в картинах «Родной Абакан»: цивилизация противопоставлена нетронутой природе, с помощью контраста цвета противопоставление особо ощущается. Контраст цвета используют: Доможаков А.В. в картине «Без названия», Капелько В.Ф. в картине «Монголия», Имайкина (Гриценко) В.Н. в картинах «В лесу» (одна половина ее картины нарисована холодными красками, другая – теплыми) и «Портрет Веры» (лицо женщины ярким светлым пятном выделяется на фоне темного цвета). Капелько В.Ф. на картине «Древние кыргызы» изображает караван жизни и кладбище предков (движение противопоставлено статике). Его «Автопортрет» и «Автопортрет с зеркалом» **контрастируют** не только по цвету, но и по эмоциональному накалу (картины выражают умиротворение и возбуждение). На полотнах Сейфулина И.Х. «Любители горизонта», Топоева А.А. «Солдат вернулся» мы также обнаружили антитезу. Бондин С.В. в картине «Дворик в Лондоне» кроме **антитезы** использует **принципы расчлененности** – каждая фигура человека в городе выделена светлым пятном, художник этим приемом показывает обособленность людей в городе. Данный принцип находит свое отражение и в картине «Копенский чаа-тас»: босой старец на земле предков размышляет о единстве прошлого, настоящего и будущего (прошлое представлено менгирами, настоящее – человеком, будущее – кораблями на воде).

Ярким примером использования **принципа контраста** является полотно Н.Я. Кобыльцовой «Песнь Хакасии». На картине отражено столкновение культур: культура современности (мужчина в джинсах и рубашке, изображенный в углу картины, держащий в руках магнитофон) и культура древнего народа (менгиры, юрта, лошади, бубен, хайджа и женщины в национальной одежде). В этой картине все **метафорично**: бубен – символ веры – шаманизма, расположение фигур, сидящих и стоящих, указывает на почитание и уважение старших; магнитофон – символ цивилизации, прогресса науки и техники.

Наблюдения над использованием принципов построения экспрессивных средств в живописи художников Хакасии свидетельствуют о том, что самым распространенным является **общий принцип сравнения**. Рассмотрим реализацию частных принципов **аналогии, градации** в творчестве мастеров живописи.

Имайкина (Гриценко) В.Н. в своей картине «Предчувствие весны» **олицетворяет** зиму, изображая ее в виде женщины с грустными глазами. На картине Ф.Е. Пронских «Старые березы» деревья с наростами и трещинами, будто ранами, метафорически передают образ пожилых людей. В.Ф. Капелько в картине «Монголия» использует **олицетворение**, представляя степи Монголии в виде образа лежащей женщины. Считаем, что его «Автопортрет с зеркалом» можно сравнить с **перифразом** – описательным оборотом, употребляемым вместо традиционного наименования с целью выявления наиболее существенных признаков. Объектом действительности является сам художник. Исследуя себя и свою собственную личность, он тем самым изучает ее особенности и показывает их зрителю в несколько иной интерпретации.

Текст живописного произведения И.Х. Сейфулина «Ужин вдвоем» содержит тропы преувеличения: **литоту и гиперболу**. Фигуры женщины и мужчины намеренно уменьшены и расположены в правом нижнем углу, а многоэтажные «воздушные замки», которые строит в своих мечтах пара влюбленных, занимают почти все пространство картины, **контраст** цвета художник использует для показа реальности и мечтаний. Другое его творение – «Любители горизонта» – особенно **символично**. Оно содержит определенный смысловой подтекст: все мы, вырастая, уходим из родительского дома и идем своим путем. На картине изображены открытые двери, ребенок на пороге дома, корабль странствий, простертая рука женщины, ее взгляд вдаль; светлая линия горизонта **контрастирует** с небом и землей, усиливая эффект неизведанного.

Другое настроение вызывают картины художника В. Смертенюка. В своих творениях он разрабатывал темы истории, политических репрессий в **иносказательной, символической** форме. Его **метафорическая** система основана на декоративных стилизациях, напоминающих стволы и корни деревьев, в ритмах которых скрываются или произрастают лики, очертания фигур, символизирующие боль, страдания, идею памяти (картины «Корни Гулага», «Где трава рождается красной», «Мольба»). **Принцип расчлененности – нерасчлененности** используется в картине «Судьба людская», на ней изображены разные судьбы в образе людей, идущих друг за другом. Через них проходит темная линия, объединяя и показывая, что у всех одна участь.

Картина А.А. Топоева «Солдат вернулся», на наш взгляд, содержит **эффект обманутого ожидания**. Услышав название картины, мы можем предположить, что картина будет полна положительных эмоций. Однако увиденное полностью изменит наше настроение. Глядя на картину, мы почувствуем безысходность, боль, угнетение, страдание. Для усиления влияния на чувства зрителя художник использует **принцип градации (фигура амплификация)**: темный цвет, сгоревшая дотла деревня, одинокая обгоревшая печь, такая же одинокая ссутулившаяся фигура солдата, боль утраты на его лице.

Серебряков Г.А. в картине «Степные травы» применяет **эксплицитное сравнение** (собственно сравнение). Пушистые букеты степных трав сравниваются с кистями для рисования, стоящими рядом. **Метафоричность** проявляется в следующем прочтении: травы раскрашивают степь, будто художник рисует картину кистью.

Сопоставив данные проведенного количественного анализа по выявлению проявления принципов и способов организации изобразительно-выразительных средств в творчестве хакаских художников, мы увидели, что ведущее место занимает общий **принцип сравнения** (используется в 26,1% от всех рассматриваемых репродукций), реализуемый через **принципы аналогии, контраста, градации**. Причем, **принцип контраста** проявляет себя через **прием антитезы** в 13,6% случаях. **Принцип аналогии** составляет 11,2% и реализуется на основе сходства путем **метафоризации** в 10,5% случаях, на основе **тождества** (перифраза) – в 0,7%. **Принцип градации** выражается через тропы **гиперболы и литоты** в 1,4% случаях. Общий **принцип избыточности** (составляет 16,1%) реализуется через частный **принцип повтора** (15,4%) и **принцип перечислительного ряда** (0,7%), способ проявления не выявляется.

Принцип асимметрии как общий принцип построения экспрессивных средств выражается через частные принципы **расчлененности-нерасчлененности** в 2,1% случаях.

Таким образом, принцип сравнения занимает первое место по частоте отражения в живописи, на втором месте – принцип избыточности, на третьем – принцип асимметрии. Только у принципа сравнения наблюдаются способы выражения через тропы и фигуры. Подводя итог проведенному исследованию, мы можем утверждать, что и в языке/речи, и в живописи существуют культурные категории – принципы (в нашем случае – построения экспрессивных средств), которые реализуют себя в осмыслении действительности.

Список литературы:

1. Пекарская И.В., Пекарская Е.А. Основы эффективной коммуникации: от теоретических вопросов к практике воздействующей речи [Текст] / И.В. Пекарская, Е.А. Пекарская. – Абакан, 2009. – 212 с.
2. Художники Хакасии: альбом-каталог [Илл.] / Администрация г. Абакана, Министерство культуры Республики Хакасия, Союз художников Республики Хакасия ВТОО «Союз художников России». – Красноярск, 2009. – 178 с.

КОНЦЕПТ «МУЖЧИНА» В РУССКОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ

Таловикова Оксана Владимировна

аспирант ШГПИ, г. Шадринск

E-mail: oxananna@mail.ru

Согласно Краткому словарю когнитивных терминов Е.С. Кубряковой, концепт — это идеальная абстрактная единица, смысл, которыми оперирует человек в процессах мышления и которые отражают содержание опыта и знания, содержание результатов всей деятельности человека и процессов познания им окружающего мира в виде определенных единиц «квантов знания» [3, с. 136].

Концепт имеет двустороннюю природу: как значение языкового знака (лингвистическое и культурологическое направление) и как содержательная сторона знака, представленная в ментальности (когнитивное направление). Национальный менталитет — это

национальный способ восприятия и понимания действительности, определяемый совокупностью когнитивных стереотипов нации. Национальный менталитет направляет динамику формирования и развития концептов — имеющиеся стереотипы влияют на содержание формирующихся концептов, диктуют некоторые фиксируемые в концептах оценки явлений и событий. Итак, менталитет и концептосфера тесно связаны между собой и взаимодействуют в процессах мышления, а языковое сознание является значимым фактором формирования менталитета нации.

Языковое сознание — это превращенная форма жизнедеятельности человека, способ вербализации человеческого социокультурного опыта и его национально-культурного осознания, включающий в себя материальное (языковое знание как материальный субстрат сознания), идеальное (психические состояния, семантика), социокультурный опыт (знания о мире), актуализирующий в процессе ментальной деятельности. Языковое сознание определяет способ мышления индивида, о котором он не подозревает, но который воспринимает как данность. Таким образом, мы можем говорить о соотношении языка, менталитета и языковой картины мира определенной нации, в данном случае русской нации.

Языковая картина мира — это совокупность зафиксированных в единицах языка представлений народа о действительности на определенном этапе развития народа, представление о действительности, отраженное в значениях языковых знаков — языковое членение мира, языковое упорядочение предметов и явлений, заложенная в системных значениях информация о мире. Языковая картина мира предшествует концептуальной и формирует ее, потому что человек способен понимать мир и самого себя благодаря языку. Именно в языке закрепляется общественно-исторический опыт — как общечеловеческий, так и национальный [5, с. 54].

Обобщённая, сложившаяся давно и сохранившаяся доньше национальная языковая картина мира, отражающая мировоззрение и мировосприятие народа, зафиксированная в языке, ограниченная рамками консервативной национальной культуры народа воплощена в произведениях фольклора, зафиксирована в словарях и выявляется через сопоставление с другими национальными жизненными картинами мира.

Концепт «МУЖЧИНА» — это ключевая ментальная единица, являющаяся универсальной и представленная в любом языке. С одной стороны, это универсальный концепт, присущий всем ментальным

картинам мира, с другой — он включает в себя сугубо национальную специфику русской языковой картины мира.

В любой культуре так или иначе можно обнаружить гендерный код, поскольку человечество изначально разделено на мужчин и женщин. Содержание концепта «МУЖЧИНА» зависит от гендерных стереотипов лингвокультурной общности, которые могут быть изучены посредством языковых структур.

Для определения места концепта «МУЖЧИНА» в русском языковом сознании обратимся к анализу материалов русской лексикографии, пословиц и поговорок, репрезентирующих выбранный концепт, а также проанализируем экспериментальные данные Русского ассоциативного словаря.

Словарь русского языка С. И. Ожегова дает следующее определение словам «мужчина», «муж»: **Мужчина**. 1. Лицо, противоположное женщине по полу. *Будь мужчиной! "веди себя так, как подобает мужчине". Поговорим как мужчина с мужчиной "как подобает мужчинам"*. 2. Такое взрослое лицо, в отличие от мальчика, юноши. *Сын вырос, уже совсем мужчина*. **Муж**. 1. Мужчина по отношению к женщине, с которой он состоит в официальном браке. *Законный муж*. 2. Мужчина в зрелом возрасте. *Слышу речь не мальчика, но мужа*. [4, с. 475].

Толковый словарь Д.Н. Ушакова дает следующее определение слову «мужчина»: **Мужчина**. 1. Лицо, противоположное женщине по полу. *У нас в бригаде четыре мужчины и две женщины. Красивый мужчина*. 2. Лицо мужского пола, достигшее зрелого возраста, физической и духовной зрелости. *Настоящий мужчина. Скоро ты будешь уже мужчиной*. [6, с. 512].

Как видим, в данных словарных статьях концепт «МУЖЧИНА» рассматривается в первую очередь с точки зрения его физиологических и возрастных характеристик, социальный статус здесь определяется лишь со стороны семейного положения.

Гендерные стереотипы зафиксированы в русских пословицах и поговорках. Для анализа был взят сборник «Пословицы русского народа» В.И. Даля, который является своеобразным зеркалом культурных стереотипов русского народа.

Представления о мужчинах, зафиксированные в пословицах, представляют собой своеобразную «концептуальную анкету», которая заполняется информацией о том, как данный концепт отражается в зеркале русской паремиологии.

В наиболее концентрированном виде анализируемый нами концепт «МУЖЧИНА» встречается в разделах «Человек», «Муж-

Жена», «Жених-Невеста», «Одиночество-Женитьба», «Семья-Родня», «Ум-Тупость». Примечательно, что раздел «Мужчина» в сборнике В.И. Даля отсутствует. В ходе анализа нами были выявлены основные концептуальные признаки концепта «МУЖЧИНА». К ним относятся биолого-физиологические характеристики и внешность мужчины, интеллектуальные способности, семейное положение, социальный статус и социальные роли, которые мужчины играют в обществе. Именно эти концептуальные признаки лежат в основе представлений о мужчине в русской языковой картине мира. Очень часто представления содержат сравнение мужчины и женщины в рамках одной паремиологической единицы, которое основывается на противопоставлении мужчины и женщины в категориях «правильное-неправильное». (*Муж согрешил, так в людях грех, а жена согрешила, домой принесла; Муж в дому, что глава (что крест) на церкви; Что ни дурень, то и бабин*) [1] (Здесь и далее пословицы цитируются по этому изданию).

Пословицы, характеризующие внешность мужчины, немногочисленны. Два раза встречаются пословицы, характеризующие мужскую красоту: *Русы волосы сто рублей, буйна голова — тысяча, а всему молодцу и цены нет; Мужчина, коли хоть немножко казистее черта, — красавец*. Для мужчины важнее душевные, личностные качества, интеллектуальные способности: *Молодец красив, да на душу крив; С лица не воду пить; Хорошего не лизать, дурного не тесать; На красивого глядеть хорошо, с умным жить легко; Лучшие с умным потерять, чем с глупым найти; Лучшие с умным в аду, чем с глупым в раю; Умный, что староста губный: всяк его боится; Был бы ум, будет и рубль; не будет ума, не будет и рубля; Отчего мужик дешев? — Оттого, что глуп; У каждого свой царь в голове. Свой ум — царь в голове*. Причем народное сознание различает мужской и женский ум, где женщина по сравнению с мужчиной обладает более слабыми интеллектуальными способностями (*Волос долог, а ум короток; Перекати-поле — бабин ум; Баба бредит, да кто ж ей верит*).

Анализ языкового материала позволил выделить следующие гендерные роли мужчины: репродуктивные роли (роль отца, сына, деда) и социальные (роль мужа, хозяина). *В своей семье всяк (отец, дядя) сам большой; Русский человек без родни не живет; Корми деда на печи: и сам будешь там; Отец сына умнее — радость, а брат брата — зависть; Сын отца умнее — радость, а брат брата умнее — зависть; Сын отца глупее — жалость; сын отца умнее — радость; а брат брата умнее — зависть*.

Интересна национальная специфика восприятия женитьбы и замужества. Представление о замужестве как источнике горестей и разочарований встречается чаще, чем представление о женитьбе в том же контексте: *Девка красна до замужества; В девках сижено — горе мыкано, замуж выдано — вдвое прибыло; Бабы каются, девки замуж собираются; Лучшие жениться, чем волочиться; Жениться скорее — в дому прибыльнее; Не женат — не человек; Холостой — полчеловека; Один женился — свет увидал, другой женился — с головой пропал.*

Раздел «Муж-Жена» выражает народные представления о семейной жизни, о социальных ролях мужчины и женщины как мужа и жены. *Муж молоти пшеницу, а жена пеки палыницы (т. е. хлеб); Жена пряди рубашки, а муж тяги гуж; Не прядет мужик, да без рубахи не ходит; а баба и прядет, да не по две вдруг носит; Мужа чтут за разум, жену по уму (т. е. за доброе поведение); Не муж в мужьях, кем жена владеет; не работа в работах под женками воз возити; Мужнин грех за порогом остается, а жена все домой несет; Муж согрешил, так в людях грех, а жена согрешила, домой принесла; Муж в поле пахать, а жена руками махать. Муж — это глава семьи, кормилец, защитник семьи и жены. Худ мой мужилка, а завалюсь за него — не боюсь никого; Муженек хоть всего с кулачок, да за мужниной головой не сижусь сиротой; Хоть плох муженек, да затулье мое; завалюсь за него — не боюсь никого; За мужа завалюсь, всем насмеюсь, никого не боюсь; За мужнину жену есть кому вступиться; Побереги, бог, мужа вдоль и поперек, а я без него ни за порог; Побереги, бог, мужа, не возьмет мужа.*

Таким образом, анализ пословиц показал, что к психологическим характеристикам мужчины относятся, в первую очередь, ум и ответственность, и мужчина играет в обществе роль мужа, отца, сына, хозяина.

Для того чтобы раскрыть место концепта «МУЖЧИНА» в языковой картине мира наших современников, обратимся к данным «Русского ассоциативного словаря». По мнению авторов словаря, он помогает проникнуть в социально-историческую память носителей языка и получить ответ на вопрос: «Как мыслят русские в современной России?» [2, с. 5].

Материалы «Русского ассоциативного словаря» показывают, что основными реакциями на слово – стимул «мужчина» явились следующие: женщина 87, сильный 43, высокий 27, красивый 16, и женщина 13, сила 12, средних лет 12, красавец 10, настоящий 9, человек 9, в возрасте 8, молодой 7, пожилой 7, любимый 6, мужик 6, умный 6, друг 5, он 5, в шляпе 4, интересный 4, самец 4, старый 4,

мой 3, обаятельный 3, отец 3, хозяин 3, хороший 3, благородный, боец, в годах, в расцвете лет, вежливый, веселый, видный, глупый, джентльмен, знакомый, крутой, лысый, молодец, муж, смелый, ум 2, и т.д. [2, с. 243]. Примечательно, что реакций на слово-стимул «мужчина» у мужчин 180, когда у женщин 365.

Мы видим, что мужчина, в первую очередь, ассоциируется как противоположность женщине (87 реакций), а также представляется нам как сильный, высокий, умный, интересный, обаятельный человек средних лет, который является отцом, бойцом, хозяином, мужем.

Таким образом, базовыми для концептуализации образа мужчины в русском языковом сознании становятся следующие стереотипы:

- **Сила** (как физическая, так и сила воли, духа).
- **Мужественность** (мужчина — эталон мужественности).
- **Возраст** (мужчина — человек среднего возраста, зрелый).
- **Социальные роли** (муж, отец, защитник, добытчик, глава семьи).
- **Настоящий человек** (ментальное представление о мужчине как о более важном члене общества, проявление андроцентризма языка, т.е. отождествление понятий «человек» и «мужчина»).

Список литературы:

1. Даль В. И. Пословицы русского народа: сборник: в 2-х томах [Текст] / В. Даль, Т.1, Т.2. — М.: Художественная литература, 1984. Т.1. — 383 с. Т.2. — 399 с.
2. Караулов Ю.Н., Черкасова Г.А., Уфимцева Н.В., Сорокин Ю.А., Тарасов Е. Ф. Русский ассоциативный словарь. [Текст] В 2 т. Т. 1. — М.: Астрель, 2002. — 784 с.
3. Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов [Текст] / Под общей редакцией Е.С. Кубряковой. — М.: Филол. ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова, 1997. — 245 с.
4. Ожегов С. И. Словарь русского языка: 70 000 слов [Текст] — М.: Русский язык, 1990. — 928 с.
5. Попова З. Д. Когнитивная лингвистика [Текст] / З. Д. Попова, И. А. Стернин.— М.: АСТ: Восток-Запад, 2010.— 314 с.
6. Толковый словарь русского языка [Текст] / Под ред. Д. Н. Ушакова. — М.: Астрель, 2007. — 912 с.

ТРУДНОСТИ ПЕРЕВОДА ПСЕВДОЭКВИВАЛЕНТОВ РУССКОГО И ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКОВ

Томилова Александра Игоревна

ассистент каф. романских языков, УрГПУ, г. Екатеринбург

E-mail: alexara@list.ru

Данная статья посвящена ошибкам, которые учащиеся и переводчики допускают при переводе псевдоэквивалентов, а так же рассматриваются способы преодоления трудностей и некоторые превентивные меры с целью помочь распознать и избежать опасности, которые таит в себе эта категория слов.

Под псевдоэквивалентами (или псевдоэквивалентными парами слов) мы понимаем лексические единицы двух языков близкие фонетически и/или графически, но имеющие разные семантические, грамматические, функциональные и стилистические значения, тем самым вызывающие ложные аналогии при переводе. Этимологическая общность не является обязательным условием.

Анализ литературы (В.В. Акуленко, Р.А. Будагов, В.С. Виноградов, В.Г. Гак, К.М. Готлиб, Б.А. Грифцов, В.Н. Комиссаров, Р.К. Миньяр-Белоручев, В.Л. Муравьев, А.В. Федоров, О.Б. Шахрай, А.Д. Швейцер и др.) показывает, что к наиболее распространенным ошибкам и трудностям, возникающим при переводе псевдоэквивалентов, относят: 1) неправильное понимание подлинника; 2) перевод вместо языковых комплексов лишь их разрозненных частей; 3) веру переводчика в статичность языка; 4) сходную форму заимствованных или интернациональных слов языка источника и языка перевода и недочет различий в их смысловых структурах; 5) буквализмы, которые переводчик нередко допускает при переводе под впечатлением знакомой графической и фонетической формы слова; 6) создание “псевдофранцузских” слов (по мнению В.Л. Муравьева (1969) это слова, придуманные учащимися или переводчиком по подобию русского авантюрист и др., тогда как по-французски следует сказать *aventurier*); 7) неразличение паронимов, которые в какой-то степени связаны с рассматриваемым вопросом (подобные ошибки вызваны слабой языковой ориентацией переводчика).

Чтобы сократить возможность неправильного перевода, важно изначально выбрать подходящий способ перевода. В чистом виде какой-либо из способов в реальном переводческом процессе действует редко. Как правило, большинство сложных текстов, в которых могут

встретиться ложные эквиваленты, переводятся с применением различных способов, однако один из них является ведущим и определяет характер отношений между исходным и переводным текстом в целом, диктуя условия членения исходного текста, определение единиц перевода, а также выбор переводческих приемов, с помощью которых исходный текст непосредственно преобразуется в переводной.

Т.А. Казакова рекомендует использовать следующие правила для выбора способа перевода: 1. Частичный перевод применяется для передачи на переводящем языке исходных текстов в целях общего ознакомления с их содержанием, когда подробности не являются коммуникативно существенными. 2. Выборочный частичный перевод используется при переводе содержания докладов, деловых писем, стандартных сообщений, газетных материалов и других аналогичных текстов или высказываний, когда нужно получить представление о характере исходного текста или стиле автора, но подробное ознакомление с ними не является первоочередной задачей. 3. Функциональный частичный перевод применяется для сокращения или упрощения исходных текстов, когда они предназначены либо для массового читателя, либо для получателей менее высокого уровня готовности к восприятию такого типа исходных текстов. К таковым относятся различного рода пересказы, адаптации, версии и т. п. 4. Полный перевод применяется для передачи исходных текстов, содержание которых имеет настолько высокую значимость, что должно быть представлено получателю переводного текста в подробном виде. 5. Буквальный полный перевод применяется в сравнительно редких случаях, например: в учебных или научных целях, для академических изданий уникальных текстов, в частности эпоса, и т. п. 6. Семантический полный перевод выполняется для передачи исходных текстов, имеющих высокую научную или социально-культурную значимость, подробное содержание которых предназначено для широкого круга специалистов. 7. Коммуникативно-прагматический полный перевод используется для передачи исходных текстов, имеющих высокую социально-культурную значимость, подробное содержание которых предназначено для массового получателя [1, с. 17-18].

Чтобы предупредить ошибки и помочь учащимся овладеть французским языком, создаются специальные пособия. Например, пособие В.Л. Муравьева “Faux amis или “ложные друзья переводчика” (1969), которое содержит небольшой словарь “ложных друзей”, а также 16 упражнений, прилагаемых к нему. Сам автор рекомендует

практически использовать словарь при учебных переводах, когда возникают сомнения относительно эквивалентности смысла французских и русских слов. Однако, прежде всего, нужно, чтобы эти сомнения возникли. Этой цели и служат упражнения, большая часть которых рассчитана на узнавание “ложного друга”, на сравнение значений слов, сходных в русском и французском языках. Часть упражнений, рассчитанная на более высокий уровень знаний французского языка, посвящена более серьезному сравнению значений параллельных слов. Все упражнения снабжены подробными объяснениями и рассчитаны на использование этого словаря. Однако словарь В.Л. Муравьева не является исчерпывающим.

Что касается слов, которые учащиеся могут создать по ложной аналогии (типа *aventuriste*), то здесь В.Л. Муравьев рекомендует просто заучить истинные французские эквиваленты русских слов атеист, медалист и др. [3; 5].

Ввиду отсутствия в теории перевода единого мнения о названии рассматриваемого нами явления, в литературе можно столкнуться с такими терминами как: ложные эквиваленты, “ложные друзья” переводчика, междязычные аналогизмы и др. (К.Г.М. Готлиб, В.В. Акуленко, В.Л. Муравьев, А.В. Федоров, Е.В. Федорчук и т. д.). В сопоставительной лексикологии переводческими псевдоэквивалентами называют псевдоинтернациональные слова, междязыковые омонимы, паронимы и паралексы, псевдоаналогонимы, некоторые виды заимствований (Р.А. Будагов, В.В. Акуленко, Д. Бунчич и др.). Все это многообразие терминов указывает на сложность состава псевдоэквивалентов, среди которых зачастую встречается немалое количество паронимов

Таким образом, во избежание нежелательных ошибок при переводе необходимо углублять знания об интернациональной лексике и паронимах, а также отрабатывать навыки их распознавания. По мнению В.Н. Крупного, неразличение паронимов в языке приводит к смысловому искажению высказывания. Причины такого рода ошибок кроются не в иноязычном тексте, а в слабой языковой ориентации самого переводчика. В.Н. Крупнов считает, что полезными будут упражнения на распознавание в контексте паронимов. Например: типовой – типичный, тематика – тема, сыскал – снискал, лобное – лобовое, факт – фактор, лесной – лесистый и т.д. [2].

Кроме того, переводчику не следует забывать о феномене контекстуальных зависимостей слова, так как он имеет дело не столько с самими отдельными словами, сколько с обусловленной исходным текстом системой зависимостей между словами.

В ходе анализа текста в нем выделяются такие «единицы перевода», будь то отдельные слова, словосочетания или части предложения, для которых в данном языке, в силу создавшейся традиции, существуют постоянные незываемые соответствия. Правда, в любом тексте такие эквивалентные соответствия составляют незначительное меньшинство. Неизмеримо больше будет таких «единиц перевода», для передачи которых переводчику придется выбирать соответствия из богатейшего арсенала средств того или иного языка, но и этот выбор, по мнению Я.И. Рецкера, далеко не произволен. Конечно, он отнюдь не ограничивается показаниями двуязычного словаря. Никакой словарь не может предусмотреть все разнообразие контекстуальных значений, реализуемых в речевом потоке, точно так же, как он не может охватить и все разнообразие сочетаний слов [4].

Последнее, на наш взгляд, является одним из источников возникновения контекстуальной псевдоэквивалентности. Две лексические единицы могут быть относительно эквивалентны в своих словарных значениях, но их реализация в рамках определенного контекста и определенного языкового окружения может вызвать у переводчика ложные аналогии. Например: французское “*décoration*” и русское “декорация”. Обратившись к толковым словарям французского и русского языков, мы выяснили значения этих слов:

décoration - n.f. 1.Action, art de décorer ; ensemble de ce qui décore. *La décoration d'un appartement*. 2.Insigne d'une distinction honorifique d'un ordre de chevalerie [5, с. 213].

декорация - [франц. *décoration*] живописное или архитектурное изображение места и обстановки действия, устанавливаемого на сцене. || О том, что является показным, служащим для прикрытия недостатков, непривлекательной сущности чего-л. [6, с. 96].

Таким образом, очевидно, что в своих словарных значениях эти лексические единицы практически эквивалентны, несмотря на незначительное расхождение в объеме значения данных слов. Но выражение *décerner une décoration à qn* (наградить кого-либо орденом) может вызвать некоторые трудности у русского переводчика.

Как уже было сказано ранее, существует и несовершенство в плане полноты раскрытия значений существующих русско-французских и франко-русских словарей. Отсюда следует, что при переводе текстов с русского на французский и с французского на русский языки, к сожалению, не всегда можно положиться на русско-французские и франко-русские словари. Переводчикам, стремящимся

добиться мастерства в этой области, необходимо широко использовать франко-французские словари и справочники.

Несмотря на то, что псевдоэквиваленты вызывают трудности иногда и у профессиональных переводчиков, не стоит забывать о том, что на сегодняшний день существует большое количество переводчиков-любителей, которых не останавливает слабость собственных знаний в области языка. Переводчику необходимо не только в совершенстве владеть иностранным и родным языком, но и знать теорию перевода, знать о существующих ловушках. При отсутствии профессиональных знаний спасти переводчика-любителя от этой ложных аналогий может только здравый смысл и общее образование.

Крайне необходимы также лингвострановедческие знания, то есть те самые знания о реалиях страны, с языка которой делается перевод. Не зря многие годы существуют в филологических вузах кафедры теории и практики перевода, издается обширная учебная и научная литература на эту тему.

Список литературы

1. Казакова, Т. А. Практические основы перевода English–Russian : *учеб. пособие*. – СПб., 2001.
2. Крупнов, В. Н. В творческой лаборатории переводчика / <http://www.library.ru/help/docs/n11466/krupnov.htm>
3. Муравьев, В. Л. Faux amis или ложные друзья переводчика / В.Л. Муравьев. – М. : Просвещение, – 1969.
4. Рецкер, Я.И. Теория перевода и переводческая практика. – 2004 / <http://linguistic.ru/index.php?id=208&op=content>
5. Larousse de poche 2009. Dictionnaire et encyclopédie (poche) - P. : Larousse, 2009. – 1033 p.
6. Щерба, Л. В. Русско–французский словарь: 50000 слов / Л.В. Щерба, М.И. Матусевич – 12–е изд., стереотипное. – М. : Рус. яз., 1988. – 848 с.

СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЛЕКСИКИ ИРАНСКИХ ЯЗЫКОВ ЮЖНОГО КАВКАЗА

Умняшкин Александр Александрович

*магистр филологии, Директор Центра по изучению древних и
современных языков « ГЛОССА » ,г. Баку, респ. Азербайджан*

E-mail: itihaf@yahoo.com

В настоящее время в сравнительно-историческом языкознании, и в частности в индоевропеистике, несомненной стала тенденция к все более активному использованию в компаративных исследованиях материала живых языков. Все большее число исследователей признает, что невнимание к такому материалу может воспрепятствовать решению старых и породить новые трудноразрешимые или даже неразрешимые проблемы. Так, есть основания полагать, что реконструкция общиндоевропейского состояния исключительно на основании данных древних языков в настоящее время находится на стадии завершения. Иными словами, количество индоевропейских корневых и грамматических морфем, восстановление которых возможно при сравнении только таких индоевропейских языков, как хеттский, древнеиндийский, греческий, латынь, древнеирландский, готский, старославянский, по-видимому, уже приближается к своему максимуму. Надежды на сколько-нибудь значительное увеличение набора реконструированного материала можно связывать только с привлечением для сравнительного анализа языков, ранее остававшихся без должного внимания исследователей, особенно бытовой лексики, как наиболее архаичного пласта языкового материала. Среди таких языков немалую долю составляют языки, не имеющие многовековой письменной традиции либо являющиеся вовсе бесписьменными или младописьменными, такие как иранские языки Южного Кавказа – талышский, татский, курдский. Невысокий уровень изученности в сравнительно-историческом аспекте многих из них следует считать основной причиной сохранения своеобразных «белых пятен» в компаративистике вообще и, в индоевропеистике, в частности [3].

В индоевропеистических исследованиях прошлого чаще всего рассматривался только материал древних языков этой «ветви» — древнеиндийского, авестийского и древнеперсидского. Среднеиндийские и средне-иранские данные привлекались для анализа весьма редко, современные же языки почти полностью оставались вне поля зрения исследователей. Такой уровень изученности арийской

языковой общности в сравнительно-историческом аспекте, вне всякого сомнения, нельзя считать адекватным [1; 2].

Начавшееся в относительно недавнее время исследование живых арийских языков, включая и бесписьменные (по числу последних арийская «ветвь», несомненно, опережает все остальные генетические подразделения индоевропейских языков), уже успело дать весьма значимые результаты, сделавшие необходимым пересмотр некоторых традиционных представлений об общеарийском состоянии и его отношении к праиндоевропейскому. Достаточно упомянуть, например, открытие аффрикатных рефлексов индоевропейских глухих палатальных в нуристанских языках, которое заставило индоевропейцев по-новому взглянуть на проблему языков *centum* и *satem*.

Древние иранские языки (авестийский и древнеперсидский) отличались ярко выраженным синтетическим строем с развитой системой флексивных форм склонения имен и спряжения глагола. Имена существительные, прилагательные и местоимения изменялись в них по 8 падежам, по числам (единственное, двойственное, множественное число), имелась категория рода (мужской, женский и средний род). В системе глагола противопоставлялись два залога — активный и медиальный, отличавшиеся друг от друга типом личных окончаний.

Последующая история развития морфологической системы характеризуется постепенным распадом флексии и постепенной сменой синтетического строя аналитическим. Почти все современные иранские языки принадлежат к числу языков аналитического строя. Категория рода в таджикском, татском, белуджском, талышском, гилянском, мазандеранском языках полностью утеряна. В курдском языке она сохранилась в пережиточном виде и обнаруживается главным образом в характере изафетного показателя, частично в типах склонения имен и в косвенном падеже указательных местоимений и тождественных с ними личных местоимений 3-го лица.

На месте древней восьмипадежной системы склонения в большинстве современных иранских языков осталось два-три падежа: в курдском — прямой, косвенный и пережитки звательного, в татском языке — прямой и косвенный, в талышском — прямой и косвенный, в белуджском — основной, посессивный и объектный.

С точки зрения характера глагольной системы все современные иранские языки можно разделить на два типа: 1) языки, в которых переходным глаголам в прошедших временах свойственна так называемая эргативная, или мнимо-пассивная, конструкция, 2) языки,

в которых такая конструкция отсутствует. Из числа иранских языков на территории бывшего Советского Союза к первой категории относятся: курдский, талышский, диалекты шугнано-рушанской языковой группы, язгулямский, ваханский; ко второй группе относятся: таджикский, татский, осетинский.

Характерной особенностью синтаксиса ряда иранских языков является наличие изафетной конструкции. Под этим термином в иранских языках подразумевается особый тип атрибутивных сочетаний, при которых на первом месте ставится определяемое имя, принимающее особый так называемый изафетный показатель, на втором месте определение (любого типа — качественное или по принадлежности), например: тадж. *xoná-i kalon* 'большой дом', *xoná-i padār* 'дом отца' и т.п. Изафетная конструкция свойственна персидскому, таджикскому, курдскому языкам. Отсутствует изафетная конструкция в белуджском, талышском, осетинском и почти по всех памирских языках.

При всем различии словарного состава современных иранских языков в них можно проследить унаследованный от древности общий лексический фонд, большая часть которого охватывает бытовую терминологию:

1) в существительных, например:

'отец' — др.-перс. *pita(r)*, перс. *pedār*, тадж. *padar*, шуги. *pid*, руш. *pi(d)*, осет. *fæd*, белудж. *pis*, гил. *per*, мазанд. *per*, тал. *piā*, афг. *plar*;

'мать' — др.-перс. *māta(r)*, перс. *mādār*, тадж. *modar*, руш. *mōd*, осет. *mad*, афг. *tor*;

'брат' — др.-перс. *brāta(r)*, перс. *beradār*, тадж. *barodar*, татск. *birār*, тал. *bo*, курд. *bərd*, белудж. *brās*, афг. *vrog*, гил. *bəgar*, барт. *virō(d)*, руш., хуфск. *v(i)rōd*, шугн. *v(i)ro(d)*, яги. *vlrot*;

'женщина', 'жена' — авест. *jēni/jaini*, перс. *zān*, тадж. *zan*, мазанд. *zan*, курд. *žəp*, белудж. *jnēn/jinak*, шугн. *yin/yinik*, руш. *jan/janak*, барт. *jan*, *janik*;

'дверь' — др.-перс. *duvara*, перс. *dār*, тадж. *dar*, курд. *dār*, барт. *divör*, руш. *divö*, шугн. *divi*, яги. *devār*, осет. *dwar*;

'лиса' — авест. *gaorīš*, ср.-перс. *gōrās*, перс. *rūbāh*, тадж. *rūboh*, белудж. *goba*, ягн. *guba*, осет. *ruvas*, шугн. *rūps*, руш. *rūps*, курд. *ruvi* и мн. др.;

2) в большинстве глагольных корней, например:

'делать' — др.-перс. *√kr*, перс. *kārdān* (коп), тадж. *kardan* (кап), курд. *kəgən*, осет. *кæпъп*, белудж. *kurtin* (кап), гил. *kudən* (кип), мазанд. *həkərdən*, руш. основы *kin*: *čüg*, шугн. *kin*: *čud*, афг. *kavəl*;

'есть', 'кушать' — авест. $\sqrt{xuag}$, ср.-перс. *xuartan* (*xuar*), перс. *xordān* (*xor*), тадж. *xūrdan* (*xūr*), курд. *xwārən*, белудж. *wartin* (*war*), афг. *xvarəl*, осет. хæгп, шугн. основы *xār*: *xūd*, ягн. основы *xuar*;

3) в местоимениях, например:

'я' — др.-перс. *adam*, род. пад. *manā*; авест. *azəm*, род. пад. *manā*; перс. *mān*; тадж. *man*; гил. *təp*; мазанд. *mən*; белудж. *man*; тал. *az*, косв. пад. *tī(p)*; курд. *āz*, косв. пад. *təp*; руш. *az*; осет. *æz*, косв. пад. *mæn*; ягн. *man*; афг. *zə*, косв. пад. *mī*; шугн. *wuz*, косв. пад. *mu*;

'ты' — др.-перс. *tuvam*, ср.-перс. *tu*, перс. *to*, тадж. *tu*, гил. *tu*, мазанд. *tə*, белудж. *ta*, курд. *tû*, ягн. *tu*, афг. *tə*, осет. *du* и др.;

4) в числительных, например:

'два' — авест. *dva-*, др.-перс. *duvitiya* 'второй', ср.-перс. *du*, перс. *do*, тадж. *du*, белудж. *du*, шугн. *diyûn*, афг. *dva*, ягн. *du*, осет. *duwaæ*, татск. *dy* и др.;

5) в предлогах, послелогах и союзах:

послелог: др.-перс. *rādiy* 'ради', курд. *ga* — показатель косвенного объекта, перс. *gā*, тадж. *go* — показатели прямого объекта и т.д.;

предлог со значением исходности: авест., др.-перс. *haśā*, курд. *ž*, перс. *āz*, тадж. *az*, татск. *æz*, тал. *ś*, шугн. *as*, язг. *š(ə)* и т.д.;

сочинительный союз 'и': др.-перс. *atā*, авест. *uta*, шугн.-руш. *atā*, *at*, язг. *ata/at/a*, ишк. *-t/-t*

Большую роль в формировании лексики иранских языков играли и продолжают играть иноязычные заимствования. Сюда относятся:

1) заимствования из языков, принадлежащих к другим языковым семьям, например, большое количество слов заимствовали иранские языки из тюркских (татский и талышский — из азербайджанского, белуджский и диалект курдов Туркмении — из туркменского), в определенную эпоху в иранские языки вошло большое количество культурной лексики из арабского языка;

2) заимствования из родственных языков внутри самой иранской группы: сюда прежде всего относится лексическое влияние таджикского языка на бесписьменные языки на территории Таджикистана (ягнобский и памирские языки). Как результат обратного влияния можно отметить определенное количество восточноиранской лексики в ряде таджикских говоров.

Все сказанное выше относится не только к исследованиям арийской языковой общности в целом, но и к изучению в сравнительно-историческом аспекте языков каждой из входящих в нее «ветвей». Так, анализ данных ряда живых восточноиранских языков, в

большинстве своем бесписьменных, заставил внести ряд существенных поправок в традиционную реконструкцию общеиранского праязыка. Теперь этот праязык представляется гораздо более архаичным, чем полагали исследователи ранее.

В современной компаративистике общепринятой стала точка зрения, согласно которой точное определение места конкретного языка или группы языков в генетической классификации возможно только после скрупулезного изучения всего наличного языкового материала, направленного как на выявление специфических черт этого языка или группы, так и на построение иерархии этих черт с точки зрения их значимости для исследования. Иными словами, необходимо отделить генетически унаследованные классифицирующие признаки от типологических и ареальных, с тем, чтобы затем полностью отвлечься от двух последних и сосредоточить все внимание на первых. Следует отметить, что проведение такой работы сопряжено с особыми трудностями при исследовании иранских языков Южного Кавказа. Бытуя в горных районах и труднодоступных местностях, талышский, курдский и татский языки находятся в теснейших контактах друг с другом, а также и с другими языками, как родственными, так и не обнаруживающими какого-либо родства (тюркскими, кавказско-иберийскими). Неудивительно поэтому, что процессы языковой конвергенции в рассматриваемом регионе зашли столь далеко, что полное разграничение генетических, типологических и ареальных признаков представляется задачей крайне трудной, хотя говорить о ее невыполнимости пока нет оснований.

Исследование особенностей других уровней языка едва ли может дать сколько-нибудь показательные результаты: синтаксис подвержен чрезвычайно быстрым и кардинальным изменениям, как спонтанным, так и вызванным межъязыковыми контактами, а для исследования исторической семантики пока еще нет более или менее разработанной точной методики. Изучение морфологии иранских языков Южного Кавказа в сравнительно-историческом аспекте представляется нам процедурой трудоемкой и при этом может оказаться не слишком результативным. Известно, что морфологические системы древних иранских языков и древнеиндийского настолько близки между собой, что выявление классифицирующих инноваций для каждой из «ветвей» сопряжено с немалыми трудностями. Таким образом, сравнительно-исторический анализ морфологического уровня должен свестись фактически к поиску в иранских языках Южного Кавказа возможных этимологических параллелей для тех заведомо немногочисленных

словоизменительных и словообразовательных элементов, которые, имея разный вид в древнеиндийском и древних иранских языках, не обнаруживают друг с другом регулярных фонетических соответствий.

Однако подобного рода расхождения между индоарийскими и иранскими языками не только малочисленны, но и в значительной своей части весьма сомнительны с точки зрения возможности рассмотрения их в качестве классифицирующих. Ряд исследований по сравнительной иранистике, например, показал, что существенная часть подобного рода изоглосс, будучи присущей как древнеиндийскому, так и отдельным иранским языкам, отделяет, следовательно, не индоарийскую «ветвь» от иранской, а лишь определенную часть древнеиранских диалектов (например, древнеперсидский) от всех других арийских. Однако систематическое рассмотрение словарного материала по бытовой лексике иранских языков Южного Кавказа в сравнительно-историческом аспекте, как можно судить по доступным нам в настоящее время работам, не проводилось исследователями и представляет огромный научный и практический интерес.

Таким образом, опыт исследований живых арийских языков показывает, что результаты этих исследований зачастую не уступают по своей значимости результатам сравнительно-исторического анализа материала языков древности. Тем не менее, как уже отмечалось, количество темных мест в данной области сравнительно-исторического языкознания еще очень велико. Их устранение, по нашему мнению, принадлежит к числу основных задач индоевропеистики в обозримом будущем.

Список литературы

1. Оранский И.М. Введение в иранскую филологию// М.: Наука, 1998
2. Сравнительно-историческое изучение языков разных семей. Современное состояние и проблемы// М.: Наука, 2009
3. Spiegel F. Vergleichende Grammatik der Alt-Iranischen Sprachen// Leipzig, 1882

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ ЭМОЦИЙ В ПИСЬМЕННОЙ БИЗНЕС-КОММУНИКАЦИИ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Цой Алла Игнатьевна

*заведующий кафедрой иностранных языков Волгоградского
института бизнеса, г. Волгоград*

E-mail: alights@mail.ru

В науке о языке уже признанным является мнение о неразрывности эмоционального и рационального. Они в равной степени являются составляющими человеческой сущности, его интеллекта. В любой профессиональной деятельности одинаково важен как логический (рациональный) фактор, так и его эмоциональное сопровождение. О рациональном факторе эмоций и о рационализации эмоций в человеческом общении отмечает В.И. Шаховский [6, с. 305].

В лингвистической науке представлены работы, раскрывающие функционирование эмоционального компонента в рациональных дискурсах. Так, в работе Разинкиной Н.М. мы находим концептуальное положение о том, что эмоциональная окрашенность изложения является неотъемлемым качеством научной речи. Автор исходит из позиции, что человеческое мышление есть единство логического и чувственного познания действительности. «Элементы аффективной реакции могут переходить в категорию логических рассуждений» [4, с. 6]. Иными словами, не существует четких границ между логическими формами мышления и эмоциональным отношением к явлениям и фактам действительности. Принимая во внимание данный факт, мы предприняли попытку обосновать наличие эмоционального и эмотивного компонентов в рациональной профессиональной деловой коммуникации, в частности бизнес-коммуникации.

Термин и понятие «бизнес-коммуникация» берут свое начало в разделе коммуникационного менеджмента. Менеджмент рассматривает вопросы внутреннего и внешнего управления и взаимодействия участников бизнеса с целью достижения успеха в данной профессиональной сфере или поддержанию позитивного имиджа компании. Однако в поле зрения бизнес-коммуникации находятся вопросы и проблемы чисто лингвистического плана, ведь речь идет о речевых стратегиях и тактиках, которые нацелены на достижение успеха в профессиональном общении.

Общепризнанным мнением отечественной стилистики является отсутствие эмоциональности в официально-деловой коммуникации, поскольку функция языка в данном типе коммуникации связана с логичностью и точностью изложения, а не со средствами эмоционального и эстетического воздействия на адресата, как это свойственно художественной коммуникации. Для официально-делового стиля важны четкость, незэмоциональность изложения, стандартность [1], «отсутствие эмоционально-окрашенных слов» [5], «специфику официального-делового стиля представляют такие стилевые признаки, как официальность, логическая последовательность, завершенность, ясность, краткость и отсутствие эмоциональной окрашенности» [2, с. 182].

Однако тенденции развития профессиональной деловой коммуникации говорят об обратном явлении. Исследователи данного типа коммуникации отмечают многообразные отступления от норм и характеристик официально-делового стиля: усиление бытового начала в деловой переписке, использование разговорно-обиходных и просторечных лексических элементов, снижение степени официальности. «Лексическое поле профессионального общения бизнесменов представляет собой пеструю картину» [3, с. 100]. На формирование особенностей речи бизнесменов, по мнению Т.А. Милехиной, влияют различные социальные факторы, среди которых выделяются уровень образования, возраст, условия общения [3, с. 100]. К списку жанрово-стилевых особенностей в развитии деловой коммуникации можно по праву отнести симплификацию и эмоционализацию делового общения в целом.

Человеческая сущность пронизана эмоциональными взаимодействиями и отражениями действительности. Любая деятельность человека, будь то профессиональная или бытовая, воплощает в себе то или иное эмоциональное проявление и выражение, а значит, в любом языковом выражении человеческой действительности присутствуют эмоции. Различие состоит лишь в степени проявления эмоциональности в различных типах коммуникации. В бытовой и художественной коммуникациях велика степень этого проявления. В профессиональных деловых коммуникациях эмоциональность расценивается как факультативное качество. Существует научное обоснование проявления эмоционально-субъективной оценки в научной прозе [4], она рассматривается как необязательное, второстепенное, «подсобное» явление. Было доказано, что несмотря на ограничение особенностями стиля научной прозы (всесторонняя доказательность, строгая логичность, объективная

оценочная мера и др.), в научных работах имеет место субъективная оценка с определенной долей эмоциональности. Обратимся к следующим высказываниям Н.М. Разинкиной. «Элементы эмоционального отношения, имеющие место в научных работах, есть чувства, которые получили название интеллектуальных, так как они возникают в процессе познавательной деятельности человека и связаны с удовлетворением его познавательных интересов» [4, с. 7]. «Процесс познания действительности связан с возникновением эмоциональной реакции. Выясняя взаимосвязи материального мира, оценивая работу других исследователей, ученый привносит, наряду с логической констатацией факта, свою собственную субъективно-чувственную оценку» [4, с. 6]. Данные цитаты иллюстрируют то, как научная коммуникация, будучи сугубо рациональной и лишенной эмоций по своему стилистическому назначению, приобретает элементы эмоциональной субъективности.

Еще раз сделаем акцент на том, что любая профессиональная коммуникация является эмоциональной, то есть имеет место психологическое сопровождение коммуникации (эмоциональность есть понятие психологическое). Эмоции человека обладают тем или иным лингвистическим оформлением. В этом случае речь идет о лингвистическом понятии – об эмотивности.

Вербализация эмоций (проявление на языковом уровне) коммуникантов в письменном бизнес-общении осуществляется более ограниченно по сравнению с устной формой общения. Иными словами, письменная бизнес-коммуникация менее эмотивна по сравнению с устной. Далее представим основные средства проявления эмотивности в письменном бизнес-общении на английском языке. Исследование фактического материала проводилось в аспекте эмотиологии, методологической основой стала лингвистическая теория эмоций

В.И. Шаховского. Были изучены тексты контрактов, договоров, официальных писем участников современной бизнес-деятельности на предмет выявления в них эмотивности. Анализ показал, что основными средствами эмотивности в письменной бизнес-коммуникации стали:

1. различные виды повторов. Повторяются такие слова, как «To carry out...», «The price of this CONTRACT ...», « The time of delivery », «The AUTHORITY shall deliver said The CUSTOMER shall sign said...»; «please note that», «please can you review and advise»;

2. превосходная степень сравнения «the highest professional standards»;

3. графическое оформление текста. Важные моменты контракта подчеркиваются или выделяются курсивом и жирным цветом;

4. эпитеты «all reasonable expenses», «amicable settlement», «more flexible planning», «reasonable control», «reasonable time», «exciting project», «significant project», «protracted nature of contract discussion», «successful project»;

5. частое употребление слова «all»;

6. ссылки на внешние факторы, вызывающие те или иные эмоции (как правило в пункте о форс-мажорных обстоятельствах) «acts of God, acts of any government, acts of war (declared or otherwise), hostilities, riot, civil commotion or unrest, military action, insurrection, fire, incendiarism, explosion, embargo, criminal acts of third parties, strikes or other labour disturbances»;

7. количественные числительные € 30000 , «within 14 days», «100% of an amount», «not more than 20 days », «a late charge of 0.1% per day», «not less than 40 Euro per day», «shall not exceed 10 Euro», «date of payment is 60 (sixty) days».

Эмоции в письменной бизнес-коммуникации вербализуются в скрытой форме. Экспликация эмоционального отношения коммуникантов недопустима в текстах контрактов, договоров, деловых писем, так как она нарушает стиль общения. Указанные выше приемы позволяют адресанту имплицитно воздействовать на эмоциональную сферу адресата, вызвать у него определенные эмоции, как положительные (радость, восторг, удовлетворение и др.), так и отрицательные (недовольство, негодование, злость, ярость и др.) в зависимости от прагматических целей и ситуации общения.

Список литературы:

1. Баландина Л.А. Русский язык и культура речи [Текст] / Л.А. Баландина // Учебное пособие. М. : 2005. [электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: http://dofa.ru/open/book/1_russ/raz3.htm
2. Комлева Е.В. Апеллятивность текстов официально-делового стиля: (на материале современного немецкого языка) [Текст] / Е.В. Комлева // Рос. Гос. пед. Ун-т им. Герцена. – Оренбург, 2006. – 219 с.
3. Милехина Т.А. Речь бизнесменов в разных условиях общения [Текст] / Т.А. Милехина // Проблемы речевой коммуникации : сб. науч. тр. – Изд-во Саратов. ун-та, – 2000. – С. 99-105.

4. Разинкина Н.М. Стилистика английской научной речи (элементы эмоционально-субъективной оценки) [Текст] / Н.М. Разинкина // – М. : Изд-во «Наука», 1972. – 167 с.
5. Стариченок В.Д. Большой лингвистический словарь [Текст] / В.Д. Стариченок // Ростов-на-Дону : Феникс, 2008. – 811 с.
6. Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций [Текст] / В.И. Шаховский // М.: Изд-во «Гнозис», 2008. – 418 с.

К ВОПРОСУ О ВЛИЯНИИ ОБРАЗНОСТИ ПОЛЬСКОГО ФОЛЬКЛОРА НА РУССКИЕ ЗАГАДКИ

Шадрина Татьяна Семёновна

*к. фил. н., доцент Гос. университета – УНПК, г. Орёл
E-mail: ivshadr@mail.ru*

Около 300 лет в Литве существует русская диаспора. Основную её часть составляют потомки переселенцев второй половины XVII – первой половины XVIII вв., которые бежали сюда из России из-за гонений по религиозным, а затем также по экономическим или политическим мотивам. Живут они здесь вперемешку с литовцами, поляками, белорусами и традиционно владеют несколькими языками.

В условиях иноэтнического окружения родной фольклор воспринимается как элемент национального сознания и культуры. Н.А. Криничная справедливо отмечает, что «осознание значимости своих традиций в иноязычном окружении – признак живучести данной этнической группы» и «чем больше опасность нивелировки, исчезновения этнокультурной традиции, тем заметнее тенденция, связанная с её сохранением» [7, с. 33]. Большинство загадок, бытующих в русской среде Литвы, зафиксированы в старинных собраниях. Сохранность вариантов традиционных текстов в условиях анклава выше, чем на территории России.

В то же время фольклор, принесённый с исторической родины, не находится в вакууме. На него не могли не наложить отпечаток многовековые экономические и культурные отношения с представителями других национальностей, населяющими данную территорию, а также связанный с этим полилингвизм населения. Взаимодействие фольклорных традиций выражается разнопланово: в использовании свойственных инациональному фольклору тем и образов, в трансформации образной системы, в усвоении характерных

для иноэтнической традиции черт, в калькировании текстов, в лексических заимствованиях.

Каждый случай этого чрезвычайно сложного процесса имеет свою специфику. Как указывает В.В. Головин, «уровни естественного взаимовлияния фольклорных традиций могут прогнозироваться лишь в самых общих чертах, в основном могут лишь наблюдаться и изучаться» [2, с. 100]. При обращении к материалу необходимо исследовать конкретные факты, не ограничиваясь констатацией случаев более или менее близкого сходства, отвлечённо объясняемых как проявление единства общих закономерностей развития. Можно выделить три типа балто-славянских параллелей в загадках: 1) историко-генетические, возникшие в период балто-славянской племенной общности; 2) типологические; 3) контактные – заимствования, возникшие на протяжении последних столетий в результате постоянных контактов соседних народов.

Е.А. Костюхин отмечает, что характер контактов между близкими народами не отличается по существу от контактов между народами родственными, хотя разница между культурами в этом случае всегда значительна, поскольку в генетическом плане это разные культуры [6, с. 8]. Исследование загадок в русской среде Литвы особенно интересно потому, что здесь мы можем проанализировать влияние традиций народов, находящихся в разной степени родства.

Проследим влияние образности польского фольклора на русские загадки в анклав. Оно выражается, прежде всего, в использовании характерных для инациональной традиции отдельных мотивов и образов. В ряде случаев обнаруживаем варианты загадок, в которых наблюдается следование не общерусской традиции, а польской. Предметом рассмотрения в статье станет загадка про солнце, зафиксированная в среде русского старожильского населения Литвы: «Сидела цыганка в темнице, вышивала без иголки, без нитки, вышила цветок на целый мир; кто ни взглянет – каждый заплачет» [4, с. 542].

Несомненна её генетическая связь с широко распространённой загадкой про пчелу, разнообразные варианты которой записаны и от русских в Литве. Наиболее близок к ней следующий текст: «Сидит дева в темнице, шьёт цветочек без иголки и без нитки, ушила цвет на белый свет» [8, с. 144]. Данная загадка содержит традиционные элементы загадок о пчеле в улье: *дева в темнице, шьёт без иголки и без нитки*. В общерусской традиции девицы (старушки, черницы) занимаются различными рукоделиями: вяжут вязеницы, рукавицы, чулочки, узор, сетку; нижут бисер на ниточку; ткут понёвки, холсты.

Среди прочего упоминается и вышивка: «Сидит девица в темной темнице, / Ткань созидаёт, узор вышивает, / Без шелков, без напалок, без тонких иголок» [5, с. 176].

Но есть в зафиксированном в Литве тексте и особенности. Прежде всего, в общерусских загадках, в которых говорится о вышивке, обязательно присутствует указание на то, что сначала создаётся ткань, а затем на ней выполняется узор: «Бранину собирает, / Узор вышивает...»; «...Камку тчёт / И узором шьёт...» [5, с. 176]. (*Камка* – ‘шёлковая китайская ткань с разводами’; *бранина* – ‘полотно, узорчатая ткань, идущая на столовое бельё, на полотенца’.) В известной в Литве загадке речь о ткани не идёт. К тому же дева шьёт не просто узор, а *цветочек, цвет*. Кроме того, её труды предназначены для *белого света*. Этот образ отсутствует в общерусских загадках, но он логически и художественно оправдан: дева трудится в темнице, а результат её работы предназначен для многих, для всего света. Противопоставление *темницы* и *белого* света усиливает эффект от созданной картины.

Представляется, что на образность этой загадки повлияла польская загадка про луну, сходная с загадкой про пчелу: «*Stoi panna w ciemnicy, / szyje bez igły, bez nici. / A uszyła taki kwiat, / co na cały świat*» («Стоит девица в темнице, / шьёт без иглы, без нити. / Сшила такой цветок, / Что на целый свет» – Т. Ш.) [10, № 504]. Становится понятным, почему в местной загадке про пчелу появляется образ цветка и отсутствует указание на создаваемую девой ткань: у луны нет потребности создавать уже имеющуюся ткань – небосвод. Весьма показательным является также наличие в местном русском тексте полонизма *ушїла* – ‘сшила’.

Эта же польская загадка, переведённая на русский язык, была положена в основу рассматриваемой местной загадки про солнце. Как известно, в фольклоре часть текстов загадок про луну и солнце взаимозаменяются. В общерусской традиции в подобных текстах также встречаются антропоморфные образы: солнце уподобляется прекрасной девушке («Красная девушка / По небу ходит» [5, с. 226]). Вместо него в местной загадке использован чрезвычайно популярный в русской среде Литвы (так же, как в белорусской и в польской традициях) образ *цыганки*. Эта метафора ещё более подчёркивает степень черноты *темницы*, в которой находится ночью солнце, прежде чем превратиться в прекрасный цветок.

Последняя часть рассматриваемого текста, как правило, входит в состав многочисленных загадок про луковицу. Но встречается она и в записанных в России загадках про солнце: «Сито, / Вито, /

Кругловито, / Кто ни взглянет, / Тот заплачет» [5, с. 225]. В.П. Аникин считает данный текст характерным «для творческой работы народа: здесь и переосмысление старых загадок, и использование готовых поэтических образов» [1, с. 320.]. Упоминание о слезах, появляющихся при взгляде на солнце, содержится и в неметафорических загадках про дневное светило, бытующих в общерусской и в белорусской традициях: «Взглянешь – заплачешь, а краше его на свете нет» [3, № 147]; «Глянеш – заплачаш, а ўсе яму рады» [9, с 357.]. Русским в Литве тоже известна загадка про солнце и слёзы, но акцент в ней делается несколько иной: «Без него плачешься, а как появится, от него прячешься» [8, с. 137.].

Итак, рассматриваемая нами загадка про солнце, записанная в Вильнюсском районе Литвы, где исторически живёт много поляков, является контаминацией калькированной польской загадки про луну и традиционной для русских и белорусов загадки про солнце. Вторая часть понадобилась, очевидно, для того, чтобы разграничить её с текстом местного варианта загадки про пчелу, также вобравшим в себя образы польского фольклора.

Займствованная загадка прочно вошла в русскую традицию потому, что она соответствовала жизненному опыту и мировоззрению русского народа, её тема и образы были близки общерусским. В результате этого займствованный текст был приспособлен к новым условиям и даже послужил моделью для создания новых произведений. В условиях анклава воздействие иноэтнического фольклора является неизбежной формой процесса культурного общения.

Список литературы:

1. Аникин В.П. Примечания // Загадки русского народа: сборник загадок, вопросов, притч и задач / Составил Д.Н. Садовников. – М.: Изд-во Московского университета, 1959. – С. 262–334.
2. Головин В.В. Фольклор русских в иноэтническом окружении // Русские культурные традиции и современность. Материалы ХLI научной конференции профессорско-преподавательского состава института. – СПб.: Санкт-Петербургский гос. институт культуры, 1993. – С. 91–101.
3. Загадки / Издание подготовила В.В. Митрофанова. – Л.: Наука, 1968. – 255 с.
4. Загадки // Фольклор старообрядцев Литвы: Тексты и исследование. – Т. I. Сказки. Пословицы. Загадки / Сост.

- Ю. Новиков. – Вильнюс: Издательство Вильнюсского педагогического университета, 2007. – С. 542–555.
5. Загадки русского народа: сборник загадок, вопросов, притч и задач / Составил Д. Садовников. – СПб.: Тип. Н.А. Лебедева, 1876. – 332 с.
 6. Костюхин Е.А. Сказки и типология культурных контактов // Русский фольклор. XXVII. Межэтнические фольклорные связи. – СПб.: Наука, 1993. – С. 3–13.
 7. Криничная Н.А. О взаимодействии этнокультурных традиций: К методике полевых и теоретических исследований // Сохранение и возрождение фольклорных традиций: Сборник научных трудов. Вып. 6: Русский фольклор в инокультурном окружении. – М.: Государственный республиканский центр русского фольклора, 1995. – С. 32–40.
 8. Митропольская Н.К. Русские загадки, записанные в Зарасайском, Аникщайском, Игналинском и других районах Литовской ССР от местного русского старожильского населения // Науч. тр. вузов ЛитССР. Литература. 1974. № XIV (2). – С. 131–155.
 9. Беларускія прыказкі, прымаўкі і загадкі / Склаў Яўген Рапановіч. – Мінск: Вышэйшая школа, 1974. – 384 с.
 10. Polskie zagadki ludowe / Wybrał i opracował Sławomir Folfasiński. – Warszawa: Ludowa spółdzielnia Wydawnicza, 1975. – 453 с.

СЕКЦИЯ 3: ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

РУССКАЯ ВЕРСИЯ ДЕКАДАНСА КАК ПОИСКИ НОВОЙ ДУХОВНОСТИ

Виноградова Виктория Викторовна

аспирант ВолГУ, г.Волгоград

E-mail: malte22@yandex.ru

Эпоха конца XIX – начала XX веков является значимой вехой в истории русской культуры. В художественном плане этот период отмечен мировоззренческим кризисом, выразившим не предельно индивидуальное видение мира, а, сообразно русскому менталитету, «соборную» душу народа как в вечном ее состоянии, так и в новых исторических условиях, связанных с воздействием на культуру Серебряного века философии А. Шопенгауэра, Ф. Ницше, теории психоанализа З. Фрейда, а также многочисленных теософских и антропософских исканий.

Большинство декадентов, не довольствуясь скептицизмом, шло по пути мистических исканий, породивших проблему преодоления позитивистско-атеистических взглядов через возвращение к утраченному живому религиозному чувству. Актуализация данной проблемы рождает среди мыслителей конца XIX – начала XX веков особый интерес к религиозному сознанию в контексте поисков возможных путей его обновления.

Новый этап русской религиозной мысли начинается с трудов В. Соловьёва и достигает своего апогея в период «русского религиозного ренессанса» – в частности, у его последователей философа Н.А. Бердяева и особенно у теоретиков неоправославия о. Павла Флоренского, о. Сергия Булгакова и у других религиозных мыслителей первой половины XX века, таких как П.Б. Струве, С.Л. Франк, С.Н. Трубецкой и Е.Н. Трубецкой.

Согласно Д.С. Мережковскому, «русские декаденты» были «первыми в русском образованном обществе самозародившимися мистиками» [5, с. 159], стремившимися отделиться революционно-эсхатологическим настроениям, ищущими нового религиозного сознания. Характерной чертой «декадентского» богоискательства была мысль о неудаче исторического христианства, о его обреченности, о необходимости найти новые пути религиозного сознания. Духовное содержание эпохи весьма метко охарактеризовал А. Белый: «Живем в мире сумерек, ни свет, ни тьма – серый полумрак; бессолнечный день

или не вовсе черная ночь. Образ победной жизни, как и образ гибели, одинаково не содержится в содержании нашего сознания. Мы подслушиваем в себе смерть и разложение; но мы же – еще не рожденные к новой жизни; наша душа чревата будущим: вырождение и возрождение в ней борются» [1, с. 218].

Характерной чертой религиозно-философской мысли Серебряного века была эсхатологическая направленность, свойственная русскому мышлению в большей мере, чем мышлению западному. Именно поэтому русским религиозным мыслителям были близки пророчества Иоахима Флоровского о новой эпохе Святого Духа, эпохе любви, дружбы, свободы. В творчестве Д. С. Мережковского эта мечта воплотилась в наибольшей мере и выразилась с созданной им системе «неохристианства», религии Третьего Завета.

В свою очередь прослеживался интерес к западным мистикам и теософам. Почти каждый значительный поэт этой эпохи, так или иначе, тяготел к той или иной форме мистического поиска. Н. Гумилев писал: «Русский символизм направил свои главные силы в область неведанного. Попеременно он брался то с мистикой, то с теософией, то с оккультизмом. Некоторые его искания в этом направлении почти приближались к созданию мифа» [4, с. 235].

Теософия и спиритизм были двумя наиболее важными формами мистических исканий декадентов в России тех лет. Другим оккультным движением было хлыстовство. Не случайно Бердяев пишет о том, что «новое религиозное сознание и религиозное творчество связаны ... с Эросом, с религиозным решением проблемы пола и любви» [2, с. 32]. Реабилитация пола, а вместе с ним и самого человека, оказалась одной из основных тем русской философии рубежа веков.

Первой попыткой примирения Бога и пола стала знаменитая работа Вл. Соловьёва «Смысл любви», отразившая русскую амбивалентность в области мистических измерений отношений. В ней пол мыслится как основа концепции исторического развития. Для Соловьёва несущественна начальная ситуация изгнания из Рая, для него важнее конечное возвращение в Рай на его раннюю ступень нерасчлененного андрогинизма. Итак, иррациональность русской души была сродни идее единства любви и смерти, слиянию противоположностей, отсюда – андрогинное, бисексуальное начало в изображении человека в творчестве декадентов (например, рассказ З. Гиппиус «Двое – один», отражающий концепцию душе-телесного существования; стихотворения В. Я. Брюсова «На пиру»: «Вдохну и

выпью аромат твой, // Упьюсь твоею влагой я ... // Клянусь, клянусь
великой клятвой: // Я – твой! иль, может, я – твоя!» [3, с 83];
Ф. Сологуба: «Если б я могла, как платье // Плоть мою переменять, //
То отбросить это тело, // То войти в него опять...» [6, с. 248].

В 1898 выходит статья В.В. Розанова на тему пола, ставшая узловой для всего мировоззренческого уклада порубежной России. Это статья «Брак и христианство». В книге Розанова «О понимании» тема бытия нашла в теме пола свое продолжение и своеобразное развитие. Присущее мыслителю «чувство Бога» неотделимо от другого свойственного ему «чувства пола». Пол видится мыслителю таинственным основанием существующего, космичным, надмировым началом, в котором синтезируется плотское и духовное; сфера пола не исчерпывается для него интимными отношениям мужчины и женщины.

Пол, по Розанову, явление трансцендентное, всеобщее и бесконечное, охватывающее сущность бытия, составляющее причину мировой гармонии. В философии Розанова отсутствует проблематика греховности – в стихии пола освящается все: священен акт рождения, а потому священна рождающая природа, земля; священен половой акт, зачатие, семья как институт, способствующий продолжению рода. Таким образом, философско-религиозная концепция пола мыслителя отражала декадентскую идею синтеза сексуальной свободы с духовной сосредоточенностью в русской культуре эпохи декаданса, отличающейся эротической и психологической напряженностью. На наш взгляд, это некая культурная мистификация, характерная для порубежной эпохи: популярная в эпоху натурализма проблема пола соединилась в творчестве декадентов с неоплатоновским идеализмом и обусловила обращение к андрогинизму (Вл. Соловьёв) и трансцендентному пониманию пола (В.В. Розанов) как отрицанию сущности христианства, раскрывая пол в языческих традициях древности.

Подытожим наши рассуждения. В целом русская культура на рубеже XIX–XX веков приобретала свою специфику: первостепенное внимание к метафизически понятой проблеме человека и предельным вопросам бытия, антимиметизм, усиливающуюся субъективизацию, лиризацию и повышенную эмоциональность художественного творчества, недогматическую религиозность, эстетизм, сознательное мифотворчество, общее тяготение эпохи к мировоззренческому синтезу. Утверждение декадентских настроений в Европе хронологически совпало с таким понятием в истории мировой культуры, как рубеж веков, который всегда воспринимался как особый

период, концентрирующий в себе успехи и поражения, достижения и просчеты, старое и новое. Этот особый этап в социокультурной ситуации России рубежа XIX – XX веков явился переломным моментом в истории европейского искусства в целом, когда все отчетливее дало о себе знать ощущение истощенности старых художественных форм. Именно на рубеже XIX – XX веков возникают различные учения (религиозные, философские, эстетические), пронизанные эсхатологизмом и отрицанием самого общества.

В нашей интерпретации декаданс – особый тип мировоззрения и творчества, возникший в культуре Серебряного века, а декадент – тип личности, сущностным ядром поведенческой модели которой является амбивалентно-игровое отношение к жизни, обусловленное кризисом духовно-нравственных ценностей на рубеже XIX – XX веков, породившим тип экзистенциального миропонимания с его доминантной идеей неприятия мира.

Эпохальные мифологемы эроса и танатоса, наличествующие в художественной антропологии декадентов, специфически интерпретировались авторами и культивировали тип самоутверждающегося индивидуалиста, игнорирующего социальные и нравственные нормы и презирающего всякие запреты и табу. В этом плане «философия пола», актуальная для декадентов, носила подчинительный характер и была связана с поисками «нового религиозного сознания».

Идея всеединства и культурного синтеза, доминантная в эстетике «теургов», трактовавших творческий процесс в свете архетипов космогонии, привела к трансформации Богочеловека в человекобога. В целом, человек как единственный творец ценностей – эта духовно-интеллектуальная основа панэстетизма Серебряного века, занимавшая и декадентов и «теургов».

Список литературы:

1. Белый А. На рубеже двух столетий [Текст] / А. Белый // Серия литературных мемуаров. – М.: Худож. лит., 1989. – 544 с.
2. Бердяев Н. А. Метафизика пола и любви [Текст] / Н. А. Бердяев // Эрос и личность: Философия пола и любви [сборник]. – СПб.: Азбука-классика, 2007. – С. 17 – 51.
3. Брюсов В. Я. Неизданное и несобранное [Текст] / В. Я. Брюсов. – М.: Ключ ; Книга и бизнес, 1998. – 332 с.
4. Гумилев Н. Наследие символизма и акмеизм [Текст] / Н. Гумилев // Письма о русской поэзии. – М.: Современник, 1990. – С. 229 – 237.

5. Мережковский Д. С. В тихом омуте. Статьи и исследования разных лет [Текст] / Д. С. Мережковский. – М.: Советский писатель, 1991. – 491 с.
6. Неизданный Федор Сологуб [Текст] / Неизданный Федор Сологуб. – М.: Новое литературное обозрение, 1997. – 575 с.

«ИТАЛЬЯНСКИЙ ТЕКСТ» В РИМСКИХ СТИХАХ АЛЕКСАНДРЫ ПЕТРОВОЙ

Кондрашева Анастасия Валерьевна

*к. пс. н., доцент, старший научный сотрудник
Астраханского государственного университета, г. Астрахань*

E-mail: a.v.kndrasheva@mail.ru

С Римом связаны десятки имен наших выдающихся соотечественников, посетивших Рим, живших здесь в различные годы XIX-XX веков, и продолжающих приезжать сюда в XXI веке, что стало не только фактом их личной биографии, но и привело к созданию художественных шедевров, составляющих гордость отечественной культуры. Представить русскую культуру без римского воздействия невозможно.

Если в русской поэзии XIX века Рим выступал как исторический фон («древний Рим», «державный Рим», «пышный Рим») и как символ утраты былого величия (как, например, в элегиях Е.А. Баратынского «Ты был ли, гордый Рим, земли самовластитель») [5], то XX век, отмеченный катаклизмами революций и войн, долгим и трудным преодолением тоталитарного режима в СССР, повлек эмиграцию из страны миллиона наших граждан. Италия – одна из тех стран, где российские беженцы нашли приют, а нередко и вторую родину.

В начале XX века, после некоторого охлаждения, «вечная прототипическая родина» - Италия снова становится «мечтой, предметом страстного желания, тем благодатным, блаженным местом, которое знают доопытно или, в которое верят таинственно и глубоко интимно, почти иррационально связанным с Россией» [9].

Так, например, для Михаила Осоргина Рим, - это «святая святых, - склад ценностей неизреченных...» [6]. Вяч. Иванов, который своего рода завершил блестящую плеяду русских пилигримов,

воспевших вечный город, писал: «Родине верен я, Рим новою родиной чту» [3].

В конце XX века в Италию приезжает И. Бродский. Потрясение от встречи с искусством древности сочеталось с осмыслением собственного присутствия в этом пространстве: «...в Риме, выходя в город – идешь домой. Город есть продолжение гостиной, спальни. То есть, выходя на улицу, ты опять оказываешься дома» [2].

В XXI веке современные русские поэты пишут не столько о Риме, сколько о «римском тексте» русской поэзии.

«Рим лежит где-то в России. Лирический диалог двух русских поэтесс о Риме» - название книги Е. Шварц и О. Мартыновой, где сама интонация фразы заставляет вспомнить не только письма Гоголя из Италии в Петербург, но и взгляд Бродского на Рим, который до личного знакомства поэта с вечным городом существовал больше в воображении, чем в реальности [11].

Рим служит русским путешественникам XXI века настоящей машиной времени, которая своей способностью возвращать к истокам и началам, помогает, если не избежать смерти вообще, то все же отодвинуть ее в своей современности [11].

Случай современного русского поэта Александры Петровой, проживающей в Риме с 1999 года, выходит за рамки частного происшествия, он иллюстрирует доподлинную литературную потребность. Потребность вырваться за грань привычного мира, превозмочь его тесноту, отчудиться от родного слова, и все ради того, чтобы войти с ним в новую близость [7].

Биографические обстоятельства Александры Петровой, казалось бы, провоцировали на серьезную культурологическую рефлексию: действительно, такой подарок, жить в Петербурге, Иерусалиме, Риме – как же было можно оставить незамеченными реалии, имена и наименования, как например, *Villa Pamphili*, *Cavalier Borromino* [1].

Рим для Петровой – это история, предания, легенды, люди, не выловленные из потока, а данные вместе с потоком, в его обрамлении. События не выбираются и не обособляются, и кажется, что их вообще нет.

Стихи Петровой путешествуют по Риму, то мысленно выгораживая площадку для культурно-исторических разысканий, то минуя безымянные поля и перелески. На улицах им попадаются бомжи и цыгане, жертвы балканских войн едут с ними в метро.

Первый итальянский сборник Петровой, которая двенадцать лет живет в Риме, это география чувств, топография жизни, описывающая места через эмоции и боль, внезапная смена тематики и стилистики, неожиданные перемещения, которые лишают читателя равновесия.

Поэтический маршрут Петровой ведет как к непредсказуемому горизонту, так и в конкретные места: в парк, метро, места военных действий или рядом с птичьим гнездом. Ее поэзия отмечает впечатление от всего происходящего в мире в постоянном изменении, без присвоения ему определенности в виде личных имен, за исключением некоторых стихов, в которых упоминается топоним Италия и итальянские города [10].

В художественной литературе «итальянский текст» представлен целой парадигмой общих мест – языковых и предметных формул, нарративных и синтаксических построений, определяющих, в свою очередь, особый сверхэмпирический смысл «итальянского текста», его сакральный, мифологический уровень. С одной стороны, «итальянский текст» представляет собой условный пейзаж, включающий, с другой – достаточно четко фиксированный круг культурных образов, связанных с историей и искусством Италии [4].

Рим, описанный Петровой, представляет собой пространство, разделенное на две части, противопоставленные эстетически: с одной стороны, Рим грубый, жесткий («Лучи пропадают, и снова становится очевидным, что в Риме плохая погода. Нет прохожих. Ангел – клошар без чулок – вечно мерзнет на Замке.»). С другой стороны, Рим живописный, волшебный, естественный («В итальянском звоне и гуле, мраморно, пестром, тяжелые пули ночей отливают бледные сестры»).

Можно отметить, что один из ведущих принципов восприятия «итальянского текста» - это принцип живописности. В «Подземном Риме» Александры Петровой данный принцип не выражен в полной своей мере, как мы привыкли это видеть ранее. Свообразными маркерами итальянского пейзажа становятся «черный Тибр, недостроенный мост, редкие пешеходы, сменившие кожу» [7].

Если в русской поэзии первой половины XIX века комплекс «итальянских» образов зачастую становился композиционным стержнем всего текста, то у Петровой мы видим отдельные образы, упомянутые вскользь. Создается странное ощущение недосказанности, недоуплощенности.

«В чесучовом горле Орфея
чаша песни, где гласных трясина бурлит.
Флорентийский бродяга,

Пастушонок Давид
Подавились бы ею» [7]

Обратившись к топониму Рим, который мы встречаем в самом названии, то снова видим вместо некогда Рима - обители славы, родины искусства – Подземный Рим.

«...сорван крючок с затворенного Рима
он проносится мимо
в перспективе ударившись о монумент
памяти распадаясь на части
за осколком одним и мы убегаем вслед
взявшись за руки
мотоциклисты счастья» [7]

«В Риме есть что-то даже кощунственное», - писала в 1960-х годах Анна Ахматова, ощутившая в этом городе некую непрекращающуюся борьбу язычества и христианства. Это остро чувствует и сегодня Александра Петрова. Здесь вас то и дело норовят схватить за рукав мелкие жулики, проститутки, торговцы подделками. Но есть и другой Рим – спокойный, величественный, сохранивший мощи тысяч мучеников.

«В подземном Риме
Каменщик Gesu`
Зажжет огни,
Слизнет твою слезу» [7]

Список литературы:

1. Барзах А. О книге Александры Петровой «Вид на жительство», Новая русская книга, №2, 2001
2. Волков С. Диалоги в Иосифом Бродским. М., 1998. С. 205
3. Иванов Вяч. Собр. Соч. в четырех томах, Брюссель, 1971-1987, т. I, с. 638
4. Константинова С.Л. «Итальянский текст» русской литературы XIX-XX вв. Псков: ПГПУ, 2005.
5. Крюкова О.С. Архетипический образ Италии в русской литературе XIX века: автореферат дис. д.ф.н.:10.01.01./Крюкова О.С. МГУ, Москва, 2007.
6. Осоргин М.А. Времена: Автобиографическое повествование.
7. Петрова А. Три дарования. М., НЛО, 2000.
8. Романы / Сост. Н.М. Пирумова; Авт. вступ. ст. А.Л. Афанасьев. М., 1989. С. 14
9. Топоров В.Н. Италия в Петербурге // Италия и славянский мир. М. 1990, с. 61.

10. Sandler Stefanie. Alexandra petrova, Tolko derevja, NLO, Mosca, 2008.
11. Scandura Claudia. L'Accademia russa a Roma: l'ultimo sogno di Josif Brodskij. Изд-во Ricerche slavistiche. Nuova serie Vol.5 (LI) 2007.

ВЕНЕЦИЯ КАК «ВРОЖДЁННАЯ ИДЕЯ» В РУССКОЙ ПОЭЗИИ XX ВЕКА: ОТ В. КОМАРОВСКОГО ДО А. МАШЕВСКОГО

Кунусова Алина Нагиевна

*аспирант кафедры русской литературы АГУ (Астрахань),
аспирант Департамента американистики, славистики и иберистики
университета Ca`Foscari (Венеция)
E-mail: a.kunusova@gmail.com*

«Итальянские впечатления – едва ли не универсальная литературно-художественная тема, своего рода урок, который должно выполнить, не заботясь о том, что он затвержен многими и многими, в разных временах и пространствах» [3, с. 443]. Действительно, Венеция представляет собой тот топос, представление о котором есть у всех, вне зависимости от эмпирического или реального соприкосновения с городом. Так, «каждый из нас, не бывая в Венеции, Знает Венецию. Это улицы-каналы, лодки-экипажи, старые дворцы, обветшавшая роскошь, чёрные плащи гондольеров, чёрные кружева красавиц...» [1, с. 9–10].

«Врождённая идея» как феномен была обозначена Платоном и развита в русле концепции «знание как припоминание». В контексте русской литературной венецианы данная идея репрезентирует восприятие необычного итальянского города как совокупности знаний и представлений о нём сквозь призму разных времён и поколений. Как известно, рецепция Италии в русской литературе начала XIX в. носила опосредованный характер: миф о стране создавался прежде всего с опорой на западно-европейскую культуру. Популярность переводных произведений представителей романтического направления в литературе привела к формированию культа данной страны и появлению в связи с этим целого ряда поэтических и прозаических интерпретаций образа Италии. Безусловное влияние на русский итальянский текст оказало творчество Дж.Г. Байрона («Паломничество Чайльд-Гарольда»). По справедливому замечанию Н.Е. Меднис, «Байрон одним из первых указал на венецианский литературный

пратекст, который во многом определил становление венецианы XIX-XX веков» [2]: *Венецию любил я с детских дней / Она была моей души кумиром, / И в чудный град, рожденный из зыбей, / Воспетый Радклиф, Шиллером, Шекспиром, / Всецело веря их высоким лирам, / Стремился я, хотя не знал его* (Перевод В. Левика).

Кроме того, катализатором неугасаемого в течение нескольких столетий интереса к образу Италии в русской литературе является лирика А. Шенье, романы и повести Ж. Санд, Ж. де Сталь, поэзия А. Ламартина, произведения О. де Бальзака, А. Стендаля, О. Шатобриана и др. представителей французской литературы. Ключевыми медиаторами в процессе трансляции итальянского мифа на русскую почву стали также немецкие романтики: И.-В Гёте, К.-Ф. Мориц, В.-Г. Вакенродер, Л. Тик и др. Представители западноевропейской литературы внесли огромный вклад в мотивно-образный репертуар сигнатур, конституирующих венецианский текст русской литературы. Выкристаллизованная произведениями вышеупомянутых зарубежных авторов легкоузнаваемость образа Венеции в русской литературе достигается благодаря определённым субстратным элементам (гондолы, дворцы, окружённые водой, напевы Торквато Тассо, гондольеры, чёрная шаль венецианок, Сан-Марко и т.д.).

Образ Венеции (неведомой, но эмпирически постигнутой), кумулированный предыдущим литературным наследием, актуализирован и в XX в. в «венецианском» творчестве В. Комаровского, А. Пурина, Д. Смагина, М. Шмелевича, А. Машевского.

В. Комаровский, как известно, в течение жизни Венецию не посещал. Его венецианский текст (из цикла «Итальянские впечатления») базируется на т.н. ощущении города, реализованном благодаря предтекстовому литературному сознанию автора. Однако из стихотворения не ясно, каков опыт соприкосновения с городом получен поэтом, поскольку не наблюдается вербальной актуализации мотива незнания Венеции в реальной жизни. Следует отметить, что ономастикон венецианского текста В. Комаровского предельно минимизирован. Имя Венеции не используется поэтом, ощущение города создаётся благодаря включению в канву стихотворений ключевых для венецианского текста элементов:

- онимов:

*V Знаю — увижу скоро
Древних церквей виссон.
Кружевом Casa d'oro*

Встанет солнечный сон.

(Утром проснулся рано..., 1912).

Вспорхнула птичка. На ветвистой кроне

Трепещет солнце. Легкий кругозор,

И перелески невысоких гор,

*Как их божественный писал **Джорджоне***

(Вспорхнула птичка. На ветвистой кроне..., 1913).

Пылают лестницы и мраморы нагреты,

*Но в церковь и дворец иди, где **Тинторетты***

С багровым золотом мешают желтый лак,

И сизым ладаном напитан полумрак.

(Пылают лестницы и мраморы нагреты..., 1912).

- характерной колористики:

Из райских тучек сладостный кагор

*Струится в **золотистом** небосклоне...*

(Вспорхнула птичка. На ветвистой кроне..., 1913);

- основных константных образов (лагуны, гондольеры):

Дохнула ночь болотом, лихорадкой.

Перегорев, как уголь, вспышкой краткой,

*Упало солнце в марево **лагун**.*

(Вспорхнула птичка. На ветвистой кроне..., 1913)

Из райских тучек сладостный кагор

Струится в золотистом небосклоне,

*И **лодочник** встает в неясном звоне,*

И шевелится медленно багор

(Вспорхнула птичка. На ветвистой кроне..., 1913).

Таким образом, венецианский текст В. Комаровского не репрезентирует в полной мере весь объём «врождённой идеи» о Венеции, характерный для творчества писателей предшествующего периода, однако играет свою роль в становлении русской литературной венецианы XX в.

Вторая половина XX века также несёт на себе отпечаток «врождённой идеи», более концентрированный и объёмный в связи с продолжающимся активным интересом к Венеции как предмету поэтического описания. Так, А. Пурин в стихотворении «Приснилась Венеция: голуби, сорный канал...» открыто заявляет читателю, что он «там не бывал наяву – и не надо – читал / новеллу одну про смятение чувств и холеру» (1981), намекая на то, что знание о Венеции не предусматривает реального знакомства с ней и представляется достаточным быть в курсе литературной трансляции образа города (в данном случае Пуриным принимается рецепция Т. Манна в новелле

«Смерть в Венеции»). Следует отметить, что границы Венеции, по Пуруну, размыты и призрачны. Такое восприятие города реализуется через мотив сна, отражающий как сущность Венеции как таковой, так и её связь с образом Петербурга:

*Я понял, что умер, - и не огорчился... А сон
гондолу толкал: нависали мосты, и порталы
во мраке теснились, загробный небесный виссон
спиртовкой пылал... И поплыли родные кварталы –
тот дом, где я вырос; собор, где крестили меня;
Голландия Новая в инее, готика склада...*

(Приснилась Венеция: голуби, сорный канал..., 1981).

Венеция как собственно «врождённая идея» репрезентирована и стихотворении Д. Смагина. Поэт акцентирует внимание на незнании Венеции уже в эпиграфе («В Венеции, где не был я ни разу...») и развивает эту тему, далее ни разу не вербализируя факт незнакомства с городом, однако повторяя её посредством избрания анафорической структуры стихотворения: каждая строфа, вторя строчкам из произведения А. Кушнера, начинается со слов «в Венеции...»:

В Венеции, где голуби давно
Теснят к воде собор Святого Марка.
В Венеции, где пристаней полно,
Но нет зато троллейбусного парка.

В Венеции, которая сама
Похожа на одну большую пристань.
В Венеции, где море все дома
Подчеркивает линией волнистой.

В Венеции, где ты на пару дней
Поселишься в каком-нибудь палаццо,
Заметить вдруг, что здесь у них сильнее
От сырости обои пузырятся.

Наиболее полно, на наш взгляд, о своём «умопостигаемом» знании о Венеции заявляет А. Машевский, который с первых строк своего одноимённого цикла стихотворений демонстрирует свою отстранённость от равнодушия до небрежности к объекту описания: «Всё равно о чём писать придётся: / Например, Венеция, в которой / Я ни разу не бывал...». Однако стихотворение изобилует сигнатурами:

- антропонимами:

*а) Это **Гварди**, это **Гварди**, это **Гварди**:
Все в плащах, как птицы, кавалеры...*

б) **Морони, Джованни Беллини, Лоренцо Лотто**

И смерть в этом мареве сладкую примет кто-то...

- топонимами:

а) И кресты **Сан-Марко**, как игрушки,
Как снежинки вафельной салфетки...

- конституэнтными анималистическими образами:

а) Золотые блики, блески, стружки,
Лев крылатый, свет в ажурной клетке.

б) Кистеперой **рыбой** золотой –
Завороженный, прохожий люд толпится.

в) Не Флоренция, цветочно-черепичная,
А гнездо морской, розовогрудой, хищной **чайки**.

- собственно венецианскими реалиями:

а) **Небо бирюзовое** над лагуной.

б) Отблеск, блик на башенке крутой.
Бреют воздух бритвочкой **гондолы**,
В дворики висит слепой **фонарь**.

- образом воды:

а) **Плавай, плавай**, красота подслеповатая, веками
В иллистом бульоне, в этом хрупком чайном блюде.

б) **Лагуна, влажная** духота, сталагмитовое **болото**.

- мотивом карнавала:

а) Плащиком заслонишь от улыбочки **карнавальной**, чумной.
Эти **маски** носатые белые клювы свои заострили.

б) Все в плащах, как птицы, кавалеры,
На шарнирах, в **кукольном** азарте
Кланяются – красный, синий, белый.

- мотивом гибели

а) Ровней отпуская весло, разматывай парус, снасти,
Пой, траурное крыло, о гибели мне, о счастье

б) И **смерть** в этом мареве примет кто-то.

в) Заразиться не холерой – нет, а детской нежной корью
Обмирающей влюбленности – с прививками
Вы пока повремените!

- мотивом зеркальности:

а) Позавидуем **двожкодышащей** его природе

И амбивалентной лёгкости, с которой *morte, vita*

Произносят, **не печалься и не радуйся** своей непредусмотренной
свободе.

Таким образом, поэтическая рецепция Венеции в творчестве
В. Комаровского, А. Пурина, Д. Смагина, А. Машевского представляет

собой реализацию «врождённой идеи» – восприятия города как совокупности константных признаков, которые уже вошли в статус фоновых знаний – с элементами переосмысления традиционного венецианского текста на мотивно-образном уровне.

Список литературы:

1. Кара-Мурза А.А. Знаменитые русские о Венеции. – М.: Независимая газета, 2001. – 384 с.
2. Меднис Н.Е. Венеция в русской литературе [электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: <http://rassvet.websib.ru/>
3. Цивьян Т.В. «„Умопостигаемая Италия” Комаровского» // Комаровский, В.А. Стихотворения. Проза. Письма. Материалы к биографии: Изд-во Ивана Лимбаха, Санкт-Петербург, 2000. – С. 443-453.
4. Цивьян Т.В. «Золотая голубятня у воды»: Венеция Ахматовой на фоне других русских Венеций» // Цивьян Т.В. Семиотические путешествия. – СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2001. – с 40–50.

ОСОБЕННОСТИ ПОЭТИКИ ПАРОДИРОВАНИЯ В ТЕТРАЛОГИИ М. АЛДАНОВА «МЫСЛИТЕЛЬ»

Макрушина Ирина Владимировна

к. фил. н., доцент СГПА им. З. Бишиевой, г. Стерлитамак

E-mail: makruschina@mail.ru

В литературном творчестве последних двух столетий рецепция «чужого слова» постепенно стала внутренней нормой. В лучших своих образцах художественная литература всегда была ориентирована на избирательное использование традиции с целью её творческого развития. Реминисцентный пласт в произведении выполняет двоякую функцию: 1) обеспечивает культурный диалог разных эпох; 2) выступает необходимым смысловым и структурным компонентом создаваемого текста.

Обращение к классическому наследию отечественных и зарубежных художников слова – характерная особенность русского литературного процесса первой трети XX столетия. М. Алданов, выдающийся исторический прозаик I волны русской эмиграции, по праву может считаться одним из самых «литературных» авторов.

В книгах Алданова многочисленны «отсылки» к творческому наследию русских и европейских писателей: А. Пушкина, М. Лермонтова, Н. Гоголя, В. Гюго, А. Франса и др. Интертекстуальные связи, присутствующие в произведениях Алданова на уровне цитации, аллюзий, реминисценций, а также образного и сюжетного варьирования [3, с. 8], становятся их необходимыми структурными компонентами и несут в себе мощный эстетический потенциал.

«Фауст» И.В. Гёте породил многовековую интерпретационную литературную традицию. М. Алданов, безусловно, был хорошо знаком с произведениями Гёте. Немецкий классик часто упоминается и неоднократно цитируется в его романах. В статье, посвящённой столетию со дня смерти выдающегося поэта («Современные Записки». – 1932. – №49.), Алданов писал: «В катастрофические времена мы особенно обязаны помнить о бесспорном. А Гёте бесспорнее всего... Гёте, конечно, самая великая умственная ценность истории». Это вполне объясняет, почему писатель избрал Фауста и Мефистофеля прообразами многих своих героев.

Трагедия Гёте ознаменовала собою новый этап в литературном осмыслении фаустовской темы, с её появлением началась вторичная мифологизация образа Фауста. По мнению В. Белоусовой, в сознании последующих интерпретаторов «... существует, в первую очередь, Фауст Гёте и лишь затем ... мифологические и легендарные коннотации» [2, с. 139]. Таким образом, мотивы, образы, сюжетные положения гётевского шедевра функционируют в более поздних трансформациях в качестве архетипических. Исследуя рецепцию «Фауста» Гёте в творчестве Алданова, позволяющую говорить о включённости писателя в давнюю интерпретационную литературную традицию, мы будем пользоваться понятием «фаустовский архетип» (и производными от него по аналогии) в значении гётевский прообраз, к которому восходят фаустовские персонажи Алданова. Эффективнее, на наш взгляд, осмыслять концептуальную трансформацию фаустовского архетипа в романах Алданова, опираясь на методику интертекстуального анализа, позволяющего выявлять тонкие и сложные межтекстовые связи; с привлечением понятийного аппарата, разработанного в рамках теории интертекста.

«Девятое Термидора» открывает тетралогия М. Алданова «Мыслитель», охватывающую период Французской революции и наполеоновских войн, в серию также вошли книги: «Чёртов мост», «Заговор», «Святая Елена, маленький остров». Каждый из романов представляет собой самостоятельное законченное целое, но связанное

общностью исторической эпохи с другими произведениями. Писатель воссоздаёт крупные события русской и европейской истории: термидорианский переворот 1794 года, переход Суворова через Альпы, убийство императора Павла в Михайловском замке; завершает тетралогию изображение последних месяцев заточения Наполеона и его смерти.

В тетралогии «Мыслитель» в сюжетной линии, связанной со Штаалем, Алданов прибегает к *пародированию* гётевской трагедии. В свете теории интертекстуальности в соответствии с классификацией типов взаимодействия текстов, предложенной Ж. Жанетт в его книге «Палимпсесты: литература во второй степени» (1982), пародирование, обнаруживающее полемику-ироническое мастерство писателя, рассматривается как *гипертекстуальность*. Обращаясь к фаустовскому архетипу, Алданов дегероизирует, до конца опошляет образ, подвергнув его содержательной редукции. По наблюдению Г.В. Якушевой, дегероизация, связанная с иронией, «этим известным эстетическим способом отчуждения» [4, с. 233], проявляется в подчёркнуто бытовом снижении образа, в обстановке действия, желаниях и поступках измельчавшего героя, в стилистике его речи.

Писатель пародирует ряд сцен из «Фауста» при создании образа вымышленного персонажа – Юлия Штааля, человека заурядного, через призму которого изображаются события истории. Перипетии судьбы нарочито непримечательного героя и связанный с ним авантюрно-приключенческий план сообщают повествованию занимательность. «Проецируя» образ Штааля на образ Фауста, Алданов использует приём «асимметричного варьирования» – иронического развенчания персонажа.

Очень честолюбивый молодой человек, выпускник Шкловского военного училища, Штааль в ожидании предстоящих великих свершений избрал для себя стиль кабинетного учёного («Девятое Термидора»). Величественная поступь века Просвещения ознаменовалась торжеством научной истины, которую вобрала в себя «Энциклопедия» Дидро. Однако благоговейное прикосновение Штааля к книжной мудрости знаменитого словаря не возымело на него «освобождающего» воздействия. Вследствие беспросветной путаницы, сделавшейся в голове юноши от чтения книг, «без руководства и... разбора», он решается посмотреть мир и людей, «испытать *все*, пройти через *все*, чтобы *смысл* жизни пришёл сам собою...» [1, с. 59] (выделено автором). Штааль выбирает путь великого Декарта, который тоже в юные годы, оставив кабинетную науку, погрузился в изучение «великой книги мира». Такова предыстория молодого

человека, в которой пародийно обыгрывается завязка бессмертной трагедии Гёте:

*На полках книги по стенам
До сводов комнаты моей –
Они лежат и здесь и там...
Таков твой мир! И это мир!
О, прочь! Беги, беги скорей
Туда, на волю!...
Я кинусь в шумный времени поток,
В игру случайностей, куда забросит рок,
И пусть страданье и отрада,
И пусть удача и досада
Причудливой промчатся чередой...*

В свет Штааля выводит Иванчук – секретарь при особе высшего сановника Российской империи Безбородко. Ловкий пройдоха и карьерист, Иванчук приставлен к юному «ловцу фортуны» в качестве бывшего провожатого. В алдановской пародийной трактовке «потусторонний посланец» подвергнут демистификации, это «сниженный» Мефистофель, утративший свою величественность мелкий бес повседневности. Штааль попадает «в кружок веселящейся... *молодёжи*, состоявший большей частью из богатых, знатных и чиновных людей в возрасте от семнадцати до семидесяти лет» [1, с. 73] (выделено автором). Петербургская глава «великой книги мира», с ночными поездками по увеселительным местам и кутежами на загородных дачах, чрезвычайно понравилась герою. Упомянутая веха на пути «великих свершений» отсылает нас к соответствующему гётевскому эпизоду, в котором Мефистофель ведёт Фауста в погребок Ауэрбаха, где предаются разгулу студенты:

*Тебя ввожу я с первого же шага
В весёлый круг. Вот буйная ватага:
Взгляни, как жить возможно без забот!
Для них – что день, то праздник настает.
С плохим умом, с большим весельем, в мире
Ребята скачут в танце круговом...
Им только б был кредит в трактире
Да не трещала б голова, –
Так всё на свете трын-трава!*

Вступив в повествование в качестве юного кандидата в фавориты престарелой Екатерины II, молодой человек вскоре становится тайным агентом сразу двух разведок (русской и английской) и попадает в революционный Париж, рассчитывая своими

наблюдениями оказать союзной коалиции неоценимые услуги. Штааль предполагал «в докладе Питту и императрице осветить глубокие причины революционных событий и сделать соответствующие выводы, которые могли бы иметь значение для дела монархов» [1, с. 200]. Тщеславные устремления авантюриста, мечтающего разбогатеть и сделать блестящую карьеру, неизменно приводят к неудачам. Штааль не имеет твёрдых идейных и моральных принципов и потому чрезвычайно зависим от чужих мнений. Юношеская инфантильность чревата подражательностью. Молодой человек постоянно стремится походить на кого-то из знаменитых. Так, направляясь в Лондон с секретной миссией, герой представляет себя фельдмаршалом Румянцевым-Задунайским в походе, а, оказавшись во Франции, пытается в подражание Карамзину начать «Журнал путника». Витиеватый и очень фальшивый стиль штаалевских писаний грешит пошлостью («замечем неприятеля даже шапками» [1, с. 181]). Учищение героя, помноженное на невежество, оборачивается обезьяньим передразниванием и опошлением всего, с чем он соприкасается.

Пародийность достигает кульминации с появлением в жизни Штааля Маргариты Кольб (выбор имени героини, разумеется, не случаен). Скрамная и чистая гётевская Маргарита олицетворяет собой мир простых чувств, естественного существования. Фауст возле нее надеется обрести полноту жизненного счастья, земной человеческой радости. По контрасту с кроткой и ангелоподобной Гретхен, мечтавшей о верной любви до последнего вздоха, «избранница» Штааля предстаёт исчадием ада. Образ Марго – гротескная перелицовка, саркастическая пародия на персонаж Гёте. В инверсии Алданова страшным демоном, ввергающим в бездну погибели, становится женский образ, а юный герой оказывается в положении «несчастной жертвы», коварно соблазнённой: «После получаса знакомства она очень просто... в форме краткого приказа – выразила желание стать любовницей Штааля» [1, с. 208]. Эта изломанная, неестественная женщина, плохо играющая демонизм, вызывает у героя чувство страха и отвращения. Грубый физиологизм деталей развивает тему безгласности: мокрая рука без перчатки, несвежее бельё, жадная манера есть. Её пухлые, оттопыренные губы, придающие лицу выражение хищности, говорят о злом и очень опасном существе, способном погубить. Грязная и скучная связь подоплёкой имеет агентурные игры: госпожа Кольб состоит на службе у революционной полиции и может быть полезна британской разведке. В литературной перелицовке гётевского оригинала Алданов опирается на принцип

контрастного противопоставления: трагически одинокая Гретхен, преданная «власти бесчувственно осуждающего человечества», и фальшивый мелодраmatизм продажной Марго, во всём облике которой дешёвое комедианство хохочущей злодейки. Штааль, чувствуя нависшую над ним беду (герой не знает для чего «madame» к нему «приставлена», какова её политическая миссия), в панике *спасается* от Маргариты бегством, позабыв о своей секретной службе.

Содержательная суть фаустовской мифологемы представлена мотивом дерзости познания. Фауст в начале своего пути одержим мечтами постичь «... *все тайны, /Всю мира внутреннюю связь...*». Персонаж Алданова, делая первые, довольно сомнительные шаги на пути освоения «книги мира», тоже озабочен поисками смысла жизни, глубокого и вечного: «Мудрость столетий откроется мне... Я пойду в мир искать её!» [1, с. 316]. Гётевский Фауст, несущий в себе мощный заряд энергии и таланта, в пародийной интерпретации Алданова превращается в пошлого и заурядного типа. Писатель, «сняв» масштабность героя, высмеивает фаустовские амбиции Штааля.

Следующей аллюзией на тему «Фауста», парафразирующей гётевскую сцену «Кухня ведьмы», становится эпизод посещения Штаалем притона, скрытого под вывеской игорного дома («Заговор»). Фауст, приведённый Мефистофелем к ведьме, подвергается колдовским чарам и пьёт волшебный напиток, который превращает его в юношу, ищущего пылкой любви. «Старая ведьма» – содержательница «весёлого заведения» – поит Штааля «масляным зельем» (гашишом), приглашая придаться любовным утехам (ср.: *Черти же круг, промолви заклинанья/ И влей в стакан напиток чудный твой.../ Живее пей до дна бокал –/ И ты мгновенно ободришься*). Давамеск приносит юноше удачу: крупный выигрыш в карточной игре. Однако «золото», полученное с помощью «дьявольского наваждения», оказывается не счастливым. Покинув притон, Штааль в наркотическом угаре ввязывается в уличный скандал с полицией и попадает в казематы Тайной канцелярии.

Алданов подвергает модернизации многие сцены из «Фауста», давая им возможность новой жизни. Штаалевские похождения организуют приключенческий сюжет тетралогии. Беспутный герой плывёт по течению, становясь невольным свидетелем событий большой истории. Участие в швейцарском походе князя Итальянского («Чёртов мост») становится важной вехой в его биографии. Бездонные пропасти Альп, гибель приятелей заставляют Штааля задуматься о прожитой жизни. Однако ему так и не удаётся переломить свою суетливую судьбу. Иронически обыгрывается гётевский мотив «сделки

с дьяволом» в размышлениях героя накануне предстоящего перехода: «Да, это будет началом моей новой жизни... Мост в новую жизнь. *Чёртов мост в новую жизнь...*» [1, с. 593] (выделено мною. – И.М.). Ирония достигается благодаря двусмысленности последней фразы, точно характеризующей ситуацию, в которой оказался Штааль. С одной стороны, это реальный каменный мост над пропастью, по которому с боем переходят русские войска под командованием Суворова (по швейцарскому поверью ущелье выстроил сам сатана, поэтому мост прозвали Чёртовым); с другой стороны, во всём, что происходит с героем, угадывается дьявольское участие. Ведомая бесом, совсем измотавшаяся душа Штааля часто оказывается на чёртовом перекрестке.

Гётевский Фауст идёт на сделку с чёртом ради обладания знанием, с помощью которого можно изменить мир и жизнь людей, приблизиться к Богу в возможности творить. Это ищущая натура, дерзновенно ломающая запреты и традиции, натура демоническая, несущая в душе космос и хаос, добро и зло. Подвергнув иронической перелицовке идею плодотворности союза человека с дьяволом, писатель изображает Фауста измельчавшего, целиком поглощённого чёртом. Мечтающий о прекрасных женщинах, почестях, богатстве, Штааль идёт по жизни «путём превратным», откликаясь на все греховные соблазны. Характерна сцена на петербургском Лазаревском кладбище. Праздный герой – детина отменного здоровья, любопытствуя, глумится над эпитафиями надгробий, которые забавляют его своей торжественностью. Личину мрачного мизантропа, хохочущего над человеческой бренностью (маска человеконенавистника подсказана ему Ламором), Штааль охотно меняет на образ Жульчика, которым он становится, отправляясь в игорный дом. Вехи на пути последовательного превращения Штааля в объект насмешки и сожаления комически отображаются через портрет Жан Жака Руссо в восприятии его героем: «Руссо... посмотрел на <Штааля> с крайним отвращением и затем как будто даже отвернулся...» [1, с. 197]; и позднее: «... на близком расстоянии лицо <философа> выражало совершенное омерзение» [1, с. 214].

При создании образа Штааля в оценке Алданова появляются завершающие иронико-юмористические интонации. Единство отношений «контакта» и «дистанции» между автором и героем смещается в пользу последней. Повествователь выступает в качестве «разоблачающего субъекта». Проецируя образ Штааля на образ Фауста, Алданов, опираясь на приём «асимметричного варьирования», до конца снижает героя, превращая его в авантюриста, «ловца

фортуны». Трактую образ в юмористическом ключе, писатель высмеивает фаустовские претензии нарочито заурядной личности. Авантюрно-приключенческая линия, связанная со Штаалем и сообщающая повествованию занимательность, выстраивается за счёт заимствования отдельных сюжетных ходов, сцен, мотивов гётевского «Фауста», обладающих запасом эстетической выразительности. Алданов проводит события большой исторической важности через умственный строй посредственного человека, который их явно до конца не понимает. Этот приём позволяет писателю обходить молчанием белые пятна прошлого, либо показывать его отстранённо, не греша против исторической достоверности.

Каждое новое художественное явление опирается на культурную память. Прочтение романов Алданова сквозь интертекстуальную «призму» значимых идей и образов Гёте позволяет говорить об использовании писателем в своих произведениях литературной традиции в качестве поэтико-смыслообразующего элемента. Реминисцентный пласт не только становится необходимым компонентом каждой его книги, но и формирует структурное единство метароманного целого.

Список литературы:

1. Алданов М.А. Девятое Термидора. Чёртов мост [Текст] / М.А. Алданов // Алданов М.А. Собр. соч.: В 6 т. – М.: Правда, 1991. – Т. 1. – С. 37-316; 319-605.
2. Белоусова В. Трансформация образа Фауста в современной литературе [Текст] / В.Белоусова // Вечные образы и сегодняшние проблемы в литературах Центральной и Юго-Восточной Европы / РАН. Институт мировой литературы им. А.М. Горького. – М.: Наследие, 1997. – С. 135-155.
3. Попова И.М. «Чужое слово» в творчестве Е.И. Замятина (Н.В. Гоголь, М.Е. Салтыков-Щедрин, Ф.М. Достоевский): автореф. дис. д-ра филол. наук [Текст] / И.М. Попова. – М., 1997.
4. Якушева Г.В. Гёте в советской литературе (40 – 80-е годы) [Текст] / Г.В. Якушева // Гетевские чтения: 1997. – М.: Наука, 1997. – С. 219-247.

ВЛИЯНИЕ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ ПЕРСИИ НА РУССКУЮ ЛИТЕРАТУРУ И ПОЭЗИЮ

Халилзадех Аминиян Захра

магистрант, Российский Университет Дружбы Народов, г. Москва

E-mail: aminianz@yahoo.com

Культура является не только тем фактором, который совершенствует мир, но и играет немаловажную роль в воспитании толерантной личности, способной с уважением относиться к культурным традициям и обычаям других стран.

В связи с этим обращение к культурному наследию Востока, подарившего миру таких великих поэтов, как Саади, Гафиз, Хайям, великих мыслителей и философов, неслучайно. Их творчество оказало большое влияние на мировую культуру в целом, в том числе и на русскую литературу. Поэт-переводчик М. Синельников отмечал, что «как негаданная золотая нить вплетается в белое и серебряное кружево, так и восточная метафора срослась с песенным русским кружевом» [7, с. 35].

В России в конце XVIII в. возрастает интерес к восточной культуре, начинают появляться переводы стихов поэтов Востока и украшенной прозы. Первым в поле зрения переводчиков попадает великий перс Саади (XIII в.), который умел "развлекать, наставляя, и наставлять, развлекая" как властителей, так и их подданных [1; 2]

В последние годы XVIII в. российские журналы публикуют восточные анекдоты и апологи, а также "мысли восточных мудрецов", говорящие о пользе любви к родителям, щедрости и терпении, о вреде порока, о неприятностях, которые приносит ложь.

В 1815 г. , на уровне филологической экспликации в единое семантическое поле литературного Востока, наряду с джиннами, Шахерезадой, мудрыми дервишами Саади и любовно-винными песнями Гафиза, гордыми бедуинами, помещаются сюжеты хорошо знакомых библейских сказаний. Все это находит выражение в ориентальном стиле русских романтиков. В поэзии русского романтизма, начинается стилистическое использование восточных мотивов в русской литературной традиции, получившее название восточного стиля.

Печатались также и страноведческие заметки, дневники путешествий, этнографические переводные наблюдения. Они знакомили публику с настоящим, невыдуманным Востоком и становились источниками формирования в поэзии XIX в. устойчивых,

"сквозных" восточных мотивов.

Так, через весь XIX век проходит мотив особой лазурной голубизны неба Азии, особенного света светил (Пушкин "Где луна теплее блещет"). А еще позже, уже в XX веке, "подхватывают" тему восточного неба О. Мандельштам: "Лазурь да глина, глина да лазурь, // Чего ж тебе еще? Скорей глаза сошурь, // Как близорукий шах над перстнем бирюзовым", М. Цветаева: "Лазурь! Лазурь! Пустынная до звона" и Аполлинер в переводе М. Кудинова: "Над Исфаганью небо из плит, // покрытое синей глазурью" [6].

Большое влияние на формирование «восточного стиля» в русской поэзии XIX века оказал Омар Хайям. Поэзия О. Хайяма отличается напевностью и ритмичностью, мастерски построенными поэтическими фразами, яркими образами и глубоким философским смыслом [5].

Сам О. Хайям пришел бы в смущение, узнав, что станет таким популярным классиком через сотни и сотни лет, в будущем разноязыком и разнокультурном мире, благодаря тем рубаи, которые он, в общем-то, никогда не относил к произведениям серьезной литературы. Однако, как только появляется перевод его рубаи на русский язык, они становятся чрезвычайно популярны. В России, да и во всём мире появляется масса подражателей Хайяму. Среди них есть как безусловно талантливые, такие как А. Фет, который, делая переводы Хайяма, перенёс в свою лирику и много восточных мотивов и образов, и музыкальность в построении фраз. Есть и те, о которых сейчас никто не вспоминает [3].

Использование восточных мотивов с самого начала протекало под знаком двух противоположных мнений, наиболее яркие формулировки которых находим у А.С. Пушкина. Великий русский поэт дает свою оценку ориентальной космологии: "Плохая физика, но зато какая смелая поэзия!" [4, 2000. С. 387-389]. Отдавая должное красоте лирики поэтов Востока, обращаясь к ее образам, А.С. Пушкин все же остается русским поэтом, чье творчество органично усваивает лучшие достижения других культур.

А. Пушкин так определяет отношения европейца с восточной (мусульманской) эстетикой: «Европеец, и в упоении восточной роскоши, должен сохранить вкус и взор европейца». Он хорошо понимает, что в восточной поэзии слишком много «красивости», и в одном из писем отмечает: «Такова восточная поэзия, взятая в целом, попеременно величественная и тихая, ужасная и пленительная, разнообразная и полная красоты веков первобытных».

Подражая восточным поэтам, А.С. Пушкин всё же остается

верен традициям русской классической литературы. Он зачастую лишь вплетает «восточный узор» в описание русской природы или прелестей русских красавиц (таинственные девы, ланиты, алеющий восток).

Ряд критиков, например, П.Н. Савицкий [6], подверг остракизму употребление «изысканных восточных метафор, изысканной образности». Они писали, что использование восточного стиля вызывает «раздражение у русского читателя», но соединение лирики востока и «русской реальности» у таких поэтов, как В. Жуковский, Ф. Глинка, А. Шишков, К. Батюшков, А. Пушкин, М. Лермонтов, А.А. Фет, рождало ряд замечательных высокохудожественных произведений.

Сгущение великолепных сравнений, параллелизмы, контрасты, анафоры, (но это - сгущение по сравнению с ощущаемой носителями традиции нормой, оно не затрагивает композиционной схемы стихотворения), скопление "роскошных" слов, вроде «розы», «неги», «лобзаний», «знойный» и т.п., употребление экспрессивно окрашенных слов, обозначающих чувства, и восточных имен, названий, т.е. внешних знаков стиля, не мешало развёртыванию лирического сюжета в традиционно русской манере [5].

Нельзя не сказать о таком поэте серебряного века, как С. Есенин, который создал целый цикл стихов, объединенных общим названием «Персидские мотивы».

«Красивости» Востока красной нитью проходят в этом цикле (обсыпанный розами порог; море, полыхающее голубым огнём). Персия для Есенина - идеальная страна с мудрым восприятием жизни, гармонией любви и счастья. В этом и заключается прелесть есенинской лирики. Он сердцем чувствует, что нужно русскому человеку.

С другой стороны, Персия для поэта – это только орнамент, в котором раскрывается его внутренний мир, смысл его жизни, его размышления о России. Сердцем Есенин всегда с родной страной («как бы ни был красив Шираз, / Он не лучше рязанских раздолий», «у меня в душе звенит тальянка»).

Особый вклад в понимании образа Востока внес М.Ю. Лермонтов. Видения Востока, герои Ислама и русские офицеры слились у него в поэзии и прозе, стали неразрывны и неразлучны («Поэт», «Дары Терека», «Герой нашего времени», «Кавказский пленник»).

Таким образом, можно сказать, что, несмотря на тяготение русской литературы к Европе, в ней присутствуют и образы Востока,

его метафоричность и глубокая мудрость.

Список литературы:

1. Приятное и полезное препровождение времени. 1794.
2. Восточная баснь славного Саади. 1796.
3. Полисецкий Г. Б. Омар Хайям, Сад любви. Сборник с переводом и комментариями. М., 1971.
4. Члисова Н., Смирнов А. Подражание восточным стихотворцам: встреча русской поэзии и арабо-персидской поэтики. М.: Вост. Лит. РАН, 2000. С. 387-389.
5. Самунин В. Омар Хаяйм: по ту сторону поэзии / В.Самунин // Наука и религия. – 2004. - № 5. – С. 46-50.
6. Савицкий П.Н. Поворот к Востоку. авт. диссер. М., 2008.
7. «Истина и жизнь»: ежемесячный журнал о человеке, духовности, культуре, 1999, 35.

Для заметок

«АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ФИЛОЛОГИИ И КУЛЬТУРОЛОГИИ»

Материалы международной заочной научно-практической
конференции

03 мая 2011 г.

Печатается в авторской редакции

Подписано в печать 18.03.11. Формат бумаги 60х84/16. Бумага офсет №1.
Гарнитура Times. Печать RISO. Усл. печ. л. 6,25. Тираж 550 экз. Заказ 11.

Издательство ЭНСКЕ
630049, г. Новосибирск, Дуси Ковальчук, 270.
E-mail: enske@mail.ru

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного оригинал-
макета в типографии ЭНСКЕ
630049, г. Новосибирск, Дуси Ковальчук, 270.